

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

Volume 22. No.4

ISSN 2587-8115 (Print)
ISSN 2587-6899 (Online)

LEGAL CONCEPT

2023

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

Том 22. № 4

ISSN 2587-8115 (Print)
ISSN 2587-6899 (Online)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

LEGAL CONCEPT

2023

Volume 22. No. 4

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2023

Том 22. № 4

18+

LEGAL CONCEPT

PRAVOVAYA PARADIGMA

2023. Vol. 22. No. 4

Academic Periodical

First published in 1996

4 issues a year

Mainstream issue: “The Evolution of Some Types of Debt Relationships in the Russian Federation”

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФЦ77-69269** of March 29, 2017)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **CrossRef** (USA), **Google Scholar** (USA), **ProQuest** (USA), **SciUp** (Russia), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), **IPRbooks E-Library System** (Russia), **E-Library System “University Online Library”** (Russia)

Editorial Staff:

Prof., Dr. *A.O. Inshakova* – Chief Editor (Volgograd)
Prof., Dr. *A.Ya. Ryzhenkov* – Deputy Chief Editor (Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *I.V. Baltutite* – Executive Secretary (Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *E.O. Osadchenko* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *A.Kh. Abashidze* (Moscow); Dr. *L.A. Bukalero* (Moscow); Prof., Dr. *A.I. Goncharov* (Volgograd); Prof., Dr. *N.I. Grachev* (Volgograd); Prof., Dr. *M.L. Davydova* (Volgograd); Prof. Dr. *T.V. Deryugina* (Moscow); Prof. Dr. *V.V. Dolinskaya* (Moscow); Prof., Dr. *N.Yu. Erpyleva* (Moscow); Prof., Dr. *L.G. Efimova* (Moscow); Prof., Dr. *E. Kovalski* (Warsaw, Poland); Prof., Dr., Acad. *N.S. Kuznetsova* (Kiev, Ukraine); Prof., Dr. *V.P. Kamyshanskiy* (Krasnodar); Prof., Dr. *D.K. Labin* (Moscow); Prof., Dr. *L.V. Lobanova* (Volgograd); Prof., PhD *Massimo La Torre* (Catanzaro, Italy); Prof., Dr. *I.A. Mikhaylova* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *N.V. Pavlichenko* (Moscow); Dr. *J.L. Perez Alvarado* (Dominican Republic); Prof., Dr. *V.F. Ponka* (Moscow); Prof., Dr. *S.B. Rossinskiy* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *V.A. Rudkovskiy* (Volgograd); Prof., Dr., Acad. of RANH *V.A. Ruchkin* (Volgograd); Assoc. Prof., Dr. *A.V. Serebrennikova* (Moscow); Prof., Dr. *E.E. Frolova* (Moscow); Prof., Dr. *O.A. Yastrebov* (Moscow)

Editors, Proofreaders: *N.M. Vishnyakova, M.V. Gayval, A.A. Lagutina*

Editor of English texts *D.A. Novak*

Making up and technical editing *O.N. Yadykina*

Passed for printing on Dec. 28, 2023.

Date of publication: Mar. 7, 2024. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 14.9. Published pages 16.0.

Number of copies 500 (1st printing 1–30 copies).

Order 179. «C» 44.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Publishing House

of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-02-72. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik5@volsu.ru

Journal website: <https://j.volsu.com>

English version of the website: <https://j.volsu.com/index.php/en/>

LEGAL CONCEPT

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2023. Т. 22. № 4

Научный журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Главная тема номера: «Эволюция некоторых видов обязательственных правоотношений в РФ»

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-69269 от 29 марта 2017 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базу Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: CrossRef (США), Google Scholar (США), ProQuest (США), SciUp (Россия), Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» (Россия), Соционет (Россия), Электронно-библиотечная система IPRbooks (Россия), Электронно-библиотечная система «Университетская библиотека онлайн» (Россия)

Редакционная коллегия:

д-р юрид. наук, проф. А.О. Иншакова – главный редактор (г. Волгоград)

д-р юрид. наук, проф. А.Я. Рыженков – зам. главного редактора (г. Волгоград)

канд. юрид. наук, доц. И.В. Балтутите – ответственный секретарь (г. Волгоград)

канд. юрид. наук, доц. Э.О. Осадченко – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р юрид. наук, проф. А.Х. Абашидзе (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.А. Букалерева (г. Москва); д-р юрид. наук, д-р экон. наук, проф. А.И. Гончаров (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. Н.И. Грачев (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. М.Л. Давыдова (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. Т.В. Дерюгина (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. В.В. Долинская (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Н.Ю. Ерпылева (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.Г. Ефимова (г. Москва); д-р права, проф. Е. Ковальски (г. Варшава, Польша); д-р юрид. наук, проф., акад. Н.С. Кузнецова (г. Киев, Украина); д-р юрид. наук, проф. В.П. Камышанский (г. Краснодар); д-р юрид. наук, проф. Д.К. Лабин (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.В. Лобанова (г. Волгоград); проф., PhD Массимо Ла Торре (г. Катанзаро, Италия); д-р юрид. наук, проф. И.А. Михайлова (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. Н.В. Павличенко (г. Москва); д-р юрид. наук Х.Л. Перес Альварардо (Доминиканская Республика); д-р юрид. наук, проф. В.Ф. Понька (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. С.Б. Россинский (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. В.А. Рудковский (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф., акад. РАЕ В.А. Ручкин (г. Волгоград); д-р юрид. наук, доц. А.В. Серебренникова (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Е.Е. Фролова (г. Москва); д-р юрид. и экон. наук, проф. О.А. Ястребов (г. Москва)

Редакторы, корректоры: Н.М. Вишнякова, М.В. Гайваль, А.А. Лагутина

Редактор английских текстов Д.А. Новак

Верстка и техническое редактирование О.Н. Ядыкиной

Подписано в печать 28.12.2023 г.

Дата выхода в свет: 07.03.2024 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 14,9.

Уч.-изд. л. 16,0. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–30 экз.).

Заказ 179. «С» 44.

Свободная цена

Адрес типографии: 400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство Волгоградского государственного университета. E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-02-72. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik5@volsu.ru

Сайт журнала: <https://j.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://j.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Инишкова А.О. Особенности правового развития
обязательственных правоотношений
в современной России 6

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

Молчанов А.А. Понятие и правовая природа
закупочных отношений
для нужд органов внутренних дел 13

Гориков Д.А. Правовая природа
договора управления залогом 19

Ананьев Р.В. Правовые последствия
перехода прав займодавец
по договору конвертируемого займа 30

Пузиков С.А. Газораспределение
и оказание услуг
по техническому обслуживанию
газового оборудования: обновление регламентации
на основе централизации 38

Артамкин К.С. Применение
современных технологий
в нотариальной деятельности при наследовании
цифровых финансовых активов 45

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

Грачев Н.И. Эволюция российской Конституции
и государство-цивилизация
как концептуальная парадигма
нового Основного Закона России 51

Кононенко Д.В. Демографический переход:
сочетание правовых способов решения
и умного регулирования 65

Усанова В.А., Кайль Я.Я. Понятие и содержание
права детей на заботу, или В чем заключается
родительский долг? 74

Стебивко А.Ю. Генезис
персональных данных:
информационно-правовой аспект 82

ВОПРОСЫ

ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Белова О.А., Осадченко Э.О. Правовая природа
цифрового рубля 90

Давудов Д.А., Широ М.С. Формирование
гражданско-правовой культуры молодежи
как фактор противодействия
информационной войне против России 96

Шубенкова К.В., Игнатова К.Э.
Историко-правовой анализ
уровневой системы высшего образования
в условиях выхода Российской Федерации
из Болонского процесса 103

Сычев А.Ю. Принцип
самостоятельной ответственности
юридического лица при несостоятельности
(банкротстве): общие правила и исключения 108

Лыонг Чунг Киен. Обращение криптовалюты
в доход Российской Федерации:
обзор первой практики 116

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Архипцев И.Н., Сарычев А.В., Кузьмин К.Е.
Проституция и оказание сексуальных услуг:
актуальные вопросы регулирования
в мире и в России 121

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Бирюков С.Ю., Шинкарук В.М.
Психологические аспекты производства
предъявления для опознания 128

Колосов Н.Ф., Соловьева Н.А. Формирование
современных подходов
к определению сущности и содержания
стадии предварительного расследования 138

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Каракулян Э.А. Концептуальные основания
философии международного права 144

Василевич Д.Г. Теоретико-прикладные аспекты
развития прав и свобод
человека и гражданина 151

CONTENTS

CHIEF EDITOR'S NOTE

Inshakova A.O. Features of the Legal Development
of Debt Relationships in Modern Russia 6

MAINSTREAM ISSUE

Molchanov A.A. Regulation
of Contractual Procurement Relations
for the Needs of Internal Affairs Bodies 13

Gorshkov D.A. The Legal Nature
of the Collateral Management Agreement 19

Ananyev R.V. The Legal Consequences
of the Transfer of the Lender's Rights
Under a Convertible Loan Agreement 30

Puzikov S.A. Gas Distribution
and Maintenance Services for Gas Equipment:
Updating the Regulations Based on Centralization 38

Artamkin K.S. Application of Modern Technologies
in Notarial Activity in the Inheritance
of Digital Financial Assets 45

**THEORY AND PRACTICE
OF STATE AND LEGAL DEVELOPMENT**

Grachev N.I. The Evolution of the Russian Constitution and the State-Civilization as a Conceptual Paradigm of the New Basic Law of Russia 51

Kononenko D.V. The Demographic Transition: A Combination of Legal Solutions and Smart Regulation 65

Usanova V.A., Kayl Ya.Ya. The Concept and Content of the Right of Children to Be Under Care, or What Is the Parental Duty? 74

Stebivko A.Yu. The Genesis of Personal Data: Informational and Legal Aspect 82

PRIVATE LAW

REGULATION ISSUES:

HISTORY AND CONTEMPORANEITY

Belova O.A., Osadchenko E.O. The Legal Nature of the Digital Ruble 90

Davudov D.A., Shiro M.S. The Formation of the Civil Law Culture of Youth as a Factor in Countering the Information War Against Russia 96

Shubenkova K.V., Ignatova K.E. The Historical and Legal Analysis of the Level System of Higher Education in the Context of the Withdrawal of the Russian Federation from the Bologna Process 103

Sychev A.Yu. The Principle of Independent Liability of a Legal Entity in Case of Insolvency (Bankruptcy): General Rules and Exceptions 108

Luong Chung Kien. The Conversion of Cryptocurrencies into the Income of the Russian Federation: An Overview of the First Practice 116

**CRIME PREVENTION
AND LEGAL LIABILITY DIFFERENTIATION**

Arkhiptsev I.N., Sarychev A.V., Kuzmin K.E. Prostitution and the Provision of Sexual Services: Topical Regulatory Issues in the World and in Russia 121

**PROCEDURAL LAW:
THEORY AND LAW ENFORCEMENT ISSUES**

Biryukov S.Yu., Shinkaruk V.M. Psychological Aspects of the Procedure of the Submission for Identification 128

Kolosov N.F., Solovyova N.A. The Formation of Modern Approaches to Determining the Essence and Content of the Preliminary Investigation Stage 138

**INTERNATIONAL LAW
AND COMPARATIVE JURISPRUDENCE**

Karakulyan E.A. The Conceptual Foundations of the Philosophy of International Law 144

Vasilevich D.G. The Theoretical and Applied Aspects of the Development of Human and Civil Rights and Freedoms 151

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.1>

UDC 347.44(470+571)

LBC 67.99(2Рос)404.2

FEATURES OF THE LEGAL DEVELOPMENT OF DEBT RELATIONSHIPS IN MODERN RUSSIA

Agnessa O. Inshakova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Relevance of research. The editor-in-chief's column analyzes the topic and content of the key heading of the current issue of the journal "Legal Concept = Pravovaya Paradigma", entitled "The Evolution of Some Types of Debt Relationships in the Russian Federation". The prepared issue deals with the implementation of certain provisions of the law of obligations after the 2015 reform. The scientific and practical significance of the papers presented in the feature topic of the issue is analyzed. **The scientific novelty** of the conducted comprehensive legal research reflected in the heading "The feature topic of the issue" is based on the results obtained by the authors of the scientific papers that have touched on the specifics of the content of certain types of obligations. Many of the most controversial issues related to both traditional and modernized legal regulation are also analyzed. **The methodological framework** for intersectoral legal research is traditionally made up of the general scientific methods of cognition used in the social sciences and humanities in general, including in law. Among the most significant general methods of cognition is the method of historical materialism, as well as the general logical methods of analysis, synthesis, induction, and deduction. The special and private methods are presented in the scientific papers under the heading mainly formal legal and comparative legal methods. **Results.** It is revealed that some provisions of the law of obligations that are subject to modernization have generated theoretical discussions and some difficulties. This topic is relevant for scientific papers presented in the key heading of the journal. **Conclusions.** Taking into account the opinion of specialized professionals as well as the analysis of the legislative innovations, the conclusion is substantiated that the main purpose of the mandatory legal reform is to streamline and clarify the provisions of the Civil Code of the Russian Federation. This statement is explained by the lag of the legislation from objective legal reality and the development of judicial practice, during the formation of which numerous attempts were made to fill the legal gaps and level out emerging problems. It is established that many controversial issues related to the reform of the law of obligations and the modernization of the special legislation that regulates certain types of debt relationships have been covered within the framework of the feature topic of the prepared issue of the journal "Legal Concept = Pravovaya Paradigma" – "The Evolution of Some Types of Debt Relationships in the Russian Federation".

Key words: civil legislation, law of obligations, reform of the law of obligations, convertible loan agreement, collateral management agreement, procurement legal relations, digital financial assets.

Citation. Inshakova A.O. Features of the Legal Development of Debt Relationships in Modern Russia. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 6-12. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.1>

УДК 347.44(470+571)
ББК 67.99(2Рос)404.2

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Агнесса Олеговна Иншакова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность исследования. В колонке главного редактора анализируются тема и контент ключевой рубрики очередного выпуска журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» под названием «Эволюция некоторых видов обязательственных правоотношений в РФ». Подготовленный номер посвящен вопросам реализации отдельных положений обязательственного права после проведенной реформы 2015 года. Анализируется научная и практическая значимость представленных в главной теме номера статей. **Научная новизна** проведенного комплексного юридического исследования, отраженного в рубрике «Главная тема номера», опирается на результаты, полученные авторами научных работ, затронувших специфику содержания отдельных видов обязательств. Проанализированы и многие наиболее дискуссионные вопросы, связанные как с традиционным, так и модернизированным нормативным регулированием. **Методологическую основу** межотраслевого юридического исследования традиционно составили общенаучные методы познания, применяемые в социально-гуманитарных науках в целом, в том числе и в юридической. Среди наиболее значимых общих методов познания метод исторического материализма, а также общелогические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция. Специальные и частные методы представлены в научных статьях рубрики в основном формально-юридическим и сравнительно-правовым методами. **Результаты исследования.** Выявлено, что некоторые положения обязательственного права, подвергшиеся модернизации, породили теоретические дискуссии и отдельные трудности в их практическом применении, что обуславливает актуальность освещения этих вопросов в научных статьях, представленных в ключевой рубрике журнала. **Выводы.** С учетом мнения профильных специалистов, а также на основе анализа законодательных новелл обоснован вывод о том, что основной целью обязательственно-правовой реформы является упорядочение и уточнение положений ГК РФ. Это утверждение объясняется отставанием законодательства от объективной правовой реальности, развитием судебной практики, в ходе формирования которой предпринимались многочисленные попытки по восполнению правовых пробелов и нивелированию возникающих проблем. Установлено, что многие дискуссионные вопросы, связанные с реформированием обязательственного права и повлиявшие на модернизацию специального законодательства, которое регулирует отдельные виды обязательственных правоотношений, получили освещение в рамках главной темы подготовленного номера журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» «Эволюция некоторых видов обязательственных правоотношений в РФ».

Ключевые слова: гражданское законодательство, обязательственное право, реформа обязательственного права, договор конвертируемого займа, договор управления залогом, закупочные правоотношения, цифровые финансовые активы.

Цитирование. Иншакова А. О. Особенности правового развития обязательственных правоотношений в современной России // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 6–12. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.1>

Главная тема очередного номера юридического журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» посвящена вопросам развития обязательственных отношений в современной России.

Исследователи подчеркивают, что исторический масштаб эволюции норм общих положений об обязательствах не слишком велик (см. подробнее: [2]). Масштабная реформа обязательственного права, проведенная в

2015 г. в соответствии с Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации», оказала существенное влияние на современный гражданский оборот, затронув ключевые институты, положения о которых были в том числе приведены в соответствие со сложившейся правоприменительной практикой. Например, в числе ключевых изменений, которые на про-

тяжении восьми лет применялись и анализировались как правоприменителями, так и представителями научного мира: нормы об астренте, независимой гарантии, переговорах о заключении договора, заверениях об обязательствах, о плате за односторонний отказ от исполнения обязательства, положения о таких новых институтах, как опцион на заключение договора и опционный договор, обеспечительный платеж, рамочный договор, новые редакции норм о неустойке, законных процентах, сроках исполнения обязательств, об исполнении обязательства третьим лицом и пр. Реформа привела и к пересмотру содержания ключевых принципов гражданского права, к которому относится принцип добросовестности.

Традиционно представители научного сообщества и правоприменители уделяют вопросам, связанным с обязательственным правом, пристальное внимание. В контексте реформы 2015 г. интерес к обязательственному праву и особенно к его обновленным положениям лишь возрос, что выражается как в наличии не утихающих до настоящего времени теоретических дискуссий о преимуществах и недостатках конкретных редакций нормативных положений, претерпевших изменения в ходе реформы, новых институтах обязательственного права, так и различном их понимании со стороны правоприменителей, что, в свою очередь, приводит к формированию практики, характер которой может не совпадать с изначальными целями, которые преследовал законодатель, принимая решение о необходимости совершенствования конкретных законоположений. В то же время с целью единообразия судебной практики и недопущения различного толкования положений об обязательствах и их исполнении Пленум Верховного Суда РФ в рамках компетенции сформулировал ряд разъяснений, содержащихся в нескольких ключевых постановлениях [5–7]. Так, например, широкую теоретическую дискуссию породили положения ГК РФ о переговорах о заключении договора. Очевидно, что цель введения новых норм состояла в том, чтобы придать правовое значение данной стадии заключения договора, которая длительное время в российском правовом поле отсутствовала. Однако, как отмечают в научной лите-

ратуре, данная цель была не достигнута, что сожалений при этом не вызывает, поскольку это на практике привело бы лишь к усложнению правоприменения в условиях крайне фрагментарного регулирования преддоговорных контактов сторон [8].

В опубликованных в последнее время научных работах поднимается и целый ряд иных вопросов. Так, исследователи обращают внимание на то, что ст. 434.1 ГК РФ в действующей ее редакции создает парадоксальное явление, при котором из ответственности как целостного явления извлекаются или усекаются способы воздействия до такой степени, что в остатке она остается какой-то бездейственной, функционирующей в объективном пространстве и лишь изредка «выходящей» из этого пространства (см. подробнее: [3]). Кроме того, трудности у правоприменителей возникли и в ходе практики применения положений о плате за односторонний отказ от исполнения обязательства (см. подробнее: [1]).

Стоит отметить, что развитие обязательственного права напрямую влияет и на совершенствование и пересмотр практики реализации отраслевого законодательства, в частности законодательства о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг, жилищного законодательства, энергетического законодательства и пр. Многие дискуссионные вопросы, связанные с сущностью и проблемами реализации отдельных положений отечественного обязательственного права, получили освещение в рамках главной темы подготовленного номера журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» «Эволюция некоторых видов обязательственных правоотношений в РФ».

Так, например, статья судьи Арбитражного суда Поволжского округа Аннаниева Романа Викторовича посвящена исследованию правовых последствий перехода прав займодавца по договору конвертируемого займа. Данный вопрос возможно отнести к числу одних из актуальнейших для теории и практики корпоративного права, поскольку в целом институт конвертируемого займа полностью соотносится с текущими потребностями хозяйствующих субъектов, особенно высокотехнологических компаний, которые стремятся за-

нять лидирующие позиции на рынке, для чего требуется оперативно задействовать весь спектр имеющихся финансовых ресурсов. В то же время законом допускается переход прав займодавца по договору конвертируемого займа, анализу последствий которого и посвящена статья. С учетом рассмотрения особенностей правового регулирования исследуемой сферы автором определена специфика процедуры уступки требования по договору конвертируемого займа, выявлены особенности перехода прав займодавца по договору конвертируемого займа, по основаниям, предусмотренным законом. Особое внимание уделено взаимосвязи рассматриваемой договорной конструкции с реализацией принципа стабильности деятельности корпорации.

Еще одной договорной конструкцией, которая привлекает внимание практикующих специалистов в постреформенный период, является договор управления залогом, введенный в ГК РФ Федеральным законом от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации». Несмотря на то что данная договорная конструкция существует в правовом поле уже практически 10 лет, теоретические дискуссии о ее правовой природе, существенных условиях, соотношении с иными договорами продолжаются до настоящего времени. Одной из причин, породивших такие дискуссии, выступает тот факт, что формула договора управления залогом помещена в раздел о залоге (см. подробнее: [9]).

Свой вклад в теоретическую дискуссию о правовой природе договора управления залогом вносит и научная статья соискателя кафедры предпринимательского права ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», генерального директора Юридической компании «Горшков и партнеры» Горшкова Дмитрия Александровича. Автором на основе анализа существующих в цивилистической доктрине точек зрения по рассматриваемому вопросу действующего гражданского законодательства предпринята попытка определить место договора управления залогом в системе

гражданско-правовых договорных конструкций и раскрыть его соотношение со смежными договорными конструкциями гражданского права. Обоснована авторская позиция о самостоятельности договора управления залогом, а также внесены практические предложения по перенесению норм о такой договорной конструкции во вторую часть Гражданского кодекса РФ.

Следующий, не менее дискуссионный вопрос, рассмотренный в рамках главной темы подготовленного номера журнала «Legal Concept = Правовая парадигма», связан с соотношением специальных норм с положениями ГК РФ и обоснованности выделения самостоятельных договорных конструкций, обеспечивающих деятельность органов государственной власти. Как справедливо отмечают в научной литературе, современные правовые порядки идут от восприятия публичных закупок как административно-правового или финансово-правового института к его интеграции с обычным обязательственным правом [4]. Так, в статье «Понятие и правовая природа закупочных отношений для нужд органов внутренних дел» доктора юридических наук, профессора, профессора кафедры гражданского права и гражданского процесса Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации Молчанова Александра Александровича на основе анализа законодательства, существующих в доктрине классификаций организационно-правовых и договорных закупочных правоотношений для нужд органов внутренних дел, раскрывается их сущность. Определены и конкретизированы субъекты закупочных правоотношений для нужд правоохранительных органов. В результате проведенного исследования аргументировано, что государственный контракт выступает в качестве специальной договорной конструкции в системе МВД России.

В контексте реформирования обязательственного права совершенствуются и положения энергетического законодательства, которые в силу приоритетного значения данного сектора для отечественной экономики привлекают внимание, как ведущих цивилистов, так и молодых ученых. В условиях участвующих коммунальных аварий, в частности взрывов бытового газа, невысокого уровня гази-

фикации территории России и несовершенства отдельных положений законодательства, регламентирующих правоотношения, складывающиеся на рынке газораспределения и оказания услуг по техническому обслуживанию газового оборудования, законодателем были предприняты меры по совершенствованию механизма правового регулирования. В связи с этим в свете проводимой реформы законодательства аспирант кафедры гражданского и международного частного права (базовой кафедры ЮИЦ РАН) Института права Волгоградского государственного университета Пузиков Сергей Александрович обращает внимание в своей статье на то, что газораспределительная организация играет весомую роль в деятельности по техническому обслуживанию внутридомового газового оборудования (ТО ВДГО). В то же время законодательство в данной сфере, по мнению автора, характеризуется многочисленными проблемами, нестабильностью и противоречивостью развития нормативных подходов, в том числе в части определения статуса газораспределительной организации. В качестве предложенного возможного решения существующих проблем обосновывается позиция о целесообразности введения государственного регулирования цен на услуги, оказываемые в рамках ТО ВДГО, а также о привлечении дочерних специализированных организаций ПАО «Газпром» для выполнения работ (ремонт, обслуживание, замена оборудования и пр.) в рамках ТО ВДГО, своевременность которых позволит предотвратить аварийные ситуации, причинение вреда имуществу, жизни и здоровью потребителей.

В условиях стремительного развития цифровых технологий и возникновения новых объектов гражданских прав актуализируются также вопросы, связанные с наследованием последних. В частности, в статье аспиранта кафедры гражданского права института права, социального управления и безопасности Удмуртского государственного университета Артамкина Кирилла Сергеевича рассматриваются практические вопросы наследования цифровых финансовых активов, под которыми, как известно, понимаются цифровые права (обязательственные и иные права). Справедливо обращается внимание на техни-

ческую проблему доступа к таким активам после смерти наследодателя и правовой вакуум, наличие которого не позволяет правомерно получить ключ доступа к хранилищу цифровых финансовых активов. Для решения указанной проблемы предлагается задействовать функционал единого портала государственных и муниципальных услуг, для чего требуется проведение при содействии органов государственной власти мероприятий по разработке соответствующих правовых основ для использования портала наследниками лица, в наследственную массу после которого вошли цифровые финансовые активы.

Таким образом, обзор подготовленных для рубрики «Главная тема номера» научных статей позволяет заключить, что проведено комплексное исследование, позволившее выявить особенности эволюции некоторых видов обязательственных правоотношений в РФ. Редакционная коллегия надеется, что данный проект поможет исследователям и всем заинтересованным читателям найти основные дискуссионные вопросы в сфере обязательственного права в постреформенный период, а также определить существующие проблемы правоприменительной практики и оставшиеся без внимания реформаторов дискуссионные и недостаточно проработанные в законодательстве и доктрине вопросы, препятствующие правильному пониманию содержания того или иного института обязательственного права и формированию единообразной судебной практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданов, Е. В. Спорные вопросы расторжения гражданско-правового договора в одностороннем порядке / Е. В. Богданов // Современное право. – 2017. – № 5. – С. 47–52.
2. Голубцов, В. Г. Реформа обязательственного права: теоретический и практический эффект состоявшихся изменений / В. Г. Голубцов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2018. – № 3. – С. 396–419.
3. Кадочников, Е. В. Преддоговорная ответственность через призму преддоговорного отношения / Е. В. Кадочников // Гражданское право. – 2022. – № 2. – С. 37–39.
4. Кирпичев, А. Е. Закупки для нужд публичного сектора и система обязательственного права:

терминология и выбор применимых норм / А. Е. Кирпичев // Закон. – 2021. – № 8. – С. 52–66.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 5.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Российская газета. – 2016. – № 275.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» // Российская газета. – 2017. – № 297.

8. Райников, А. С. Отношение, возникающее при проведении переговоров о заключении договора по российскому праву: антиделиктная концепция / А. С. Райников // Вестник гражданского права. – 2023. – № 2. – С. 51–62.

9. Харитонов, Ю. С. Договор управления залогом / Ю. С. Харитонов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 11. – С. 15–20.

REFERENCES

1. Bogdanov E.V. Spornye voprosy rastorzheniya grazhdansko-pravovogo dogovora v odnostoronnem poryadke [Controversial Issues of Unilateral Termination of a Civil Contract]. *Sovremennoe pravo* [Modern Law], 2017, no. 5, pp. 47-52.

2. Golubcov V.G. Reforma obyazatelstvennogo prava: teoreticheskij i prakticheskij effekt sostoyavshihsa izmenenij [Reform of the Law of Obligations: Theoretical and Practical Effect of the Changes]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Bulletin of Perm University. Legal Sciences], 2018, no. 3, pp. 396-419.

3. Kadochnikov E.V. Preddogovornaya otvetstvennost cherez prizmu preddogovornogo otnosheniya [Pre-Contractual Liability Through the Prism of Pre-Contractual Relations]. *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law], 2022, no. 2, pp. 37-39.

4. Kirpichev A.E. Zakupki dlya nuzhd publichnogo sektora i sistema obyazatelstvennogo

prava: terminologiya i vybor primenimyh norm [Procurement for the Needs of the Public Sector and the System of Law of Obligations: Terminology and Choice of Applicable Standards]. *Zakon* [Law], 2021, no. 8, pp. 52-66.

5. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 24.03.2016 № 7 «O primenenii sudami nekotorykh polozhenij Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii ob otvetstvennosti za narushenie obyazatelstv» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation Dated March 24, 2016 No. 7 “On the Application by Courts of Certain Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Liability for Violation of Obligations”]. *Byulleten Verhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2016, no. 5.

6. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 22.11.2016 № 54 «O nekotorykh voprosah primeneniya obshchih polozhenij Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii ob obyazatelstvakh i ih ispolnenii» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation Dated November 22, 2016 No. 54 “On Some Issues of Application of the General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Obligations and Their Fulfillment”]. *Rossiyskaya Gazeta* [Russian Newspaper], 2016, no. 275.

7. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 21.12.2017 № 54 «O nekotorykh voprosah primeneniya polozhenij glavy 24 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii o peremene lic v obyazatelstve na osnovanii sdelki» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation Dated December 21, 2017 No. 54 “On Some Issues of Application of the Provisions of Chapter 24 of the Civil Code of the Russian Federation on the Change of Persons in an Obligation on the Basis of a Transaction”]. *Rossiyskaya Gazeta* [Russian Newspaper], 2017, no. 297.

8. Rajnikov A.S. Otnoshenie, vznikayushchee pri provedenii peregovorov o zaklyuchenii dogovora po rossijskomu pravu: antideliktная koncepciya [Attitude That Arises During Negotiations on Concluding an Agreement Under Russian Law: Anti-Tort Concept]. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Bulletin of Civil Law], 2023, no. 2, pp. 51-62.

9. Haritonova Yu.S. Dogovor upravleniya zalogom [Pledge Management Agreement]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2014, no. 11, pp. 15-20.

Information About the Author

Agnessa O. Inshakova, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Science and High Technologies of the Russian Federation, Expert of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Civil and International Private Law (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

Информация об авторе

Агнесса Олеговна Иншакова, доктор юридических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ, почетный работник науки и высоких технологий РФ, эксперт РАН, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮНЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.2>

UDC 347.45.47
LBC 67.404.2

Submitted: 28.09.2023
Accepted: 28.10.2023

REGULATION OF CONTRACTUAL PROCUREMENT RELATIONS FOR THE NEEDS OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

Alexander A. Molchanov

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Saint Petersburg, Russian Federation

Introduction. The article discusses the concept and legal nature of procurement legal relations for the needs of internal affairs bodies, organizations, and divisions of the Ministry of Internal Affairs of Russia, which are created in order to perform tasks and exercise the powers assigned to the Ministry of Internal Affairs of Russia. **The purpose of the work** is to study the concept of a state contract as a special contractual structure in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The author has studied the classification of organizational-legal and contractual procurement relations for the needs of internal affairs bodies; their specificity is revealed. **Methods.** The dialectical method of cognition and such general scientific methods as induction, deduction, synthesis, and analysis are used as the methodological basis of the research. Comparative-legal and normative-dogmatic methods were applied as private scientific research methods. **Research results.** The goal has been achieved: the concept of a state contract as a special contractual structure in relation to the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia has been investigated. **Conclusions.** The analysis showed that procurement legal relations for the needs of law enforcement agencies are formed between the Federal State Institution of the Ministry of Internal Affairs of Russia as a customer and a supplier (contractor), recognized as the winner of the procurement procedure or being the only supplier, on issues related to the conclusion, modification, execution and termination of the contract, providing the needs of internal affairs bodies, organizations and divisions of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, formed to perform tasks and exercise powers, assigned to the Ministry of Internal Affairs of Russia within the boundaries of the approved budget estimates and the limits of budget obligations.

Key words: procurement, needs of law enforcement agencies, contractual relations, customer, contract system.

Citation. Molchanov A.A. Regulation of Contractual Procurement Relations for the Needs of Internal Affairs Bodies. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 13-18. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.2>

УДК 347.45.47
ББК 67.404.2

Дата поступления статьи: 28.09.2023
Дата принятия статьи: 28.10.2023

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЗАКУПОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ ДЛЯ НУЖД ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Александр Александрович Молчанов

Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Введение: в статье рассматриваются понятие и правовая природа закупочных правоотношений для нужд органов внутренних дел, организаций и подразделений системы МВД России, которые созданы для

того, чтобы выполнять задачи и осуществлять полномочия, возлагаемые на МВД России. **Целью работы** является исследование понятия государственный контракт в качестве специальной договорной конструкции в системе МВД России. Автором исследована классификация организационно-правовых и договорных закупочных правоотношений для нужд органов внутренних дел, раскрыта их специфичность. **Методы:** в качестве методологической основы исследования использован диалектический метод познания и такие общенаучные методы, как индукция, дедукция, синтез и анализ. Сравнительно-правовой и нормативно-догматический методы были применены в качестве частнонаучных методов исследования. **Результаты исследования:** достигнута поставленная цель – исследовано понятие государственного контракта в качестве специальной договорной конструкции применительно к системе МВД России. **Выводы:** проведенный анализ показал, что закупочные правоотношения для нужд правоохранительных органов формируются между Федеральным государственным казенным учреждением МВД России как заказчиком и поставщиком (подрядчиком, исполнителем), признанным победителем закупочной процедуры или являющимся единственным поставщиком, по вопросам, связанным с заключением, изменением, исполнением и расторжением контракта, обеспечивающим потребности органов внутренних дел, организаций и подразделений системы МВД России, образованные для выполнения задач и осуществления полномочий, возлагаемых на МВД России в границах утверждаемой бюджетной сметы и доведенных пределов бюджетных обязательств.

Ключевые слова: закупка, нужды правоохранительных органов, договорные отношения, заказчик, контрактная система.

Цитирование. Молчанов А. А. Понятие и правовая природа закупочных отношений для нужд органов внутренних дел // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 13–18. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.2>

Введение

Совершенствованию государственных закупок неизменно уделялся повышенный интерес со стороны государства. Учитывая потребность в повышении эффективности системы публичных закупок, увеличении гибкости и ясности закупочных процедур, а также стремление создать эффективную систему удовлетворения государственных нужд по поручению Президента РФ от 28.03.2011 № 352 был принят ФЗ от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [5] (далее – № 44-ФЗ).

В ходе его разработки принимался во внимание имеющийся опыт воплощения в жизнь государственных и муниципальных закупок, а также международные наработки и существенные положения законодательства Комиссии ООН, касающиеся права международной торговли. Итогом разработки явился комплексный нормативный правовой акт, охватывающий нормы, относящиеся как к частному, так и публичному праву, поскольку к области действия № 44-ФЗ имеют отношение не только планирование закупок, нахождение поставщиков (подрядчиков, исполнителей), заключение и реализация контрактов, но и те связи, которые завязываются в процессе

проведения мониторинга и контроля как закупок, так и следования законодательства РФ о контрактной системе.

Признаки, характеризующие госконтракт для нужд правоохранительных органов Российской Федерации в качестве определенной юридической конструкции

Сообразно принципу профессионализма заказчика осуществление их деятельности равно как и органов контроля в сфере закупок следует возложить на профессионалов, квалифицированных специалистов, наделенных теоретическими и практическими знаниями в данной сфере. Вместе с тем заказчик, представляющий систему МВД России, обязан проводить мероприятия, содействующие росту профобразования и квалификации должностных лиц, производящих закупки, которые обеспечивают потребности правоохранительных органов, повышая их знания непосредственно в искомой сфере.

При планировании и осуществлении закупок сообразно принципу активизирования инноваций заказчики обязаны принимать во внимание приоритет обеспечивать потребности

МВД России, закупая высокотехнологичную и инновационную продукцию посредством усиления инновационной и цифровой адресности системы государственных закупок, модификации функционала и способов закупок, дозволяющих государству применять новейшие цифровые технологии и интегрировать их в практическую деятельность.

Учитывая в своей работе данный принцип, правоохранительными органами МВД России выработаны критерии соотнесения товаров, работ, услуг с такой продукцией для формирования плана закупки высокотехнологичной и инновационной продукции. Исходя из этих критериев, к числу инновационной продукции для обеспечения нужд правоохранительных органов причисляются товары, работы и услуги, во-первых, отличающиеся научно-технической новизной; во-вторых, имеющие практическую возможность внедрения в правоохранительную деятельность; в-третьих, экономический эффект от реализации которых предполагается положительным и наукоемким.

В соответствии с принципом единства контрактной системы в области закупок, обеспеченность которых гарантируют единые принципы и подходы, все участники закупок обязаны соблюдать предусмотренные и установленные № 44-ФЗ схемы, определенную последовательность действий, которые сосредоточены на обеспечении нужд правоохранительных органов через планирование закупок, реализацию закупок, их мониторинг, исполнение аудита и контроля в сфере закупок [2, с. 143].

Усиление эффективности и продуктивности реализации закупок товаров, работ, услуг – это важнейшая цель регламентации отношений, которые сконцентрированы на обеспечении нужд правоохранительных органов. Казенные учреждения МВД России при планировании и осуществлении закупок наделены обязанностью учесть своевременность достижения установленных результатов и прямо соблюдать цели, закрепленные в № 44-ФЗ и Приказе МВД России от 5 марта 2014 г. № 137 (в ред. от 28.12.2021 № 1196) «Об организации закупок товаров, работ, услуг для нужд МВД России» [3] (далее – Приказ МВД России № 137).

Для определения поставщика (подрядчика, исполнителя) федеральным государственным казенным учреждением МВД России формируется комиссия, занимающаяся исключительно закупками. Решение о создании такой комиссии принимается до проведения закупки, в это же время определяется ее состав и режим работы, назначается ее председатель.

Согласно п. 2.3 Приказа МВД России № 137, «создаются конкурсная, аукционная, котировочная комиссии, комиссии, рассматривающие обращения на принятие участия в запросах, предложениях и окончательных предложениях или единые комиссии, осуществляющие закупки посредством проведения конкурса, аукциона, запроса котировок или предложений» [3].

Заказчик в соответствии с ч. 1 ст. 24 № 44-ФЗ вправе применить состязательные методы установления поставщиков (подрядчиков, исполнителей) или произвести закупочную процедуру у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) применительно к виду проводимой закупки.

В зависимости от круга участников закупок закупка товаров может быть произведена путем организации закрытой процедуры, информация о чем сообщается в процессе отправки приглашения к участию в установлении поставщика (подрядчика, исполнителя) узкому кругу лиц, которые имеют возможность реализовать поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг, относящихся к объектам закупок. Во всех прочих случаях закупки проводятся в открытой форме.

Применение закупочных электронных отношений предполагает организацию и проведение закупок ее оператором на электронной площадке, полный перечень которых введен соответствующим нормативным актом Правительства РФ [3]. На сегодняшний день в сфере госзакупок действуют 8 операторов электронных площадок и 3 оператора специализированных электронных площадок.

Из анализа положений № 44-ФЗ можно прийти к заключению, что преимущественными способами закупки заказчиками являются проведение в электронной форме как открытого, так и закрытого конкурса и аукциона. Тем не менее в случаях строго определенных законодателем разрешена закупка без

обязательной процедуры по проведению торгов. К подобным случаям отнесены запрос котировок, закупка у единственного поставщика. Следует отметить, что способ закупки товаров у единственного поставщика (характерно закупочным правоотношениям для нужд правоохранительных органов Российской Федерации), в целом не предусматривает проведение каких-либо юридических процедур, а исполняется путем обычного заключения контракта, то есть носит одноэтапный характер.

Законодателем установлено ограничение по сумме закупок у единственного поставщика товара в размере, не превышающем 5 млн рублей. Подобные закупки могут быть осуществлены исключительно в электронной форме на электронной площадке. Установлено также и ограничение их годового объема, его размер не может быть больше 100 млн руб. (ч. 12 ст. 93 № 44-ФЗ).

Представляется, что среди цивилистов сформировалось определенное суждение о природе госконтракта и осмыслению его юридической сущности, расцениванию его не самостоятельным видом гражданско-правового договора, а особенной юридической структурой, нацеленной опосредовать связи с публично-правовыми образованиями.

Так, согласно дефиниции, определенной в ст. 526 ГК РФ, «по государственному или муниципальному контракту на поставку товаров для государственных или муниципальных нужд поставщик (исполнитель) обязуется передать товары государственному или муниципальному заказчику либо по его указанию иному лицу, а государственный или муниципальный заказчик обязуется обеспечить оплату поставленных товаров» [1].

Приведенное определение в подп. 8 п. 1 ст. 3 № 44-ФЗ включает общую дефиницию государственного (муниципального) контракта и дополняет его характеристику, согласно которой под госконтрактом понимается «гражданско-правовой договор, предметом которого являются поставка товара, выполнение работы, оказание услуги (в том числе приобретение недвижимого имущества или аренда имущества) и который заключен от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации (государственный контракт), муниципального образования (муници-

пальный контракт) государственным или муниципальным заказчиком для обеспечения соответственно государственных нужд, муниципальных нужд».

В отличие от дефиниции госконтракта, содержащегося в № 44-ФЗ, определение, данное в ст. 526 ГК РФ [4], не содержит такие признаки госконтракта как определение публично-правового образования как одной из сторон договора и не указывает источник его финансирования (бюджетные средства).

Кроме того, по определению, приведенному в ст. 526 ГК РФ, поставщик по госконтракту обязуется передать непосредственно заказчику товары либо, по его предписанию, другому лицу, и непосредственно заказчик обязуется внести плату за поставленные товары, следовательно, последний (заказчик), действуя от собственного имени, самостоятельно несет все обязательства по контракту. Однако законодатель придерживается той позиции, согласно которой контракт должен быть заключен не от собственного имени заказчика, а от имени публично-правового образования (Российской Федерации, субъекта РФ или муниципального образования). Следовательно, в силу ст. 182 ГК РФ кредитором по возникшим обязательствам (приемки товара, работ, услуг) и должником по их оплате будет выступать не непосредственный заказчик товаров, работ, услуг, а Российская Федерация, субъект РФ или муниципальное образование.

Как нам представляется, причиной выделения госконтракта в независимую правовую конструкцию в российском праве представляется особенная цель при его заключении, то есть госконтрактом в силу норм действующего законодательства признается всякий гражданско-правовой договор, если цель его заключения состоит в удовлетворении государственных нужд.

Очевидно, госконтракт в качестве специальной договорной конструкции выделяется именно № 44-ФЗ, в то время как ГК РФ обособляет общеизвестные особые договорные конструкции такие, как договор присоединения (ст. 428); предварительный договор (ст. 429); договор в пользу третьего лица (ст. 430). Кроме того, законодательно выделяется и три вида договоров, заключаемых от

имени Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований – это госконтракт по поставке товара (ст. 525–534); осуществление подрядных работ, обеспечивающих государственные потребности (ст. 763–768); реализация научно-исследовательской работы, опытно-конструкторской работы и технологической работы (ст. 778).

Как мы уже отмечали, предметом регулирования госконтракта являются отношения, связанные с доставкой товара, исполнением работы, оказыванием услуги. Из дословной трактовки сказанного следует, что товары, работы и услуги могут быть объектами государственных (муниципальных) заказов.

Нужно подчеркнуть, что судебная практика, чьим предметом споров выступали отношения в связи с предоставлением прав на результаты интеллектуальной деятельности, разрешает утверждать, что данные отношения входят в предмет регулирования № 44-ФЗ и что заключаемые в результате госконтракты могут быть реализованы с целью обеспечить государственные потребности в товарах, работах, услугах, в том числе правах на результаты интеллектуальной деятельности, имущественных правах, недвижимом имуществе и иных объектах гражданского оборота за счет бюджетных средств и внебюджетных источников финансирования.

Следовательно, нормы № 44-ФЗ надлежит применять для регулирования гражданских правоотношений, объектом которых выступают перечисленные в ст. 128 ГК РФ объекты гражданских прав, при условии, что они приобретаются для удовлетворения государственных нужд.

Выявление правового понятия госконтракта необходимо для установления границ приложения предопределенного им договорного режима.

Применительно к теме исследования можно выделить следующие признаки, характеризующие госконтракт для нужд правоохранительных органов Российской Федерации в качестве определенной юридической конструкции: особый субъект (в качестве публично-правового образования может выступать Федеральное государственное казенное учреждение МВД России); специальная цель (обеспечить потребности органов внутренних

дел, организаций и подразделений системы МВД России, создаваемых выполнять задачи и осуществлять полномочия, возложенные на МВД России [3] (п. 1) и источник финансирования (в границах утверждаемой бюджетной сметы и доведенных лимитов бюджетных обязательств [3] (п. 5²)).

Среди закупочных правоотношений для нужд правоохранительных органов следует выделить организационно-правовые отношения, формирующиеся в ходе организации и проведения закупок для нужд правоохранительных органов, и договорные правоотношения, формирующиеся в ходе заключения, изменения, исполнения и расторжения соответствующего контракта.

Специфика закупочных организационно-правовых отношений состоит в строгом подчинении правовым предписаниям деятельности всех его субъектов, а также в том, что объединяя в себе все группы организационно-правовых отношений, они выступают как предпосылка возникновения закупочных договорных правоотношений.

Выводы

Из анализа понятия и правовой природы закупочных правоотношений для нужд правоохранительных органов следует, что они формируются между Федеральным государственным казенным учреждением МВД России как заказчиком и поставщиком (подрядчиком, исполнителем), признанным победителем закупочной процедуры или являющимся единственным поставщиком, по поводу заключения, изменения, исполнения и расторжения контракта для обеспечения нужд органов внутренних дел, организаций и подразделений системы МВД России, созданных для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на МВД России в границах утвержденной бюджетной сметы и доведенных пределов бюджетных обязательств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

2. Молчанов, А. А. Особенности контрактной системы в сфере закупок для обеспечения нужд правоохранительных органов / А. А. Молчанов // Актуальные проблемы реформирования гражданского и предпринимательского права : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. ; отв. ред. Е. Б. Овдиенко, А.И. Коновалов. – 2018. – С. 142–149.

3. Приказ МВД России от 5 марта 2014 г. № 137 (в ред. от 28.12.2021 № 1196) «Об организации закупок товаров, работ, услуг для нужд МВД России». – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

4. Распоряжение Правительства РФ от 12.07.2018 № 1447-р (ред. от 23.11.2022) «Об утверждении перечней операторов электронных площадок и специализированных электронных площадок, предусмотренных Федеральными законами от 05.04.2013 № 44-ФЗ, от 18.07.2011 № 223-ФЗ» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 30. – Ст. 4767.

5. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 14. – Ст. 1652.

REFERENCES

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast vtoraja) ot 26 janvarja 1996 g. № 14-FZ (red. ot 24.07.2023) [Civil Code of the Russian Federation (Part Two) No. 14-FZ of January 26, 1996 (ed. of 24.07.2023)]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1996, no. 5, art. 410.

2. Molchanov A.A. Osobennosti kontraktnoj sistemy v sfere zakupok dlja obespechenija nuzhd pravoohranitelnyh organov [Features of the Contractual System in the Sphere of Procurement to

Meet the Needs of Law Enforcement Agencies]. *Aktualnye problemy reformirovaniya grazhdanskogo i predprinimatelskogo prava: materialy III Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Actual Problems of Reforming Civil and Business Law. Proceedings of the 3rd All-Russian Scientific-Practical Conference], 2018, pp. 142-149.

3. Prikaz MVD Rossii ot 5 marta 2014 g. № 137 (v red. ot 28.12.2021 № 1196) «Ob organizacii zakupok tovarov, rabot, uslug dlja nuzhd MVD Rossii» [Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia from March 5, 2014 No. 137 (ed. from 28.12.2021 No. 1196) “On the Organization of Procurement of Goods, Works, Services for the Needs of the Ministry of Internal Affairs of Russia”]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

4. Rasporjazhenie Pravitelstva RF ot 12.07.2018 № 1447-r (red. ot 23.11.2022) «Ob utverzhdenii perechnej operatorov elektronnyh ploshhadok i specializirovannyh elektronnyh ploshhadok, predusmotrennyh Federalnymi zakonami ot 05.04.2013 № 44-FZ, ot 18.07.2011 № 223-FZ» [Order of the Government of the Russian Federation of 12.07.2018 No. 1447-r (ed. of 23.11.2022) “On Approval of the List of Operators of Electronic Platforms and Specialized Electronic Platforms Provided by the Federal Laws of 05.04.2013 No. 44-FZ, of 18.07.2011 No. 223-FZ”]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2018, no. 30, art. 4767.

5. Federalnyj zakon ot 5 aprelja 2013 g. № 44-FZ (red. ot 04.08.2023) «O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlja obespechenija gosudarstvennyh i municipalnyh nuzhd» [Federal Law of April 5, 2013 No. 44-FZ (ed. of 04.08.2023) “On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, Services for State and Municipal Needs”]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2013, no. 14, art. 1652.

Information About the Author

Alexander A. Molchanov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Department of Civil Law and Civil Procedure, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Letchika Pilyutova St, 1, 198206 Saint Petersburg, Russian Federation, alexmol53@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0790-7564>

Информация об авторе

Александр Александрович Молчанов, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, ул. Легчика Пиллютова, 1, 198206 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, alexmol53@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0790-7564>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.3>

UDC 347.1
LBC 67.404

Submitted: 10.11.2023
Accepted: 08.12.2023

THE LEGAL NATURE OF THE COLLATERAL MANAGEMENT AGREEMENT

Dmitry A. Gorshkov

“Gorshkov and Partners” Law Firm, Moscow, Russian Federation;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Introduction. The paper analyzes the legal nature of a new contractual structure – the collateral management agreement. The doctrinal developments of this institution, the defects in the legislative consolidation, and the features of law enforcement implementation are investigated. **Purpose.** To analyze the legal nature of the collateral management agreement and determine its place in the system of civil law contractual structures. **Methods.** The methodological framework for the research is based on the methods of scientific cognition, including such main ones as the methods of consistency, analysis, and comparative law. **Results.** The features of the collateral management agreement are revealed through its correlation with related contractual structures of civil law. **Conclusions.** The collateral management agreement is not an independent contractual structure, and despite the generally understandable logic of the legislator seeking to concentrate the rules on collateral in the section dealing with this method of ensuring the fulfillment of obligations, the author considers it more appropriate to transfer the rules on it to the second part of the Civil Code of the Russian Federation.

Key words: collateral management agreement, services, accessory obligations, interrelated contractual structures, entrepreneurial activity.

Citation. Gorshkov D.A. The Legal Nature of the Collateral Management Agreement. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 19-29. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.3>

УДК 347.1
ББК 67.404

Дата поступления статьи: 10.11.2023
Дата принятия статьи: 08.12.2023

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА УПРАВЛЕНИЯ ЗАЛОГОМ

Дмитрий Александрович Горшков

Юридическая компания «Горшков и партнеры», г. Москва, Российская Федерация;
Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Введение: в статье анализируется правовая природа новой договорной конструкции – договора управления залогом. Исследованы доктринальные разработки данного института, дефекты законодательного закрепления и особенности правоприменительной реализации. **Цель:** проанализировать правовую природу договора управления залогом и определить место этого договора в системе гражданско-правовых договорных конструкций. **Методы:** методологическую основу данного исследования составили методы научного познания, среди которых основное место занимают методы системности, анализа и сравнительно-правовой. **Результаты:** выявлены особенности договора управления залогом посредством соотношения его со смежными договорными конструкциями гражданского права. **Выводы:** договор управления залогом не является самостоятельной договорной конструкцией, и, несмотря на в целом понятную логику законодателя, стремившегося сконцентрировать нормы о залоге в разделе, посвященном этому способу обеспечения исполнения обязательств, считаем более уместным перенесение норм о нем во вторую часть Гражданского кодекса РФ.

Ключевые слова: договор управления залогом, услуги, акцессорные обязательства, взаимосвязанные договорные конструкции, предпринимательская деятельность.

Цитирование. Горшков Д. А. Правовая природа договора управления залогом // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 19–29. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.3>

Введение

Статья 356 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), специально посвященная договору управления залогом, открывается с нетипичной для гражданско-правовых договорных конструкций нормы, которая содержит констатацию факта заключения договора управления залогом и ограничивает его рамками предпринимательских отношений.

Классическая для гражданско-правовых договорных конструкций легальная дефиниция договора управления залогом содержится в абз. 2 п. 1 ст. 356 и звучит следующим образом: «по договору управления залогом управляющий залогом, действуя от имени и в интересах всех кредиторов, заключивших договор, обязуется заключить договор залога с залогодателем и (или) осуществлять все права и обязанности залогодержателя по договору залога, а кредитор (кредиторы) – компенсировать управляющему залогом понесенные им расходы и уплатить ему вознаграждение, если иное не предусмотрено договором».

Разработка новых договорных конструкций в рамках реформирования гражданского законодательства направлено на создание дополнительных правовых возможностей для участников соответствующих правоотношений. Данная цель преследовалась законодателем и при введении в правовой оборот договора управления залога. Вместе с тем в силу неясности или некорректности правовых норм, участвующих в правовом регулировании данного договора, возникают дополнительные вопросы, которые необходимо решить для полноты использования правовых возможностей данного договора.

Основное содержание

В научной литературе проблематика правовой природы договора управления залогом относится к числу широко обсуждаемых. По этому поводу Ю.С. Харитоновна отмечает неудачность помещения норм о договоре управления залогом в раздел о залоге по причине сложности уяснения в этом случае его правовой природы. По ее мнению, нет ясности от-

носительно перечня существенных условий данного договора, критериев отграничения этой конструкции от смежных договоров, а также его содержательной характеристики. Предлагая свою версию определения правовой природы договора управления залогом, она замечает, что эта договорная конструкция предназначена для реализации управляющим полномочий залогодержателей, получающих в этом случае возможность «отойти от дел», что в свою очередь предопределяет возможность квалификации этого договора в качестве «услуговой» договорной конструкции посреднического типа [20, с. 15].

Аналогичный взгляд на правовую природу договора управления залогом выражен в исследовании Л.Ю. Василевской, которая в числе конституирующих признаков этого договора называет его «услуговую» направленность, акцентируя внимание на том, что речь идет об особом виде услуг, выражающихся в юридических действиях [3, с. 42]. Действительно, содержательный функционал управляющего залогом отличается большим количеством юридических услуг: заключение страховых сделок в отношении заложенного имущества; заключение имущественных сделок распорядительного или владельческого характера (п. 1 ст. 343 ГК РФ), заключение соглашения о замене и восстановлении предмета залога (ст. 345 ГК РФ), заключение соглашения о передаче договора (абз. 3 п. 1 ст. 356 ГК РФ), иные гражданско-правовые сделки. Признавая наличие в функционале управляющего залогом не только юридических, но и фактических действий, Л.Ю. Василевская подчеркивает их субсидиарный характер.

О.А. Рузакова также исходит из «услуговой» направленности договора управления залогом, однако при определении его правовой природы она приходит к весьма необычному выводу, заключая о наличии в рамках ст. 356 ГК РФ «двух видов договора управления залогом, имеющих разную правовую природу и разный субъектный состав: 1) договор между кредиторами, к которому подлежат применению нормы о договоре простого товарищества; 2) договор между кредитором (кредиторами) и управляющим залогом» [6, с. 124].

А.А. Завгородняя и О.С. Рыбка в совместном научном исследовании, посвященном

определению правовой природы договора управления залогом, отмечают, что он является представительским договором и заключают о необходимости его отнесения к договорам об оказании услуг [9, с. 243]. Представительский характер договора управления залогом не подлежит сомнению: это подтверждается среди прочего распространением норм о договоре поручения на договор управления залогом. Названное законодательное решение означает установление в отношении договора управления залогом модели прямого представительства, при котором управляющий залогом действует от имени и в интересах всех кредиторов.

Особого внимания в рамках исследуемой проблематики заслуживает позиция И.С. Михалевской, подготовившей серию научных работ относительно правовой природы этой договорной конструкции. Так, она видит в нормах ст. 356 ГК РФ совокупность разных по своей правовой природе признаков, свойственных известным гражданскому законодательству конструкциям, и делает вывод о невозможности определения правовой природы договора управления залогом [12, с. 102]. Продолжая линию рассуждений И.С. Михалевской, можно прийти к выводу о квалификации договора управления залогом в качестве смешанного договора, однако наличие специального правового регулирования в рамках ст. 356 ГК РФ не позволяет утвердиться в сделанном предположении.

А.Л. Маковский заметил относительно правовой природы договора управления залогом, что введению института управления как нового договорного инструмента должна была предшествовать скрупулезная законодательная работа, направленная на уяснение и разъяснение правовой природы договора управления залогом, его содержания и круга общественных отношений, для которых этот договор был бы актуальным, но этого сделано не было [11, с. 24].

Правовая природа договора управления залогом может быть определена через призму таких его свойств, как направленность на оказание услуг, представительский и предпринимательский характер.

Констатируя услугуую направленность этого договора, представляется важным об-

ратиться к термину «услуга» и его правовому содержанию.

Несмотря на то что гражданское законодательство содержит значительное количество «услуговых» договорных конструкций, легальное определение «услуги» в ГК РФ отсутствует. Вместе с тем законодатель дает такое определение в нормах налогового законодательства: «услугой для целей налогообложения признается деятельность, результаты которой не имеют материального выражения, реализуются и потребляются в процессе осуществления этой деятельности» (п. 5 ст. 38 НК РФ). Отмечая экономический фокус определения «услуг», содержащегося в НК РФ, Л.Б. Ситдикова предлагает свою доктринальную дефиницию: «под услугой следует понимать действия (деятельность) юридического лица или гражданина-услугодателя, направленные на достижение определенного нематериального результата, удовлетворяющие потребности нуждающихся в них субъектов-услугополучателей, имеющие самостоятельную имущественную ценность и потребляемые в процессе оказания услуги» [19, с. 27].

Рассматривая договор управления залогом как «услугу», как «управление», являющееся смыслом данного договора, можно выделить следующие ее конституирующие свойства: 1) обусловленность экономической сущностью управления; 2) деятельностный характер функционала управляющего залогом; 3) направленность на удовлетворение потребностей залогодержателей; 4) моментальная потребляемость управленческой услуги; 5) отсутствие овеществленного результата от управленческой деятельности.

Договоры, направленные на оказание услуг, представляют собой достаточно обширный сегмент гражданского оборота. В научной литературе предлагаются различные классификации услуг, в основе которых лежат те или иные основания. Так, Р.В. Шмелев предлагает дифференцировать юридико-фактические услуги по такому критерию, как «характер оказываемой услуги», на юридические, фактические и смешанные, а по такому критерию, как «сфера деятельности», на консультационные, информационные, образовательные и т. д. [21].

Услуги, оказываемые по договору управления залогом, являются юридико-фактическими и осуществляются в сфере управления чужим имуществом.

В рамках определения правовой природы договора управления залогом большое научно-практическое значение имеет обращение к теории договоров, направленных на оказание юридических и (или) фактических услуг, связанных с управлением. Весьма интересное исследование на этот счет было предпринято А.А. Павловым, предложившим новую договорную конструкцию – договор управления чужими делами. Так, в своем диссертационном исследовании он рассматривает предлагаемую им новую договорную конструкцию на примере трех видов правоотношений: управление в корпоративном праве, в несостоятельности (банкротстве), в наследственном праве. Однако, как отмечает ученый, в действительности предлагаемая им договорная конструкция не ограничивается этими тремя видами частного управления. Отмечая, что термин «управление» фигурирует в первой части ГК РФ 128 раз, А.А. Павлов подчеркивает, что в числе наиболее существенных блоков частноправового управления законодатель регламентирует и договор управления залогом [16, с. 5]. Думается, что если воспринять концепцию договора управления чужими делами и обеспечить ее соответствующим корпусом правовых норм, то договор управления залогом мог бы быть признан частным случаем управления чужими делами.

Однако в отсутствие специальных норм о договоре управления чужими делами как общей договорной конструкции, потенциально применимой к договору управления залогом, важно выяснить место этого договора в системе гражданско-правовых договорных конструкций, поименованных в ГК РФ.

При определении правовой природы договора управления залогом большое значение имеет фигура управляющего залогом. Он выполняет представительский функционал, осуществляя права залогодержателей от имени и в интересах всех кредиторов. Это предопределяет важность отграничения договора управления залогом от таких смежных договорных конструкций, как договор поручения и

договор простого товарищества. Связь договора управления залогом с управлением обуславливает важность отграничения этой договорной конструкции также и от договора доверительного управления, являющемуся специальной конструкцией по передаче управленческих полномочий.

В контексте настоящих рассуждений важное значение имеет содержание п. 6 ст. 356 ГК РФ, дословно содержащего следующие правила: «В части, не урегулированной настоящей статьей, если иное не вытекает из существа обязательств сторон, к обязанностям управляющего по договору управления залогом, не являющегося залогодержателем, применяются правила о договоре поручения, а к правам и обязанностям залогодержателей по отношению друг к другу применяются правила о договоре простого товарищества, заключаемом для осуществления предпринимательской деятельности» [6, с. 7]. Это означает, что законодатель напрямую отсылает к нормам о договоре поручения и договоре простого товарищества, subsidiarily применяемым к договору управления залогом. Однако законодатель не делает того же в отношении норм гражданского законодательства о договоре доверительного управления, благодаря чему возможно их применение по отношению к договору управления залогом лишь по аналогии закона.

Из процитированной нормы п. 6 ст. 356 ГК РФ следует ряд важных выводов относительно договора поручения: во-первых, правила о договоре поручения применяются к договору управления залогом только относительно обязанностей управляющего залогом и не подлежат применению по отношению к его правам; во-вторых, правила о договоре поручения применяются к договору управления залогом только в том случае, если управляющий залогом является третьим лицом и не совмещает статус управляющего залогом и залогодержателя; в-третьих, правила о договоре поручения применяются к договору управления залогом subsidiarily, что в частности означает приоритет специальных норм о договоре управления залогом, а также существования обязательства перед нормами о поручительстве. Таким образом, договор управления залогом, управляющим залогом по кото-

рому выступает третье лицо, – это частный случай добровольного представительства, построенного по модели «квазипоручительских» правоотношений.

О.А. Рузакова отмечает близость конструкций договора поручения и договора управления залогом, находящую проявление в нормах п.п. 1, 3 и 6 ст. 356 ГК РФ. Однако нетождественность сопоставляемых договоров обусловлена, прежде всего, запретом на осуществление прав и обязанностей залогодержателей, адресованным кредиторам (правило абз. 4 п. 1 ст. 356 ГК РФ). Иное предусмотрено нормами о договоре поручения, в рамках которого доверитель вправе выполнять права и обязанности поверенного по договору.

В.В. Витрянский критикует факт распространения норм о поручительстве на договор управления залогом, отмечает следующее: «Серьезный предпринимательский договор превращен в фидуциарную сделку, по которой, к примеру, управляющий залогом, почувствовав себя поверенным по договору поручения, в любую минуту по своему усмотрению может отказаться от исполнения своих обязанностей, что повлечет прекращение договора (ст. 977 ГК РФ)» [5, с. 218].

Еще более интересные выводы могут быть сделаны из анализа п. 6 ст. 356 ГК РФ применительно к простому товариществу. Так, правила о договоре простого товарищества применяются только в отношении прав и обязанностей залогодержателей и только в их отношениях друг с другом. Примечательно, что ученые-юристы по-разному воспринимают это нормативное предписание. К примеру, по мнению Л.Ю. Василевской, в отличие от договора простого товарищества, договор управления залогом отличается четким разделением участников соответствующего правоотношения на активную сторону и пассивную [3, с. 42]. Применение норм о договоре простого товарищества к отношениям, возникшим на основании договора управления залогом, видится А.Л. Маковскому и А.А. Певзнеру трудноосуществимым по причине того, что в отношениях между товарищами существенное значение имеет величина вклада, что не характерно для договора управления залогом [11, с. 25; 17, с. 118].

По поводу применимости к договору управления залогом правил о смежных договорных конструкциях О. Визгалин пишет: «в соответствии со ст. 356 ГК РФ к правам и обязанностям залогодержателей по отношению друг к другу применяются правила о договоре простого товарищества, что не соответствует характеру договора управления залогом. При этом применение к договору управления залогом правил о договоре поручительства почему-то относится только к случаю, когда управляющий не является залогодержателем» [4].

Сопоставление договора управления залогом и договора доверительного управления имуществом позволяет сделать следующие общие выводы. Несмотря на то что в основе сопоставляемых договорных конструкций лежит управление в его гражданско-правовом смысле, принципиальное отличие договора управления залогом от договора доверительного управления заключается в правовом положении учредителей управления. Так, по условиям договора управления залогом учредителем управления залогом может быть кредитор, не являющийся собственником имущества, а по условиям договора доверительного управления имуществом императивным требованием, предъявляемым к учредителю управления, является наличие у него правомочий собственника. Стоит поддержать В.В. Витрянского в том, что «современной цивилистической науке свойственно проводить аналогию между различными частными случаями управления чужой собственностью и обязательствами доверительного управления имуществом, что приводит к необоснованному отождествлению различных по своему содержанию институтов гражданского права» [1, с. 787].

И.С. Михалевская в одной из своих работ, посвященных договору управления залогом, приходит к следующему выводу: «В настоящее время есть договор управления залогом, который во многом, в том числе по принципиальным вопросам, соответствует агентскому договору. Поэтому есть все основания признать данный договор разновидностью агентского договора» [13, с. 101]. Эта интересная позиция требует дополнительной аргументации и может быть поставлена под

сомнение. Сходство договора управления залогом со смежными договорными конструкциями заключается в направленности на оказание услуг: либо юридических, либо юридико-фактических, либо управленческих. Вместе с тем законодателем создана уникальная договорная конструкция, отличающаяся специфическим предметом, который не позволяет допустить отождествление договора управления залогом с имеющими договорными конструкциями.

На наш взгляд, договор управления залогом обладает самостоятельной правовой природой поименованного договора. Эволюция имущественных отношений способствует формированию объективной потребности в новых договорных конструкциях, отличных от имеющихся в действующем законодательстве. О.С. Иоффе на этот счет справедливо заметил: «Как только оборот принимает новые формы, так сразу же рождаются новые типы обязательств» [10, с. 146]. Если у вновь появившегося договорного отношения обнаруживается новый признак, обладающий правовыми свойствами, то в таком случае стоит говорить об объективной потребности в новом поименованном договоре [2, с. 73]. Своевременная реакция законодателя на такие отношения обеспечивает юридически значимое разнообразие экономического оборота. В то же время нельзя не признать, что право всегда отстает от жизни. При этом участники общественных отношений нередко прибегают к фактическим договорным отношениям либо моделируют новые договорные конструкции, не предусмотренные действующим законодательством. В.С. Якушев на этот счет писал следующее: «Экономическая жизнь и деловой оборот всегда шире закрепленных в законодательстве правовых форм» [23, с. 22].

Таким образом, несмотря на то что законодатель допустил применение к договору управления залогом правил о смежных ему гражданско-правовых конструкциях, признаки которых присутствуют в модели договора управления залогом, этот договор занимает самостоятельное место в системе гражданско-правовых сделок, направленных на оказание юридико-фактических услуг по причине особого значения и содержания такой услуги, как «управление».

Б.М. Гонгало отмечает обнаруженную им дифференциацию отношений, основанных на договоре управления залогом, на «внутренние» и «внешние». Так, под внутренними он понимает отношения залогодержателей между собой, а под внешними – отношения залогодержателей с управляющим залогом. Говоря о внутренних отношениях, Б.М. Гонгало как раз упоминает нормы о простом товариществе, подлежащие применению к этим отношениям [7, с. 528]. Такая квалификация отношений, основанием возникновения которых является договор управления залогом, вызывает некоторые вопросы.

Договор управления залогом порождает «классическое» договорное правоотношение, в котором четко прослеживаются две корреспондирующие стороны обязательства – кредитор и должник. Безусловно, множественность на стороне кредиторов-залогодержателей несколько усложняет обязательство, но не влияет на его правовую природу. Между кредиторами-залогодержателями фактически нет никаких отношений, поскольку их отношения находятся в связке с другим участником – управляющим залогом. Однако, рассуждая далее, Б.М. Гонгало пишет про два варианта «внешних» отношений: первый вариант – это внешние отношения, возникающие между одним из залогодержателей, выполняющим одновременно функцию управления залогом, и оставшимися залогодержателями, если их несколько; второй вариант – это внешние отношения, возникающие между управляющим залогом, в роли которого фигурирует третье лицо, и залогодержателем(-ями). При этом Б.М. Гонгало достаточно просто объясняет применимость правил об иных договорных конструкциях к договору управления залогом: к первому варианту применяются нормы о ведении общих дел товарищей, а ко второму – нормы о договоре поручения, если положениями ст. 356 ГК РФ не установлено иное [15, с. 638].

Вероятно, законодатель, распространяя правила о простом товариществе на договор управления залогом, имел в виду только ту ситуацию, в которой на стороне управляющего залогом выступает один из кредиторов-залогодержателей. В этом последнем случае он превращается из «управляющего залогом»

в «товарища», которому по договору поручено ведение дел от имени всех товарищей (залогодержателей). Из этого следует ряд принципиально важных выводов: во-первых, правовая природа договора управления залогом находится в увязке с правовым статусом управляющего залогом и предопределена им: если в роли управляющего залогом выступает один из кредиторов-залогодержателей, то отношения между оставшимися залогодержателями и управляющим залогом строятся по модели ведения общих дел товарищей (ст. 1044 ГК РФ), однако если в роли управляющего залогом выступает третье лицо, то отношения между ним и кредиторами складываются по модели самостоятельного поименованного договора, имеющего сходства с договором поручения. Анализ доктринальных позиций по поводу правовой природы договора управления залогом наглядно демонстрирует недостаточный учет этого фактора, хотя некоторые исследователи обнаруживают разницу в соответствующих договорных моделях. Так, Л.В. Щербачева совершенно справедливо замечает: «Договор между кредитором (кредиторами) и управляющим залогом, безусловно, отличается от договора, в котором участвуют лишь кредиторы, хотя предмет договора управления залогом в этих договорах совпадает» [22, с. 59].

Анализ правил ст. 356 ГК РФ позволяет убедиться в том, что законодатель не расставляет акценты в части предусмотренной им альтернативы договорных моделей договора управления залогом. Этот факт негативным образом сказывается на всем правовом регулировании договора управления залогом, поскольку часть норм, закрепленных в ст. 356 ГК РФ, касается только той договорной модели, управляющим залогом по которой выступает кредитор-залогодержатель, а часть – модели, управляющим залогом по которой является третье лицо. На наш взгляд, эти две модели должны быть подвергнуты дифференцированному правовому регулированию.

Проблема неучета потенциального существования двух договорных моделей договора управления залогом связана с разной правовой природой этих договорных моделей. По этому поводу И.С. Михалевская пишет «нормы ст. 356 ГК РФ не дают ответа на этот воп-

рос [о правовой природе договора управления залогом], предлагая элементы конструкции двух разных договоров: договора поручения и договора простого товарищества, природа которых совершенно различна» [14, с. 70]. Так, если договор управления залогом смоделирован таким образом, что на стороне управляющего залогом участвует третье лицо, то такая договорная конструкция тяготеет к поручению и, обладая некоторыми его признаками, отличается направленностью на управление чужими делами. Однако, если договор управления залогом смоделирован по принципу участия в роли управляющего залогом кредитора-залогодержателя, то такой договор тяготеет к простому товариществу и, обладая некоторыми его признаками, отличается направленностью на ведение общих дел. Однако, обладая общим предметом, две договорные модели управления залогом, дифференцированные по правовому статусу управляющего залогом, в любом случае могут быть названы «услуговыми».

Конституирующим признаком договора управления залогом, позволяющим утверждать о самостоятельном характере этой договорной конструкции, выступает его предмет. Так, если предметом договора поручения выступают определенные юридические действия (п. 1 ст. 971 ГК РФ), которые должны быть четко конкретизированы во избежание признания такого договора незаключенным, то предмет договора управления залогом может быть детально не конкретизирован – управляющий залогом обязуется осуществлять все права и обязанности залогодержателя по договору залога. Функция управления, составляющая существо деятельности управляющего залогом, заключается в реализации прав и обязанностей залогодержателей, однако такая характеристика содержания деятельности управляющего залогом является максимально абстрактной. Примечательно, что при описании полномочий управляющего залогом, законодатель апеллирует к п. 4 ст. 185 ГК РФ, посвященному особенностям применения, правил о доверенности к отношениям, обусловленным договором, содержащим соответствующее поручение. Полномочия управляющего залогом могут быть дифференцированы на два вида в зависимости от по-

требности в получении предварительного согласия кредиторов: 1) полномочия, содержащиеся в договоре и не требующие предварительного согласия кредиторов; 2) полномочия, хоть и содержащиеся в договоре, однако в силу его условий требующие предварительного согласия кредиторов.

Законодатель оставляет «открытым» вопрос о форме такого предварительного согласия, передавая, по всей видимости, его на усмотрение сторон соответствующей сделки, что не может быть признано оправданным. Полагаем, что в силу «профессионального» предпринимательского статуса управляющего залогом предварительное согласие кредиторов должно быть выражено в письменной форме. Такое уточнение направлено на превенцию юридических конфликтов и упорядочение деловой предпринимательской практики.

Что касается сопоставления предметов договора простого товарищества и договора управления залогом, то их различие еще более очевидно: в отличие от товарищей, созалогодержатели не соединяют свои вклады и не действуют совместно. По большому счету, они могут друг друга и не знать, поскольку их интересы представляет управляющий залогом.

Признавая, что определение места договора управления залогом в системе гражданско-правовых договорных конструкций связано с правовой природой исследуемой договорной конструкции, позволим себе высказать тезис о нетождественности договора управления залогом с известными российскому гражданскому правопорядку договорными конструкциями, упоминаемыми в ст. 356 ГК РФ.

Выводы

Договор управления залогом является самостоятельной договорной конструкцией, в рамках которой предусмотрены две договорные модели, поэтому считаем крайне важным определение его места в пандектной системе российского гражданского законодательства. По справедливому замечанию Ю.В. Романаец, «классификация по признаку направленности является основной в системе договорного права. В этой классификации выделяются, в частности, группы договоров, направленных: на передачу имущества в собственность; на пе-

редачу имущества во временное пользование; на выполнение работ (оказание услуг)» [18]. В условиях развития рыночной экономики и в особенности ее цифрового сегмента растет удельный вес «услуговых» договорных конструкций. При этом часть из них включает в себя элементы нескольких известных гражданскому законодательству договоров, а часть – представляет собой непоименованные договоры. В силу того, что договор управления залогом нормативно институализирован, обладает соответствующим корпусом правовых норм, обеспечивающих его гражданско-правовое регулирование, вряд ли обоснована его квалификация в качестве непоименованного. Признавая этот факт, видится более уместным помещение норм о договоре управления залогом во вторую часть ГК РФ.

В первой части ГК РФ расположены особые самостоятельные договорные конструкции, которые отражают особенности заключения или специальные правовые последствия любого гражданско-правового договора, если он отвечает указанным законом признакам [8]. Очевидно, что договор управления залогом не является самостоятельной договорной конструкцией, и, несмотря на в целом понятную логику законодателя, стремившегося сконцентрировать нормы о залоге в разделе, посвященном этому способу обеспечения исполнения обязательств, считаем более уместным перенесение норм о нем во вторую часть ГК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брагинский, М. И. Договорное право. В 5 кн. Кн. 3: Договоры о выполнении работ и об оказании услуг / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М. : Статут, 2002. – 1055 с.
2. Братусь, С. Н. Предмет и система советского гражданского права / С. Н. Братусь. – М. : Госюриздат, 1963. – 197 с.
3. Василевская, Л. Ю. Правовая квалификация договора управления залогом / Л. Ю. Василевская // Закон. – 2016. – № 3. – С. 38–47.
4. Визгалин, О. Управление залогом при синдицированном кредитовании: что изменилось с принятием Закона № 486-ФЗ? / О. Визгалин // Банковское кредитование. – 2018. – № 4. – С. 51–61.
5. Витрянский, В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные

итоги / В. В. Витрянский. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Статут, 2018. – 526 с.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации: Залог. Перемена лиц в обязательстве. Постатейный комментарий к § 3 главы 23 и главе 24 / под ред. П. В. Крашенинникова. – М. : Статут, 2014. – 269 с.

7. Гражданское право : учебник. В 2 т. Т. 2 / О. Г. Алексеева [и др.] ; под ред. Б. М. Гонгало. – М. : Статут, 2016. – 528 с.

8. Ефимова, Л. Г. Правовая природа смарт-контракта / Л. Г. Ефимова, О. Б. Сизимова // Банковское право. – 2019. – № 1. – С. 23–30.

9. Завгородняя, А. А. К вопросу о правовой природе договора управления залогом / А. А. Завгородняя, О. С. Рыбка // EurasiaScience : сб. ст. XLII Междунар. науч.-практ. конф. – М. : Актуальность.РФ, 2021. – С. 242–249.

10. Иоффе, О. С. Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права» / О. С. Иоффе. – М. : Статут, 2020. – 782 с.

11. Маковский, А. Л. Собственный опыт – дорогая школа // Актуальные проблемы частного права : сб. ст. к юбилею П.В. Крашенинникова / под ред. В. В. Витрянского [и др.]. – М. : Статут, 2014. – С. 24–37.

12. Михалевская, И. С. К вопросу о правовой природе договора управления залогом в гражданском праве России / И. С. Михалевская // Закон и право. – 2014. – № 10. – С. 102–110.

13. Михалевская, И. С. Место договора управления залогом в системе гражданско-правовых договоров России / И. С. Михалевская // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 6. – С. 95–102.

14. Михалевская, И. С. Правовые проблемы договора управления залогом / И. С. Михалевская // Закон и право. – 2014. – № 8. – С. 70–79.

15. Настольная книга нотариуса. В 4 т. Т. 2. Правила совершения отдельных видов нотариальных действий / Е. А. Белянская [и др.] ; под ред. И. Г. Медведева. – М. : Статут, 2015. – 638 с.

16. Павлов, А. А. Договор управления чужими делами по российскому гражданскому праву : дис. ... канд. юрид. наук / Павлов Андрей Алексеевич. – Казань, 2020. – 189 с.

17. Певзнер, А. А. Новеллы гражданско-правового регулирования множественности залогодержателей / А. А. Певзнер // Право и управление. XXI век. – 2016. – № 2 (39). – С. 118–124.

18. Романец, Ю. В. Договор простого товарищества и подобные ему договоры (вопросы теории и судебной практики) / Ю. В. Романец // Вестник ВАС РФ. – 1999. – № 2. – С. 96–111.

19. Ситдикова, Л. Б. Правовое регулирование отношений по возмездному оказанию услуг / Л. Б. Ситдикова. – Набереж. Челны : изд-во Камс. гос. политехн. ин-та, 2003. – С. 27–32.

20. Харитонова, Ю. С. Договор управления залогом / Ю. С. Харитонова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 11. – С. 15–23.

21. Шмелев, Р. В. Понятие услуги как предмета договора возмездного оказания услуг. Отличия услуги от работы / Р. В. Шмелев. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

22. Щербачева, Л. В. Управление правом залога / Л. В. Щербачева // Государственная служба и кадры. – 2015. – № 1. – С. 59–65.

23. Якушев, В. С. Гражданский кодекс России (часть вторая) – продолжение формирования рыночного законодательства (общая правовая характеристика) / В. С. Якушев // Российский юридический журнал. 1996. – № 2. – С. 22–25.

REFERENCES

1. Braginskij M.I., Vitryanskij V.V. *Dogovornoe pravo. V 5 kn. Kn. 3: Dogovory o vypolnenii rabot i ob okazanii uslug* [Contract Law. In 5 Books. Book 3: Contracts for the Performance of Work and the Provision of Services]. Moscow, Statut Publ., 2002. 1055 p.

2. Bratus S.N. *Predmet i sistema sovetskogo grazhdanskogo prava* [Subject and System of Soviet Civil Law]. Moscow, Gosyurizdat, 1963. 197 p.

3. Vasilevskaya L.Yu. *Pravovaya kvalifikaciya dogovora upravleniya zalogom* [Legal Qualification of the Collateral Management Agreement]. *Zakon* [Law], 2016, no. 3, pp. 38–47.

4. Vizgalin O. *Upravlenie zalogom pri sindicirovannom kreditovanii: chto izmenilos s prinyatiem Zakona № 486-FZ?* [Collateral Management for Syndicated Lending: What Has Changed with the Adoption of Law No. 486-FZ?]. *Bankovskoe kreditovanie* [Bank Lending], 2018, no. 4, pp. 51–61.

5. Vitryanskij V.V. *Reforma rossijskogo grazhdanskogo zakonodatelstva: promezhutochnye itogi* [Reform of Russian Civil Legislation: Interim Results]. Moscow, Statut Publ., 2018. 526 p.

6. Krashennikov P.V., eds. *Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii: Zalog. Peremena lic v obyazatelstve. Postatejnyj kommentarij k § 3 glavy 23 i glave 24* [Civil Code of the Russian Federation: Pledge. Change of Persons in an Obligation. Article-By-Article Commentary to § 3 of Chapter 23 and Chapter 24]. Moscow, Statut Publ., 2014. 269 p.

7. Alekseeva O.G. et al. *Grazhdanskoe pravo: uchebnik. V 2 t. T. 2* [Civil Law. Textbook. In 2 Vols. Vol. 2]. Moscow, Statut Publ., 2016. 528 p.

8. Efimova L.G., Sizemova O.B. Pravovaya priroda smart-kontrakta [Legal Nature of a Smart Contract]. *Bankovskoe Pravo* [Banking Law], 2019, no. 1, pp. 23-30.

9. Zavgorodnyaya A.A., Rybka O.S. *K voprosu o pravovoj prirode dogovora upravleniya zalogom. EurasiaScience: sb. st. XLII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [On the Issue of the Legal Nature of the Collateral Management Agreement. EurasiaScience. Collection of Articles of the 42nd International Scientific-Practical Conf.]. Moscow, Aktualnoct.RF Publ. 2021, pp. 242-249.

10. Ioffe O.S. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: iz istorii civilisticheskoy mysli. Grazhdanskoe pravootnoshenie. Kritika teorii «hozyajstvennogo prava»* [Selected Works on Civil Law: From the History of Civil Thought. Civil Legal Relations. Criticism of the Theory of “Economic Law”]. Moscow, Statut Publ., 2020. 782 p.

11. Makovskij A.L. *Sobstvennyj opyt – dorogaya shkola* [My Own Experience – Expensive School]. Vitryanskij V.V., Golovina S.Yu., Gongalo B.M., eds. *Aktualnye problemy chastnogo prava: sb. st. k yubileyu P.V. Krasheninnikova (Moskva – Ekaterinburg, 21 iyunya 2014 g.)* [Current Problems of Private Law. Collection of Articles for the Anniversary of P.V. Krasheninnikov]. Moscow, Statut Publ., 2014, pp. 24-37.

12. Mihalevskaya I.S. *K voprosu o pravovoj prirode dogovora upravleniya zalogom v grazhdanskom prave Rossii* [On the Issue of the Legal Nature of the Collateral Management Agreement in Russian Civil Law]. *Zakon i Pravo* [Law and Law], 2014, no. 10, pp. 102-110.

13. Mihalevskaya I.S. *Mesto dogovora upravleniya zalogom v sisteme grazhdansko-pravovyh dogovorov Rossii* [The Place of the Collateral Management Agreement in the System of Civil Law Contracts in Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2018, no. 6, pp. 95-102.

14. Mihalevskaya I.S. *Pravovye problemy dogovora upravleniya zalogom* [Legal Problems of the Collateral Management Agreement]. *Zakon i Pravo* [Law and Law], 2014, no. 8, pp. 70-79.

15. Beljanskaja E.A., Brjuhov R.B., Zajceva T.I., Gongalo B.M., Grehova T.V., Jushkova E.Ju. *Nastolnaya kniga notariusa. V 4 t. T. 2. Pravila soversheniya otdelnyh vidov notarialnyh dejstvij*

[Notary’s Handbook. In 4 Vols. Vol. 2. Rules for Performing Certain Types of Notarial Acts]. Moscow, Statut Publ., 2015. 638 p.

16. Pavlov A.A. *Dogovor upravleniya chuzhimi delami po rossijskomu grazhdanskomu pravu: dis. ... kand. jurid. nauk* [Contract for Managing Other People’s Affairs Under Russian Civil Law. Cand. jurid. sci. abs.dis.]. Kazan, 2020. 189 p.

17. Pevzner A.A. *Novelly grazhdansko-pravovogo regulirovaniya mnozhestvennosti zalogoderzhatelej* [New Developments in Civil Law Regulation of Plurality of Mortgagees]. *Pravo i upravlenie. XXI vek* [Law and Management. 21st Century], 2016, no. 2 (39). 118 p.

18. Romanec Yu.V. *Dogovor prostogo tovarishchestva i podobnye emu dogovory (voprosy teorii i sudebnoj praktiki)* [A Simple Partnership Agreement and Similar Agreements (Issues of Theory and Judicial Practice)]. *Vestnik VAS RF* [Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation], 1999, no. 2, pp. 96-111.

19. Sitdikova L.B. *Pravovoe regulirovanie otnoshenij po vozmezdnomu okazaniyu uslug* [Legal Regulation of Relations Regarding the Provision of Paid Services]. Naberezh. Chelny, izd-vo Kams. gos. politekhn. in-ta, 2003. pp. 27-32.

20. Haritonova Yu.S. *Dogovor upravleniya zalogom* [Collateral Management Agreement]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2014, no. 11, pp. 15-23.

21. Shmelev R.V. *Ponyatie uslugi kak predmeta dogovora vozmezdного okazaniya uslug. Otlichiya uslugi ot raboty* [The Concept of Service as the Subject of a Contract for the Provision of Paid Services. Differences Between Services and Work]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

22. Shcherbacheva L.V. *Upravlenie pravom zaloga* [Management of Lien Rights]. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry* [Public Service and Personnel], 2015, no. 1, pp. 59-65.

23. Yakushev V.S. *Grazhdanskij kodeks Rossii (chast vtoraya) – prodolzhenie formirovaniya rynochnogo zakonodatelstva (obshchaya pravovaya harakteristika)* [Civil Code of Russia (Part Two) – Continuation of the Formation of Market Legislation (General Legal Characteristics)]. *Rossijskij yuridicheskij zhurnal* [Russian Legal Journal], 1996, no. 2, pp. 22-25.

Information About the Author

Dmitry A. Gorshkov, Director General, “Gorshkov and Partners” Law Firm, Pyatnitskaya St, 54, 115184 Moscow, Russian Federation; Candidate for a Degree, Department of Business Law, Russian State University for the Humanities, Miusskaya Sq., 6, 125047 Moscow, Russian Federation, dmitry@gorshkovlegal.com, <https://orcid.org/0000-0003-4409-2157>

Информация об авторе

Дмитрий Александрович Горшков, генеральный директор, юридическая компания «Горшков и партнеры», ул. Пятницкая, 54, 115184 г. Москва, Российская Федерация; соискатель кафедры предпринимательского права, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская пл., 6, 125047 г. Москва, Российская Федерация, dmitry@gorshkovlegal.com, <https://orcid.org/0000-0003-4409-2157>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.4>

UDC 347.1
LBC 67.404

Submitted: 07.11.2023
Accepted: 08.12.2023

THE LEGAL CONSEQUENCES OF THE TRANSFER OF THE LENDER'S RIGHTS UNDER A CONVERTIBLE LOAN AGREEMENT

Roman V. Ananyev

Arbitration Court of the Volga District, Kazan, Russian Federation

Introduction. The paper analyzes the legal consequences of the transfer of the lender's rights under a convertible loan agreement. **Purpose.** To consider four blocks of issues: the specifics of the legal regulation of the transfer of rights under a convertible loan agreement; the characteristic features of the assignment of a claim under a convertible loan agreement are determined; the features of the transfer of the lender's rights under a convertible loan agreement are identified on the grounds provided for by law; and the convertible loan agreement is considered in connection with the implementation of the principle of stability of the corporation's activities. **Methods.** The methodological framework for the research is based on the methods of scientific cognition, including such main ones as the methods of consistency, analysis, and comparative law. **Results.** The civil legislation of the Russian Federation mainly provides for two grounds for transferring the rights of a creditor to another person: making a corresponding transaction, called "assignment of a claim," and the law (Paragraph 1 of Article 382 of the Civil Code of the Russian Federation). **Conclusions.** It is established that both grounds are equally relevant for a convertible loan agreement and require special scientific analysis.

Key words: convertible loan agreement, assignment of the right of claim, principle of stability of corporate activities, transfer of rights under the agreement, borrower, obligation.

Citation. Ananyev R.V. The Legal Consequences of the Transfer of the Lender's Rights Under a Convertible Loan Agreement. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 30-37. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.4>

УДК 347.1
ББК 67.404

Дата поступления статьи: 07.11.2023
Дата принятия статьи: 08.12.2023

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРЕХОДА ПРАВ ЗАЙМОДАВЦА ПО ДОГОВОРУ КОНВЕРТИРУЕМОГО ЗАЙМА

Роман Викторович Ананьев

Арбитражный суд Поволжского округа, г. Казань, Российская Федерация

Введение: в работе дан анализ правовых последствий перехода прав займодавца по договору конвертируемого займа. **Цель:** рассмотреть четыре блока вопросов: особенности правового регулирования перехода прав по договору конвертируемого займа; определить характерные черты совершения уступки требования по договору конвертируемого займа; выявить особенности перехода прав займодавца по договору конвертируемого займа по основаниям, предусмотренным законом, а также рассмотреть договор конвертируемого займа во взаимосвязи с реализацией принципа стабильности деятельности корпорации. **Методы:** методологическую основу данного исследования составили методы научного познания, среди которых основное место занимают методы системности, анализа и сравнительно-правовой. **Результаты:** российское гражданское законодательство предусматривает, главным образом, два основания перехода прав кредитора к другому лицу: совершение соответствующей сделки, именуемой «уступка требования»; и закон (п. 1 ст. 382 ГК РФ). **Выводы:** установлено, что оба основания в равной мере актуальны и для договора конвертируемого займа и требуют специального научного анализа.

Ключевые слова: договор конвертируемого займа, уступка права требования, принцип стабильности деятельности корпораций, переход прав по договору, заемщик, обязательство.

Цитирование. Ананьев Р. В. Правовые последствия перехода прав займодавца по договору конвертируемого займа // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 30–37. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.4>

Введение

Квалификация договора конвертируемого займа в качестве нового договорного вида в рамках заемного типа гражданско-правовых договорных конструкций позволяет с определенной долей условности считать его денежным обязательством. Подобная квалификация обуславливает применимость к рассматриваемому институту позиции, сформулированной Верховным Судом РФ, следующего содержания: по общему правилу личность кредитора не имеет значения для уступки требования по денежному обязательству [6]. Однако сделанная оговорка по общему правилу, безусловно, свидетельствует о наличии исключений из этого правила, которые могут быть предусмотрены законом или договором.

Анализ общих положений о перемене лиц в обязательстве позволяет сделать вывод, что законодатель предусматривает запрет на переход прав к другому лицу только в отношении прав, неразрывно связанных с личностью кредитора (ст. 383 ГК РФ). Личность займодавца в рассматриваемом случае имеет существенное значение для заемщика, поскольку в конструкции договора конвертируемого займа займодавец обладает уникальным для российского частноправового законодательства правом на конвертацию обязательственных прав в корпоративные. Это предопределяет потенциальную возможность приобретения корпоративного участия в хозяйственном обществе-заемщике. Очевидно, что, как и для иных корпоративных отношений, основанных на деловом партнерстве, личность участников корпорации имеет существенное значение [2, с. 6].

Таким образом, доверительный характер правоотношений, возникающих из договора конвертируемого займа, обусловлен присущей этой договорной конструкции трансформацией обязательственных прав в корпоративные. Иными словами, заемщику важно, кто будет иметь потенциальное право на участие в делах хозяйственного общества. Вступая в отношения, обусловленные договором конвертируемого займа, заемщик рассчитывает на то, что потенциальным участником инвестируемого хозяйственного общества может стать только сам инвестор.

Согласно п. 5 ст. 32.3 Закона об АО, «если иное не предусмотрено договором конвертируемого займа, при переходе прав займодавца по указанному договору к другому лицу новый кредитор не вправе требовать от заемщика, являющегося непубличным обществом, размещения ему дополнительных акций во исполнение договора конвертируемого займа». Из этого следует, что, по общему правилу, переход одного из альтернативных исполнений в виде требования о размещении дополнительных акций во исполнение договора конвертируемого займа от первоначального кредитора к новому является недопустимым, если иное прямо не предусмотрено договором конвертируемого займа.

Аналогичное правило, текстуально расположенное в п. 8 ст. 19.1 закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», предусмотрено и для данного института, заемщиком по которому является общество с ограниченной ответственностью. В указанном пункте содержится указание на невозможность передачи всех правомочий, вытекающих из договора конвертируемого займа, новому кредитору. Дословно это правило звучит следующим образом: «Если иное не предусмотрено договором конвертируемого займа, при переходе прав займодавца по указанному договору к другому лицу новый кредитор не вправе требовать от общества увеличения его уставного капитала во исполнение договора конвертируемого займа».

Анализ процитированных норм права позволяет сформулировать ряд выводов:

– во-первых, рассмотренные правила сформулированы диспозитивно: предполагается, что «иное» может быть предусмотрено договором;

– во-вторых, включение этого правила и в акционерное законодательство, и в законодательство об ООО свидетельствует об однозначной позиции законодателя в части признания договора конвертируемого займа сделкой, в которой личность кредитора имеет существенное значение для должника. При этом это свойство касается только одного из двух альтернативных требований – о размещении дополнительных акций во исполнение договора / об увеличении уставного капитала общества во исполнение договора конвертируемо-

го займа. По этому поводу А.В. Богданов отмечает следующее: «Закон не запрещает передачу прав требования по договору третьему лицу, но при такой передаче заем теряет свойство конвертируемости и трансформируется в обычное заемное обязательство, если иное не установлено самим договором конвертируемого займа» [1, с. 69].

Особенности совершения уступки требования по договору конвертируемого займа

Корпоративное законодательство предусматривает несколько взаимосвязанных правил, свидетельствующих о том, что законодатель исходит из особого механизма уступки требования о размещении дополнительных акций / об увеличении уставного капитала общества во исполнение договора конвертируемого займа. При этом законодатель не ограничивает кредитора-займодавца в уступке его прав, вытекающих из заемного обязательства. Итак, в случае уступки требования из договора конвертируемого займа к новому кредитору переходит только одно требование, вытекающее из заемного правоотношения, – требование суммы займа и причитающихся на них процентов. В то же время новый кредитор не получает права требования о размещении ему дополнительных акций непубличного акционерного общества во исполнение договора конвертируемого займа / увеличения уставного капитала общества во исполнение договора конвертируемого займа. Специально-юридический анализ этих норм права приводит к выводу о том, что сделка, направленная на уступку требования из договора конвертируемого займа, трансформирует альтернативное обязательство, заложенное в модели этого договора, в простое однопредметное заемное обязательство, если иное не предусмотрено договором.

По этому поводу Д.А. Плеханов замечает, что анализ норм, предусматривающих особенности перемены кредитора в обязательстве, основанием возникновения которого выступает договор конвертируемого займа, позволяет сделать вывод о существенном значении кредитора для должника, поскольку последнему «небезразлично, какое именно

лицо будет обладать возможностью участвовать в его хозяйственной деятельности» [7, с. 65]. При этом ученый интерпретирует трансформацию альтернативного обязательства в простое однопредметное заемное обязательство в качестве «защиты корпоративной среды».

При этом сделка по уступке требования может произойти в рамках одной из следующих стадий динамики исследуемого обязательства: 1) до наступления отлагательного условия; 2) после наступления отлагательного условия, но до совершения кредитором права выбора; 3) после совершения кредитором выбора, даже если этот выбор осуществлен в пользу предоставления дополнительных акций / доли в хозяйственном обществе.

Независимо от стадии, на которой совершена сделка по уступке требования, новый кредитор вправе рассчитывать только на получение заемных денежных средств и причитающихся процентов. Однако следует иметь в виду, что это правило диспозитивно: иное может быть предусмотрено договором. Если «иное» предусмотрено договором и в силу его особых условий уступка требования разрешена в полном объеме, то в таком случае кредитор уступает требование, вытекающее из этого договора, в полном объеме, включая секундарное право выбора одного из альтернативных исполнений.

В последнем случае стадия исполнения обязательства из договора конвертируемого займа, на которой осуществлена уступка, имеет принципиальное значение в силу следующих обстоятельств. Если займодавец уступает требование, вытекающее из договора конвертируемого займа, до момента наступления отлагательного условия, то новый кредитор вступает в альтернативное обязательство, основанием которого является договор конвертируемого займа, до момента совершения выбора, то есть становится управомоченным на совершение выбора предмета исполнения в рамках этого обязательства. Такая же ситуация складывается в том случае, если новый кредитор вступает в обязательство, обусловленное договором конвертируемого займа, после наступления отлагательного условия, однако с нереализованным прежним кредитором правом выбора предмета исполнения.

В том же случае, когда прежний кредитор сделал выбор в пользу одного из нескольких альтернативных исполнений, то новый кредитор фактически вступает в простое однопредметное обязательство.

Интересное замечание по поводу уступки сформулировано А.В. Милоховой: «Ограничения и особенности оформления уступки права требования по договору конвертируемого займа обусловлены альтернативностью исполнения данного обязательства» [5, с. 37]. Действительно, альтернативность предопределяет столь необычный подход законодателя к переходу прав из договора конвертируемого займа новому кредитору, «отсекая», по общему правилу, одну альтернативу в виде приобретения участия в корпорации. Однако в основе такого законодательного решения не конструкция альтернативного обязательства, а иные соображения, сопряженные, как нам кажется, с фидуциарным характером соответствующих отношений, вытекающих из договора конвертируемого займа, а также принципом стабильности деятельности организации. Д.А. Плеханов отмечает следующее: «Фидуциарность договора конвертируемого займа обусловлена долгосрочными партнерскими, а иногда дружескими отношениями между инвестором и заемщиком, скрепленных единым намерением развить фактически общий бизнес» [7, с. 65].

В результате обозначенного законодательного решения переход прав займодавца по договору конвертируемого займа к другому лицу может быть охарактеризован как релятивный: если он разрешен условиями договора конвертируемого займа, то при условии соблюдения процедурных правил он состоится в полном объеме; если переход запрещен или не упомянут в условиях договора, то он состоится только в части одного альтернативного требования – о возврате суммы займа и причитающихся процентов.

Корпоративное законодательство предусматривает особые процедурные требования к порядку заключения соглашения об уступке другому лицу прав из договора конвертируемого займа на тот случай, когда возможность перемены кредитора в обязательстве, основанием возникновения которого выступает договор конвертируемого займа, предусмотр-

рена условиями соответствующего договора. На этот случай в акционерном законодательстве зафиксировано требование о получении предварительного согласия общего собрания акционеров заемщика, являющегося непубличным акционерным обществом, данного единогласно всеми его акционерами – владельцами акций всех категорий (типов). Из этого следует, что в процедурном аспекте соглашение об уступке другому лицу прав из договора конвертируемого займа приравнивается к заключению договора конвертируемого займа. Это решение законодателя демонстрирует равнозначность заключения соглашения об уступке другому лицу прав и заключения нового договора конвертируемого займа.

Особенности перехода прав займодавца по договору конвертируемого займа, по основаниям, предусмотренным законом

Поскольку законодатель не разъясняет конкретные основания перехода прав займодавца по договору конвертируемого займа, что позволяет утверждать о применимости к указанным правоотношениям общих положений о перемене лиц в обязательстве. Иными словами, законодатель исходит из признания невозможности перехода прав кредитора в полном объеме к другому лицу как в силу соответствующей сделки, рассмотренной выше, так и в силу закона. Общие положения о переходе прав кредитора к другому лицу на основании закона сконцентрированы в ст. 387 ГК РФ, в которой предложен открытый перечень оснований для перехода. В их числе: универсальное правопреемство, решение суда, исполнение обязательства должника иным лицом (поручителем должника / залогодателем), суброгация, иные случаи.

На наш взгляд, наиболее актуальным для договора конвертируемого займа основанием перехода прав займодавца к иному лицу является универсальное правопреемство, которое традиционно связывают с наследованием и правопреемством при реорганизации юридических лиц. С учетом того, что займодавцем по договору конвертируемого займа может быть как физическое, так и юридическое лицо, оба случая универсаль-

ного правопреемства требуют обстоятельного доктринального анализа.

В.П. Ладыгиной был сделан вывод о том, что права и обязанности из этого договора входят в наследственную массу и подлежат наследованию на общих основаниях [3, с. 31]. Это мнение может быть подтверждено посредством нормативного указания, содержащегося в ч. 1 ст. 1112 ГК РФ, о вхождении в состав наследства имущественных прав и обязанностей, к числу которых, безусловно, относятся и имущественные права и обязанности, основанные на договоре конвертируемого займа. Парадокс модели правоотношений, созданной договором конвертируемого займа, заключается в том, что одно из исполнений в виде размещения дополнительных акций во исполнение этого договора или увеличения уставного капитала тесно связано с личностью кредитора, если иное не предусмотрено условиями договора, а второе альтернативное исполнение в виде возврата заемных денежных средств и причитающихся процентов, напротив, свойством связанности с личностью кредитора не обладает. Кроме того, договор конвертируемого займа может содержать и так называемые «смешанные» исполнения, при которых займодавец вправе требовать размещения ему дополнительных акций / увеличения уставного капитала во исполнение договора конвертируемого займа и, например, уплаты части процентов.

Очевидно, что проблематика наследования прав и обязанностей из договора конвертируемого займа находится в увязке со стадией существования этого сложного обязательства.

Рассмотрим ситуацию, при которой договор конвертируемого займа запрещает переход прав по нему к другому кредитору либо не упоминает о такой ситуации вообще. Если такой переход происходит на «заемной» стадии динамики обязательства из договора конвертируемого займа, то есть с момента подписания договора конвертируемого займа и до момента наступления отлагательного условия, активирующего секундарное право займодавца на совершение выбора, то новый кредитор вступает в это обязательство без приобретения указанного секундарного права. В том случае, когда исследуемое вступление происходит на «выборной» стадии динамики соот-

ветствующего обязательства, то есть с момента наступления отлагательного условия, активирующего секундарное право займодавца на совершение выбора, и до момента совершения выбора или несовершения выбора и истечения трехмесячного срока, если иной срок не предусмотрен договором, то новый кредитор, не получив секундарного права на совершение выбора, остается в рамках этой стадии только с одной опцией – правом на получение заемных денежных средств и причитающихся процентов. При вступлении нового кредитора в обязательство на третьей стадии динамики соответствующего обязательства, то есть с момента совершения займодавцем выбора в пользу получения заемных денежных средств и причитающихся процентов или просрочки совершения выбора в рамках альтернативного обязательства, за новым кредитором закрепляется право на получение заемных денежных средств и причитающихся процентов. Наконец, если новый кредитор вступает в обязательство на «корпоративной» стадии динамики соответствующего обязательства, то есть с момента совершения займодавцем выбора в пользу получения альтернативного исполнения в виде требования об увеличении уставного капитала общества во исполнение договора конвертируемого займа / размещения ему дополнительных акций и до момента прекращения соответствующего обязательства зачетом встречных однородных требований, то возникает интересная с точки зрения права ситуация: в силу прямого указания закона в части недопустимости перехода права требования размещения дополнительных акций / увеличения уставного капитала общества во исполнение договора конвертируемого займа к другому лицу, сделанный прежним кредитором выбор может быть аннулирован, если необходимые корпоративные процедуры к этому времени не завершены, а обязательство с обновленным составом в части личностей контрагентов трансформируется в простое заемное обязательство.

Универсальное правопреемство, которое потенциально может коснуться обязательства, основанием возникновения которого выступает договор конвертируемого займа, является нежелательным для участников хозяйствен-

ного общества-заемщика. Этот вывод предопределен следующими обстоятельствами: во-первых, наследование предполагает шестимесячный срок для принятия наследства, что само по себе «затормозит» динамику отношения из договора конвертируемого займа; во-вторых, зачастую наследодатель имеет несколько наследников, вступление каждого из которых в состав участников хозяйственного общества может привести к ненужному дроблению его уставного капитала; в-третьих, личность наследника или наследников кредитора по обязательству, основанием возникновения которого является договор конвертируемого займа, может не отвечать корпоративным интересам хозяйственного общества-заемщика, особенно если в числе наследников присутствуют несовершеннолетние, недееспособные, юридические лица и т. д.

Если займодавцем по договору конвертируемого займа выступает юридическое лицо, то его реорганизация неизбежно приведет к перемене кредитора в исследуемом обязательстве. В целом и в случае с реорганизацией юридического лица – займодавца действуют все те же правила: о релятивном характере перемены кредитора в обязательстве из договора конвертируемого займа, о переходе новому кредитору, по общему правилу, только одного требования, вытекающего из заемного обязательства и т. д.

Договор конвертируемого займа и принцип стабильности деятельности корпорации

На наш взгляд, фидуциарная природа договора конвертируемого займа и недопустимость, по общему правилу, перемены займодавца в отношениях, обусловленных этой договорной конструкцией в части требования о размещении акций / выделе доли, детерминированы принципом стабильности деятельности корпорации. Отметим, что этот принцип не получил обстоятельного доктринального изучения, однако он имеет существенное практическое значение [4, с. 150].

В частности, он упоминается в положениях Кодекса этики и служебного поведения работников госкорпорации «Росатом». Несмотря на столь специфичный характер этого

акта, совершенно очевидно, что соответствующее его положение о принципе стабильности деятельности корпорации носит универсальный характер и в равной мере применимо в отношении любой корпорации. В соответствии с п. 5.2 Кодекса этики Росатома «бережное обращение с имуществом, использование его только по назначению, экономное расходование ресурсов – важное условие эффективности и стабильности деятельности Корпорации». Несмотря на то что в процитированной норме стабильность деятельности корпорации не позиционируется как принцип и содержательно связывается только с имуществом корпорации, стоит отметить важность его упоминания.

Выводы

По нашему мнению, принцип стабильности деятельности корпорации – это основополагающая идея, означающая постоянство всех элементов корпорации, обеспечивающих непрерывность ее хозяйственной деятельности. В этом смысле постоянным должно быть не только имущество корпорации, с помощью которого хозяйствующий субъект участвует в гражданском обороте, но и ее участники, принимающие корпоративные решения, во многом предопределяющие судьбу юридического лица. Думается, что российский законодатель исходит из признания принципа стабильности деятельности корпорации, в том числе и в части ее субъектного состава. Анализ некоторых норм корпоративного законодательства доказывает этот факт. Так, в пользу названного непоименованного в законе принципа свидетельствуют нормы, например о преимущественном праве покупки доли или части доли участника общества.

Думается, что в аналогичном смысле ключевое, учитывающее принцип стабильности деятельности корпорации в части ее состава, изложено правило об увеличении уставного капитала общества за счет дополнительных вкладов его участников и вкладов третьих лиц, принимаемых в общество. Так, согласно правилу, изложенному в п. 2 ст. 19 Закона об ООО, указанное увеличение может быть осуществлено только на основании решения участников общества, принятом единогласно.

Это означает, что принятие в общество нового участника или коррекция доли действующего участника с неизбежной коррекцией долей и других членов общества возможно только при условии единогласной поддержки такого решения.

Принцип стабильности деятельности корпорации обеспечивает стабильность гражданского оборота в целом, а применительно к тематике настоящей статьи может быть объяснен следующим образом: участники хозяйственного общества, принимая решение о вступлении в отношения, обусловленные договором конвертируемого займа, соглашаются на ожидаемое принятие займодавца в число участников общества в будущем и на уменьшение их доли / акций. Очевидно, что для участников такого общества личность займодавца небезразлична (если им выступает физическое лицо). Это обстоятельство усугубляется тем, что инвестор-займодавец, конвертируя заем в долю / акции, нередко становится участником, имеющим большинство голосов в хозяйственном обществе. Так, от него зависит принятие корпоративных решений и, как следствие, будущее корпорации и ее участников. Поэтому, соглашаясь на то, что при наступлении определенных обстоятельств, займодавец сможет конвертировать заем в корпоративные права, участники соответствующего хозяйственного общества не рассчитывают на то, что в их составе появится, например, наследник инвестора. Все сказанное в равной степени актуально и для тех случаев, когда займодавцем выступает юридическое лицо. Пользуясь методом «от противного», можно смоделировать следующую ситуацию: бизнес-ангел заключает договор конвертируемого займа с хозяйственным обществом, а затем уступает требования по этому договору конкурирующему с указанным хозяйственным обществом юридическому лицу, что впоследствии фактически приводит к недружественному поглощению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданов, А. В. Правовое регулирование договора конвертируемого займа в корпоративных отношениях / А. В. Богданов // *Ex jure*. – 2022. – № 2. – С. 69–78.

2. Иншакова, А. О. Оборот объектов гражданских прав имущественного характера: основные понятия, виды, тенденции законодательного развития / А. О. Иншакова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 6–15. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.1.1>

3. Ладьгина, В. П. Наследование прав и обязанностей из договора конвертируемого займа / В. П. Ладьгина // *Нотариус*. – 2022. – № 6. – С. 27–31.

4. Матыцин, Д. Е. Розничное финансирование инвестиций посредством дистанционного цифрового компьютерного алгоритма / Д. Е. Матыцин // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 150–158. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.2.20>

5. Милохова, А. В. Конвертируемый заем как способ приобретения доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью / А. В. Милохова // *Законы России: опыт, анализ, практика*. – 2022. – № 5. – С. 37–43.

6. Определение Верховного Суда РФ от 22 октября 2013 г. № 64-КГ13-7 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Плеханов, Д. А. Договор конвертируемого займа как гарантия защиты интересов инвестора (анализ законопроекта № 972589-7) / Д. А. Плеханов // *Право и экономика*. – 2021. – № 9 (403). – С. 65–69.

REFERENCES

1. Bogdanov A.V. Pravovoe regulirovanie dogovora konvertiruемого zajma v korporativnyh otnosheniyah [Legal Regulation of a Convertible Loan Agreement in Corporate Relations]. *Ex jure*, 2022, no. 2, pp. 69-78.

2. Inshakova A.O. Oborot obyektov grazhdanskih prav imushchestvennogo haraktera: osnovnye ponyatiya, vidy, tendencii zakonodatel'nogo razvitiya [The Circulation of Property Objects of Civil Law Rights: Basic Concepts, Types, Trends of Legislative Development]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2020, vol. 19, no. 1, pp. 6-15. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.1.1>

3. Ladygina V.P. Nasledovanie prav i obyazannostej iz dogovora konvertiruемого zajma [Inheritance of Rights and Obligations from a Convertible Loan Agreement]. *Notarius* [Notary], 2022, no. 6, pp. 27-31.

4. Matytsin D.E. Roznichnoe finansirovanie investitsij posredstvom distancionnogo cifrovogo kompyuternogo algoritma [Retail Investment Financing Via Remote Digital Computer Algorithm]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2021, vol. 20, no. 2, pp. 150-158. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.2.20>

5. Milohova A.V. Konvertiruemyj zaem kak sposob priobreteniya doli v ustavnom kapitale obshchestva s ogranichennoj otvetstvennostyu [Convertible Loan as a Way to Acquire a Share in the Authorized Capital of a Limited Liability Company]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2022, no. 5, pp. 37-43.

6. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 22 oktyabrya 2013 g. № 64-KG13-7 [Ruling of the

Supreme Court of the Russian Federation Dated October 22, 2013 No. 64-KG13-7]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

7. Plekhanov D.A. Dogovor konvertiruemogo zajma kak garantiya zashchity interesov investora (analiz zakonoproekta № 972589-7) [Convertible Loan Agreement as a Guarantee of Protecting the Interests of the Investor (Analysis of Bill No. 972589-7)]. *Pravo i ekonomiki* [Law and Economics], 2021, no. 9 (403), pp. 65-69.

Information About the Author

Roman V. Ananyev, Judge, Arbitration Court of the Volga District, Krasnoselskaya St, 20, 420066 Kazan, Russian Federation, ananyev_rv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4486-8974>

Информация об авторе

Роман Викторович Ананьев, судья, Арбитражный суд Поволжского округа, ул. Красносельская, 20, 420066 г. Казань, Российская Федерация, ananyev_rv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4486-8974>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.5>

UDC 347
LBC 67.404

Submitted: 09.11.2023
Accepted: 29.11.2023

GAS DISTRIBUTION AND MAINTENANCE SERVICES FOR GAS EQUIPMENT: UPDATING THE REGULATIONS BASED ON CENTRALIZATION

Sergey A. Puzikov

LLC “Gazprom Gazoraspredelenie Volgograd”, Gorodishche, Russian Federation

Introduction. In 2021, as part of the implementation of the initiative of Vladimir Putin, Russia’s president, amendments were made to the current legislation providing for the highest possible degree of gasification of the country, including the construction of gas networks to land plots of individuals without using the funds of these citizens, which was the beginning of reforms in the field of maintenance of gas equipment, taking into account the increase in gas consumers. In particular, the Government of the Russian Federation adopted a “roadmap” for the gasification of Russian regions, whereby the first stage should be completed in 2023 and the second stage was supposed to be implemented from 2023 to 2030. At the same time, the number of emergency incidents related to the use of gas, which have caused significant property damage, harm to health, and deaths, continues to remain at a critically high level. The analysis of the legal relations developing in the market of services under consideration indicates obvious shortcomings of the legal regulation. The **purpose** and objectives of the work are to: investigate the participation of a gas distribution organization in the maintenance of in-house gas equipment under the legislation amendments in this area; consider the features and problems of the legal regulation of maintenance activities; and propose recommendations for improving the legislation regarding the status of a gas distribution organization. **Results.** Currently, the legal status of gas distribution and gas equipment servicing organizations is unstable; intensive and contradictory legislative changes indicate that this type of activity needs to be updated in the legal regulations. The quality of the legal regulation of the activities of gas distribution and gas equipment servicing organizations operating in modern Russia requires deep improvement. **Conclusions.** A retrospective analysis of the legal regulation of the maintenance of in-house gas equipment allows for the formulation of a number of proposals; in particular, the state regulation of prices for in-house gas maintenance should be introduced. These maintenance services should be provided by specialized organizations without charging the public. The cost of services determined by the regulator must be included in the gas price and charged once by the supplier as part of the price under the gas supply agreement. In addition, the gas supplier must have a contractual relationship with a specialized organization that performs in-house gas maintenance. The population also needs timely diagnostics of gas equipment, its replacement, repair work, and proper maintenance and repair of house ventilation ducts so that gas supply is a means of comfortable living, which can be effectively carried out by Gazprom PJSC through its subsidiary specialized organization.

Key words: gas equipment, specialized organization, gas distribution organization, maintenance, gas consumer.

Citation. Puzikov S.A. Gas Distribution and Maintenance Services for Gas Equipment: Updating the Regulations Based on Centralization. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 38-44. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.5>

УДК 347
ББК 67.404

Дата поступления статьи: 09.11.2023
Дата принятия статьи: 29.11.2023

ГАЗОРАСПРЕДЕЛЕНИЕ И ОКАЗАНИЕ УСЛУГ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ ОБСЛУЖИВАНИЮ ГАЗОВОГО ОБОРУДОВАНИЯ: ОБНОВЛЕНИЕ РЕГЛАМЕНТАЦИИ НА ОСНОВЕ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ

Сергей Александрович Пузиков

ООО «Газпром газораспределение Волгоград», р. п. Городище, Российская Федерация

Введение: в 2021 г. в рамках реализации инициативы Президента РФ В.В. Путина были внесены изменения в действующее законодательство, предусматривающие обеспечение максимально высокой степени газификации страны, включая строительство газовых сетей до земельных участков физических лиц без использования денежных средств этих граждан, что стало началом реформ и в сфере технического обслуживания газового оборудования с учетом увеличения потребителей газа. В частности, Правительство РФ приняло «дорожную карту» газификации российских регионов, согласно которой, первый этап должен завершиться до начала 2023 г., второй этап предполагалось реализовать с 2023 по 2030 год. При этом количество чрезвычайных происшествий, связанных с использованием газа, повлекших причинение значительного имущественного ущерба, вред здоровью и летальные исходы продолжает оставаться на критически высоком уровне. Анализ правоотношений, складывающихся на рассматриваемом рынке предоставляемых услуг, свидетельствует об очевидных недостатках правового регулирования. **Цель и задачи работы:** исследовать участие газораспределительной организации в деятельности по техническому обслуживанию внутридомового газового оборудования (ТО ВДГО) в условиях изменения законодательства в данной сфере. Рассмотреть особенности и проблемы правового регулирования деятельности по техническому обслуживанию и предложить рекомендации по совершенствованию законодательства в части статуса газораспределительной организации. **Результаты:** в настоящее время правовое положение газораспределительных и обслуживающих газовое оборудование организаций нестабильно, интенсивные и противоречивые законодательные изменения свидетельствуют о том, что данный вид деятельности нуждается в обновлении правовой регламентации. Качество правового регулирования деятельности газораспределительных и обслуживающих газовое оборудование организаций, действующего в современной России, требует глубокого совершенствования. **Выводы:** ретроспективный анализ правового регулирования деятельности по ТО ВДГО позволяет сформулировать ряд предложений, в частности, должно быть введено государственное регулирование цен на услуги, предоставляемые в рамках ТО ВДГО. Данные услуги должны оказываться специализированными организациями без взимания платы с населения. Стоимость услуг, определенная регулятором, должна быть включена в стоимость газа и взиматься однократно поставщиком в составе цены по договору поставки газа. Кроме этого, поставщик газа должен состоять в договорных отношениях со специализированной организацией, выполняющей ТО ВДГО. Для населения также требуется своевременная диагностика газового оборудования, его замена, выполнение ремонтных работ, надлежащее обслуживание и ремонт домовых вентиляционных каналов, чтобы газоснабжение являлось средством комфортного проживания, что может эффективно осуществлять ПАО «Газпром» посредством своей дочерней специализированной организации.

Ключевые слова: газовое оборудование, специализированная организация, газораспределительная организация, техническое обслуживание, потребитель газа.

Цитирование. Пузиков С. А. Газораспределение и оказание услуг по техническому обслуживанию газового оборудования: обновление регламентации на основе централизации // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 38–44. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.5>

Введение

Глобальные мировые геополитические изменения, повлекшие в 1991 г. расформирование СССР, привели в целом к кардинальным изменениям законодательства Российской Федерации. Нормативное регулирование правовых отношений, возникающих в сфере регулирования деятельности по техническому обслуживанию внутридомового газового оборудования, также подверглось существенным преобразованиям. Основной проблемой произошедшей либерализации законодательства в рассматриваемой сфере явилось изменение отдельных приоритетов, касающихся безопасности и комфортного проживания людей.

Основная часть

В советский период основополагающим принципом в области использования населением газа в качестве топлива в коммунально-бытовых целях являлась безопасность такого использования. Как известно, газ, подаваемый по газопроводам в жилые дома, обладает повышенными пожаро- и взрывоопасными свойствами, а также наличием отравляющих продуктов горения (угарный газ). В отличие от этого, начиная с 2000-х гг. приоритетом является защита прав потребителей. В качестве примера можно привести норму, содержащуюся в п. 80 действующих Правил пользования газом в части обеспечения безопасности при использовании и содержании

внутридомового и внутриквартирного газового оборудования при предоставлении коммунальной услуги по газоснабжению, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 14.05.2013 № 410 (ред. от 29.05.2023) «О мерах по обеспечению безопасности при использовании и содержании внутридомового и внутриквартирного газового оборудования» (далее также Правила) [6]. Данный пункт регулирует отношения потребителя газа (гражданина-заказчика) и специализированной организации, осуществляющей по соответствующему договору техническое обслуживание внутридомового газового оборудования, в связи с негативной ситуацией, возникающей в трех случаях нарушения законодательства со стороны заказчика.

Во-первых, поименовано действие заказчика, выраженное в неоднократном отказе (2 и более раз) в предоставлении возможности (доступа к месту расположения газового оборудования) специализированной организации для выполнения комплекса работ по обслуживанию указанного выше газового оборудования. Очевидно, что в данном случае речь идет о целенаправленном недобросовестном поведении заказчика, причиной которого могут являться прежде всего нарушения в работе оборудования, о которых заказчик осведомлен и понимает, что их выявление может повлечь требование о прекращении газоснабжения (например, самовольно установленное оборудование или недействующая автоматика безопасности).

Во-вторых, предусмотрено отсутствие договора о техническом обслуживании, то есть так же, как и в первом случае, речь идет о возможном совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 9.23 КоАП РФ [5]. Очевидно, что длительное отсутствие указанного договора, возможно, свидетельствует о длительной эксплуатации газового оборудования без проведения обслуживания, что в свою очередь является первопричиной чрезвычайных происшествий при использовании газа в быту.

И в-третьих, указывается что истек нормативный срок службы газового оборудования, установленный изготовителем и не проведено его техническое диагностирование, по результатам которого имеется положительное

заключение и установлен новый срок возможного его использования. То есть речь также идет о существенных нарушениях в эксплуатации газовых приборов и оборудования.

В случае, если бы безопасность использования газового оборудования являлась бы приоритетом Правил, то во всех рассмотренных случаях в них была бы закреплена норма о безусловном прекращении газоснабжения, так как время для устранения угрозы возникновения чрезвычайной ситуации, в случае с газоснабжением может идти на дни и даже на часы.

Однако Правилами предусмотрено (п. 81), что в указанных случаях на специализированную организацию наложена юридическая обязанность [3] – то есть предписана обязанность необходимого поведения, которой должно следовать, так она должна направить в адрес заказчика 2 уведомления о предстоящем приостановлении подачи газа, а также о его причинах. Собственно, ограничение подачи газа возможно не ранее чем через 40 дней после направления 1-го уведомления и не ранее чем через 20 дней после направления 2-го уведомления.

При этом прекращение газоснабжения возможно исходя из принципов минимизации ущерба третьим лицам, и специализированная организация должна обеспечить возможность получения абонентом таких уведомлений.

Таким образом, вместо того, чтобы в течение минимально возможного времени после получения информации об указанных выше нарушениях прекратить газоснабжение проблемной квартиры в многоквартирном доме (в том числе при отсутствии доступа, путем отключения внутриподъездного газового стояка или дома полностью) и гарантированно обеспечить безопасное газоснабжение, специализированная организация должна в течение 40 дней выполнять несвойственные функции, связанные с почтовыми услугами (уведомления, доставка, получение и т. п.), сохраняя (возможно с угрозой возникновения чрезвычайной ситуации) газоснабжение соседних помещений.

Если обратиться к опыту регулирования сходных отношений в советский период, то необходимо отметить, что первый нормативный свод правил, регулирующий поря-

док взаимодействия участников услуги газоснабжения был введен в действие Приказом Министерства коммунального хозяйства РСФСР от 16 октября 1951 г. № 697 (далее – Приказ № 697), утвердившим «Правила снабжения газом жилых домов, учреждений, коммунально-бытовых и промышленных предприятий» [7]. Эти правила предусматривали императивный характер отношений участников процесса газоснабжения. Кроме этого предусматривался разрешительный порядок отпуска газа в адрес, в том числе населения, который осуществлялся непосредственно городскими газовыми структурами, эксплуатирующими объекты газового хозяйства населенных пунктов.

На указанные структуры (тресты, конторы) газового хозяйства города возлагался контроль за рациональным использованием промышленными и коммунальными предприятиями министерств и ведомств газа, получаемого ими из городских газовых сетей, а также обслуживание и наблюдение за техническим состоянием газового оборудования в ведомственных домах, коммунальных предприятиях, больницах, школах, предприятиях общественного питания, детских учреждениях и других учреждениях культурно-бытового назначения.

Впервые была введена ответственность за несоблюдение правил пользования газовым оборудованием потребителем. Так, п. 4 Приказа № 697, предписывалась обязанность лиц, использующих газ в качестве топлива следить соблюдать установленные нормы и режим использования газа, предусмотренные договором. Соответственно, несоблюдение установленных условий использования газа, в том числе влияющих на безопасность, влекло за собой безусловную процедуру прекращения газоснабжения, без какого-либо согласования или предупреждения потребителей. Следует также отметить, что газовое оборудование устанавливалось силами и за счет газовых контор.

В современный период осуществляются Программы развития газоснабжения и газификации регионов страны на 2021–2025 гг. [1].

В 2021 г. были внесены изменения в ФЗ «О газоснабжении в РФ» № 69-ФЗ, в соответствии с которыми в хозяйственный оборот

были введены понятия единого (далее – ЕОГ) и регионального оператора газификации. Кроме этого, в рамках реализации законодательной инициативы, распоряжением Правительства РФ от 15.12.2021 г. № 3603-р в качестве ЕОГ было определено ООО «Газпром газификация», входящее в группу ПАО «Газпром».

За счет ЕОГ планируется построить более 2,8 тыс. внутрипоселковых газопроводов. К 2026 г. технически возможная сетевая газификация будет полностью завершена в 35 регионах страны, а к 2030 г. технически возможная сетевая газификация всей страны будет завершена полностью [2].

Стремительное развитие цифровых технологий также обусловило появление новых видов услуг [4], так создается онлайн-сервис для удобства взаимодействия заявителей с газораспределительными организациями через единый портал ЕОГ и личный кабинет заявителя. Оцифровка вышеуказанной процедуры обеспечила возможность получения доступа к расширенному набору услуг, удобную моментальную оплату и возможность совершения сделок в любое удобное время [9], минуя привычную обязанность личного посещения газовых организаций, что увеличило число новых заявителей, желающих газифицировать свое домовладение.

К сожалению, в условиях продолжающейся массовой газификации страны, многочисленные нарушения в рассматриваемой сфере деятельности продолжают, а введенная в КоАП РФ ст. 9.23, предусматривающая ответственность за нарушение правил обеспечения безопасного использования внутридомового газового оборудования, по сути, должным образом не работает. Отсутствие практического результата в значительной степени связана, в том числе с указанными выше процедурами уведомления в адрес лиц, ненадлежащим образом исполняющих свои обязанности по соблюдению правил пользования газом в быту. Практикующие специалисты отмечают необоснованную длительность и бюрократизацию процедур, предшествующих прекращению газоснабжения. В свою очередь, подобное правовое регулирование рассматриваемых правоотношений создает предпосылки для нарушения установленных правил.

Фактически до 01.09.2023 г. деятельность по техническому обслуживанию газового оборудования носила уведомительный характер и ею могли заниматься любые организации и индивидуальные предприниматели, направившие информацию в органы жилищного надзора. В результате этого, продолжился рост несчастных случаев в быту, связанных с использованием газового оборудования, повлекших смерть потребителей и существенный материальный ущерб, что в итоге привело к решению о внесении законодательных изменений в порядок предоставления таких услуг, в том числе в части определения требований специализированным организациям. В частности, только в первом полугодии 2023 г. был принят ряд значимых нормативных актов [8].

В рамках норм нового законодательства с 01.09.2023 г. существенно меняется правовое положение специализированной организации. Неудовлетворительная ситуация, сложившаяся в сфере ТО ВДГО, носит системный характер. В частности, значительное количество потребителей газа продолжает пользоваться газовыми приборами с нарушениями требований безопасности. Введенная административная ответственность ситуацию не изменила, отсутствуют действенные механизмы понуждения владельцев квартир к исполнению обязанностей по содержанию имущества в многоквартирных домах с непосредственным способом управления и др. Принятые изменения законодательства затрагивают 100 % потребителей газа в Российской Федерации, организаций, оказывающих услуги на рынке технического обслуживания газового оборудования, а также муниципальных образований, ответственных за организацию газоснабжения территорий.

Заключение

Таким образом, в настоящее время правовое положение газораспределительных и обслуживающих газовое оборудование организаций нестабильно, интенсивные и противоречивые законодательные изменения свидетельствуют о том, что данный вид деятельности нуждается в правовых доработках с целью модернизации государственного регу-

лирования. Качество правового регулирования деятельности газораспределительных и обслуживающих газовое оборудование организаций, действующего в постсоветский период, требует глубокого совершенствования. При этом, что строительство газопроводов (газификация) осуществляется приемлемыми темпами и с хорошим качеством. Необходимо в корне изменить подход к регламентации оказания услуг по ТО ВДГО, опираясь на опыт советского периода.

Основной доминантой в сфере газоснабжения потребителей, которая должна быть закреплена в законодательстве безусловно является безопасность газоснабжения. Необходимо устранить нормативно введенные препятствия для прекращения газоснабжения в случае установления признаков наличия угрозы возникновения чрезвычайной ситуации (уведомления, согласования, предупреждения и любые иные действия, растянутые по времени). К таким признакам необходимо отнести как недобросовестные действия потребителей, так и иные, влекущие возникновение угрозы (например, если в установленный законодательством срок – 1 год – ТО ВДГО не было произведено, оборудование должно быть отключено, вне зависимости от причины необслуживания и др.).

Кроме этого, действенной мерой направленной на обеспечение безопасности может явиться введение государственного регулирования на предоставляемые услуги при обслуживании газового оборудования. Данный механизм учитывает технологические особенности снабжения газом через присоединенную сеть и может быть реализован посредством включения стоимости обслуживания в розничную стоимость газа. В этом случае общая сумма расходов для потребителей не изменится (в настоящее время потребитель газа обязан оплатить стоимость газа и технического обслуживания по двум разным договорам). В свою очередь, поставщик газа будет обязан обеспечить надлежащее ТО ВДГО 100 % потребителей.

С учетом особенностей правовых отношений в современном обществе, которое вступило в неоиндустриальную эпоху, открывающую перед собой технологические новации [10]. Предложенный и основанный на цен-

трализации подход может быть эффективно реализован путем выделения из состава группы ПАО «Газпром» единой газосбытовой, газораспределительной и обслуживающей газовое оборудование организации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Газификация регионов России. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://mrg.gazprom.ru/about/gasification/>. – Загл. с экрана.

2. Гончаров, А. И. Правовая природа цифровых финансовых активов по законодательству Российской Федерации / А. И. Гончаров, В. А. Садков // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 82–90. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.11>

3. Иншакова, А. О. Теоретическая модель субъективных прав и юридических обязанностей: государственно-правовая реальность / А. О. Иншакова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 6–16. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.1>

4. Казаченок, О. П. Особенности защиты прав потребителей – участников внешнеторгового оборота в условиях цифровизации / О. П. Казаченок // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 41–46. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.5>

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Постановление Правительства РФ от 14.05.2013 № 410 «О мерах по обеспечению безопасности при использовании и содержании внутридомового и внутриквартирного газового оборудования» (вместе с «Правилами пользования газом в части обеспечения безопасности при использовании и содержании внутридомового и внутриквартирного газового оборудования при предоставлении коммунальной услуги по газоснабжению»). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Правила снабжения газом жилых домов, учреждений, коммунально-бытовых и промышленных предприятий, утвержденные Приказом МКХ РСФСР от 16.10.1951 № 697. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Пузиков, С. А. Особенности правового регулирования отношений, возникающих в сфере технического обслуживания внутридомового газового оборудования (ТО ВДГО) / С. А. Пузиков // *Тенденции развития науки и образования*. – 2021. – № 72-6. – С. 107–109. – Электрон. текстовые дан. –

Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46141993>. – Загл. с экрана.

9. Сергей Густов: «У нас нет проблем с финансированием программ газификации» // Российская газета «Ведомости». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://mrg.gazprom.ru/press/about-company/2021/12/15>. – Загл. с экрана.

10. Федеральный закон от 18.03.2023 № 71-ФЗ «О внесении изменений в статьи 2 и 3 Федерального закона “О газоснабжении в Российской Федерации” и Жилищный кодекс Российской Федерации». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

REFERENCES

1. *Gasifikacija regionov Rossii* [Gasification of Russian Regions]. URL: <https://mrg.gazprom.ru/about/gasification>

2. Goncharov A.I., Sadkov V.A. *Pravovaya priroda cifrovyyh finansovyh aktivov po zakonodatelstvu Rossijskoj Federacii* [The Legal Nature of Digital Financial Assets Under the Legislation of the Russian Federation]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2023, vol. 22, no. 2, pp. 82-90. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.11>

3. Inshakova A.O. *Teoreticheskaya model subyektivnyh prav i yuridicheskikh obyazannostej: gosudarstvenno-pravovaya realnost* [A Theoretical Model of Equitable Rights and Legal Obligations: The State-Legal Reality]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2023, vol. 22, no. 2, pp. 6-16. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.1>

4. Kazachenok O.P. *Osobennosti zashchity prav potrebitelej – uchastnikov vneshnetorgovogo oborota v usloviyah cifrovizacii* [Features of Consumer Protection – Participants of Foreign Trade Turnover in the Conditions of Digitalization]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2021, vol. 20, no. 4, pp. 41-46. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.5>

5. *Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 № 195-FZ* [The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses No. 195-FZ Dated 30.12.2001]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

6. *Postanovlenie Pravitelstva RF ot 14.05.2013 № 410 «O merakh po obespecheniyu bezopasnosti pri ispolzovanii i soderzhanii vnutridomovogo i vnutrikvartirnogo gazovogo oborudovaniya»* (vместе s «Pravilami polzovaniya gazom v chasti obespecheniya bezopasnosti pri ispolzovanii i soderzhanii vnutridomovogo i vnutrikvartirnogo gazovogo oborudovaniya pri predostavlenii kommunalnoy usluzhi po gazosnabzheniyu») [Decree of the Government of the Russian Federation of

14.05.2013 No. 410 “On Measures to Ensure Safety in the Use and Maintenance of Indoor Gas Equipment” (Together with “Rules for the Use of Gas in Terms of Ensuring Safety in the Use and Maintenance of Indoor Gas Equipment in the Provision of Public Services for Gas Supply”). *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

7. Pravila snabzhenija gazom zhilyh domov, uchrezhdenij, kommunalno-bytovyh i promyshlennyh predpriyatij, utverzhdennye Prikazom MKH RSFSR ot 16.10.1951 № 697 [Rules for the Supply of Gas to Residential Buildings, Institutions, Municipal and Industrial Enterprises, Approved by the Order of the Ministry of Agriculture of the RSFSR No. 697 Dated 16.10.1951]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

8. Puzikov S.A. Osobennosti pravovogo regulirovaniya otnoshenij, vznikayushchih v sfere tekhnicheskogo obsluzhivaniya vnutridomovogo gazovogo oborudovaniya (TO VDGO) [Peculiarities

of Legal Regulation of Relations Arising in the Field of Maintenance of Domestic Gas Equipment]. *Tendencii Razvitiya nauki i brazovaniya* [Trends in the Development of Science and Education], 2021, no. 72-6, pp. 107-109. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46141993>

9. Sergej Gustov: «U nas net problem s finansirovanijem programm gazifikacii» [Sergey Gustov About Where in Russia It Remains to Carry Gas and in What Time Frame]. *Rossijskaja gazeta «Vedomosti»* [Russian Newspaper Vedomosti]. URL: <https://mrg.gazprom.ru/press/about-company/2021/12/15>

10. FZ ot 18.03.2023 № 71-FZ «O vnesenii izmenenij v statyi 2 i 3 Federalnogo zakona “O gazosnabzhenii v Rossijskoj Federacii” i Zhilishhnyj kodeks Rossijskoj Federacii» [Federal Law No. 71-FZ Dated 03.18.2023 “On Amendments to Articles 2 and 3 of the Federal Law ‘On Gas Supply in the Russian Federation’ and the Housing Code of the Russian Federation”]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

Information About the Author

Sergey A. Puzikov, Leading Legal Advisor, Legal Department, LLC “Gazprom Gazoraspredelenie Volgograd”, Krasnogo Oktyabrya Lane, 27, 403003 Gorodishche, Russian Federation, sergey.puzikov.97@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2856-9285>

Информация об авторе

Сергей Александрович Пузиков, ведущий юрисконсульт юридического отдела, ООО «Газпром газораспределение Волгоград», пер. Красного Октября, 27, 403003 р. п. Городище, Волгоградская область, Российская Федерация, sergey.puzikov.97@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2856-9285>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.6>

UDC 347.6
LBC 67.404.4

Submitted: 03.11.2023
Accepted: 03.12.2023

APPLICATION OF MODERN TECHNOLOGIES IN NOTARIAL ACTIVITY IN THE INHERITANCE OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS

Kirill S. Artamkin

Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation

Introduction. Nowadays, digital financial assets are actively being introduced into civil circulation, but there is no established practice of inheriting this benefit. The **purpose** of the study is to determine the place of digital financial assets in the system of objects of civil rights, identify the problems of their acceptance and registration under the procedure of inheritance, and analyze the possibilities of using the unified portal of state and municipal services to solve these problems. In the paper, the author, relying on the dialectical **method**, analyzes digital financial assets and concludes that they belong to the objects of civil rights. The arguments are given for the use of the unified portal of state and municipal services to solve the problem of the heirs' lack of an access key to the repository of digital financial assets. The **conclusion** is substantiated by the fact that it is impossible to implement this method of solving the identified problem without the state's active participation.

Key words: inheritance law, inheritance, acceptance of inheritance, digital assets, cryptocurrency, digitalization.

Citation. Artamkin K.S. Application of Modern Technologies in Notarial Activity in the Inheritance of Digital Financial Assets. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 45-50. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.6>

УДК 347.6
ББК 67.404.4

Дата поступления статьи: 03.11.2023
Дата принятия статьи: 03.12.2023

ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В НОТАРИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ НАСЛЕДОВАНИИ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ

Кирилл Сергеевич Артамкин

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Российская Федерация

Введение: в настоящий момент цифровые финансовые активы активно внедряются в гражданский оборот, однако не существует выработанной практики наследования данного блага. **Целью** исследования является определение места цифровых финансовых активов в системе объектов гражданских прав, выявление проблем их принятия и оформления в порядке наследования, а также анализ возможностей использования единого портала государственных и муниципальных услуг для решения этих проблем. В статье автор, опираясь на диалектический **метод**, изучает цифровые финансовые активы и приходит к выводу об их принадлежности к объектам гражданских прав. Приводятся аргументы применения единого портала государственных и муниципальных услуг для разрешения проблемы отсутствия у наследников ключа доступа к хранилищу цифровых финансовых активов. Обоснован **вывод** о невозможности реализации данного способа решения выявленной проблемы без активного участия государства.

Ключевые слова: наследственное право, наследование, принятие наследства, цифровые активы, криптовалюта, цифровизация.

Цитирование. Артамкин К. С. Применение современных технологий в нотариальной деятельности при наследовании цифровых финансовых активов // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 45–50. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.6>

Введение

В 2022 г. в России были выпущены первые цифровые активы после принятия в 2020 г. федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Первой компанией в реестре операторов информационных систем по выпуску цифровых финансовых активов стала Atomyze – российская токенизационная платформа [5]. Это показывает, что в эпоху, когда появляются новые и новые виды цифрового имущества, российский законодатель стремится не отстать от современных тенденций и предпринять меры для нормативного закрепления быстро развивающихся отношений. Е.В. Виноградова и Е.В. Михайлова утверждают: «В правовой сфере цифровые технологии предоставляют всего две глобальные возможности: систематизации, хранения, поиска правовой информации и использования электронных коммуникационных средств; и совершения автоматизированных действий, подлежащих правовому регулированию. Во втором случае речь идет об отдельном правовом явлении, при котором существенным образом трансформируются стандартные для российской правовой системы правоотношения» [3, с. 179]. На наш взгляд данная оценка абсолютно верна. На протяжении последних лет наблюдается широкая цифровизация разных отраслей жизни человека, и наследственное право в этом плане не стоит в стороне. Примером этого служит создание 1 января 2018 г. Единой информационной системы нотариата – системы, предоставившей нотариусам инструменты для дистанционного оформления документов для ведения наследственных дел. Кроме того, Российское государство проводит политику по цифровизации всех сфер жизнедеятельности общества, о чем свидетельствуют государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» [8] и национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [6]. Эти программы направлены на повышение благосостояния граждан, развитие экономики посредством внедрения информационных и телекоммуникационных технологий.

Цифровые финансовые активы как объект гражданского права

Цифровыми финансовыми активами являются цифровые права, включающие денежные требования, оборот которых допускается уполномоченными государством субъектами, при условии регистрации в определенном законом перечне информационных систем данных активов [7], что приравнивает их к цифровым правам и устанавливает перечень прав и объектов, составляющих цифровые финансовые активы.

Существуют разные точки зрения насчет того, являются ли цифровые финансовые активы объектом гражданских прав. В.А. Садыков утверждает: «Цифровые финансовые активы – это не оригинальный объект гражданских прав, а новый способ фиксации принадлежности уже известных гражданскому праву обязательственных и корпоративных прав гражданского оборота посредством использования цифровых технологий функционирования информативных систем, в которых осуществляется дистанционное взаимодействие контрагентов» [9, с. 11]. Г.А. Вакулина определяет цифровые финансовые активы следующим образом: «Акции, эмитированные в виде цифровых финансовых активов, по своей природе – это ценные бумаги, имеющие цифровую форму, они не являются иным объектом гражданских прав» [2, с. 28]. Е.Г. Беликов, А.В. Беликова утверждают: «Законодателем предоставляется возможность ограниченного использования цифровых финансовых активов в рамках гражданского оборота в качестве имущественных (цифровых) прав» [1, с. 172]. М.В. Вронская и Т.А. Семкина определяют правовую природу цифровых финансовых активов как обязательно-правовую [4, с. 34]. Как мы наблюдаем, перечисленные утверждения сводятся к одному – цифровые финансовые активы не обладают признаками, необходимыми для отнесения их к объектам гражданского права, поскольку являются цифровым воплощением уже существующих материальных вещей и имущественных прав.

Рассмотрим цифровые финансовые активы с точки зрения их относимости к объекту гражданского права, на основании системы признаков объекта гражданского права,

выработанной В.А. Лапачем. Исследователь выделяет следующие признаки гражданского права: дискретность, юридическая привязка и системность [10, с. 40]. Системность: цифровые финансовые активы составляют вид цифровых прав, тем самым включаясь в структуру объектов гражданского оборота. Юридическая привязка: данное благо было установлено законодателем как объект прав в п. 2 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ. Дискретность: сделки с цифровыми финансовыми активами совершают операторы, включенные в реестр Банком России, тем самым имеется лицевой счет, в котором владелец может получить всю необходимую информацию о своей собственности и через него распорядиться ей. Таким образом, на наш взгляд цифровые финансовые активы обладают признаками объектов гражданских прав, выделенных В.А. Лапачем, следовательно являются объектом гражданского права. Данный вывод подтверждается и законодательно: цифровые финансовые активы определяются п. 2 ст. 1 в ФЗ № 259 от 31.07.2020 как неотъемлемая часть цифровых прав, которые в свою очередь в соответствии с ФЗ № 259 от 31.07.2020 и ГК РФ допускаются в товарооборот.

Проблемы наследования цифровых финансовых активов и их возможное решение

Из-за специфики данного вида имущества, малой судебной практики и узкой распространенности при наследовании указанного имущества у наследников могут возникнуть некоторые проблемы. Одной из основных будет препятствие доступа в электронное хранилище, в котором записана информация, представляющая собой цифровые финансовые активы. Это возможно, если наследники узнали о наличии у наследодателя этих активов, но тот при жизни не сообщил код доступа. Кроме того, исходя из нынешних тенденций развития информационно-телекоммуникационных технологий, у наследников не будет простого способа получить ключ к хранилищам данных из-за привязки ключа (пароля) к личности наследодателя. Все перечисленное может привести к потере или нереализации цифровых

финансовых активов. Согласно М.В. Вронской, отсутствие зафиксированных в завещании логинов и паролей цифровых активов может привести к невозможности доказать принадлежность определенных активов их умершим владельцам, что повлечет за собой утрату самих активов [4, с. 37]. Иными словами, если у наследников отсутствуют сведения о том, что наследодатель владеет цифровым финансовым активом, то и предпринять необходимые действия для вступления во владение этим активом невозможно.

Решением проблемы отсутствия у наследников кода доступа к известным наследникам цифровым финансовым активам, принадлежащим умершему наследодателю, может стать единый портал государственных и муниципальных услуг. Поскольку выпуск, хранение и оборот цифровых финансовых активов осуществляется уполномоченными государством субъектами, а сведения о них хранятся в официальных реестрах, деятельность которых обеспечена государством, нам видится, что портал госуслуг может быть использован наследниками для принятия в порядке наследования цифровых финансовых активов с их дальнейшим оформлением в собственность. Для реализации этого необходимо создать связь между единым порталом государственных и муниципальных услуг и единым реестром наследственных дел федеральной нотариальной палаты. Таким образом наследник посредством портала государственные услуги сможет подать заявление, приложив подписанные электронной подписью соответствующие документы, подтверждающие смерть владельца цифровых финансовых активов и право заявителя на эти активы для подтверждения наличия у умершего наследодателя цифрового финансового актива у организации, являющейся хранителем данного актива. Ответственным лицом, имеющим право на получение сведений о наследственном имуществе, является нотариус, вследствие чего нам видится, что нотариус, занимающий должность по месту нахождения наследственного имущества, через единую нотариальную систему нотариата получит запрос от наследника и на основании этого запроса и подтверждающих сведений и доку-

ментов, предоставленных наследником, подписанных электронно-цифровой подписью через портал государственные услуги, установит сведения, подтверждающие право наследника на определенный цифровой финансовый актив. Этот способ возможен лишь в том случае, если у наследника имеются сведения от наследодателя о том, где хранится цифровой актив и технические характеристики этого актива.

Для того, чтобы это стало возможно, необходимо обеспечить взаимодействие сервиса «Единый портал государственных и муниципальных услуг» с Единой информационной системой нотариата. С целью получения сведений о наличии в организации подобных активов, зарегистрированных на имя наследодателя нотариуса, требуется наделить правом обращаться в организации – операторы цифровых финансовых активов. В дальнейшем нотариус, ведущий наследственное дело, получает сведения о наличии либо отсутствии цифровых финансовых активов наследодателя и их количественных и качественных характеристиках и решает вопрос о включении цифровых финансовых активов в конкурсную массу. По окончании наследственного дела наследники, получив свидетельство о праве, через единый портал государственных и муниципальных услуг смогут зарегистрировать свое право на унаследованные цифровые финансовые активы.

Выводы

Таким образом, можно утверждать, что, являясь объектами гражданских прав, цифровые финансовые активы могут быть унаследованы. При существенном контроле и введении информационно-телекоммуникационных новшеств со стороны государства единый портал государственных и муниципальных услуг может быть связан с Единой информационной системой нотариат, что повлечет за собой дополнительные возможности для наследников в виде решения вопроса отсутствия ключа доступа к цифровым финансовым активам наследодателя процедуры вступления в наследство и оформления прав на цифровые финансовые активы, принадлежащие наследодателю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беликов, Е. Г. Цифровые финансовые активы как объект гражданских прав / Е. Г. Беликов, А. В. Беликова // Вестник Саратовской юридической академии. – 2019. – С. 169–172. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovyye-finansovyye-aktivyy-kak-obekt-grazhdanskikh-prav>. – Загл. с экрана.
2. Вакулина, Г. А. Акции, эмитируемые в виде цифровых финансовых активов / Г. А. Вакулина // Материалы XI ежегод. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 20–23 декабря 2022 г.). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://pureportal.spbu.ru/files/110721999/elibrary_53952556_59970986.pdf. – Загл. с экрана.
3. Виноградова, Е. В. Институционализация цифровой формы реализации и судебной защиты прав в современной России / Е. В. Виноградова, Е. В. Михайлова // Образование и право. – 2021. – С. 178–185. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsializatsiya-tsifrovoy-formy-realizatsii-i-sudebnoy-zaschity-prav-v-sovremennoy-rossii-1>. – Загл. с экрана.
4. Вронская, М. В. Наследование цифровых финансовых активов: актуальные проблемы и перспективы развития / М. В. Вронская, Т. А. Семкина // Юридические исследования. – 2022. – № 11. – С. 32–44. – DOI: 10.25136/2409-7136.2022.11.39102
5. Заруцкая, Н. В России появился первый оператор выпуска цифровых финансовых активов / Н. Заруцкая, Е. Литова // Ведомости. – 2022. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2022/02/03/907797-zakon-tsifrovih-finansovih>. – Загл. с экрана.
6. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/>. – Загл. с экрана.
7. Постановление Правительства РФ от 15.06.2021 №1207. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107160047?rangeSize=1&index=7>. – Загл. с экрана.
8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 г. № 1815-р «О государственной программе Российской Федерации “Информационное общество (2011–2020 годы)”». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/documents/3564/>. – Загл. с экрана.
9. Садков, В. А. Цифровые финансовые активы как объект гражданских прав и их оборот : авто-

реф. дис. ... канд. юрид. наук / Садков Виталий Андреевич. – Волгоград, 2022. – 29 с. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://swsu.ru/upload/iblock/0dc/q2vqtmrrii5t9d2zkss3kkzjue09pr4h7/Avtoreferat-Sadkov-V.A.pdf>. – Загл. с экрана.

10. Шорников, Д. В. Еще раз о признаках объектов гражданских прав / Д. В. Шорников // Сибирский юридический вестник. – 2007. – С. 40–44. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/esche-raz-o-priznakah-obektov-grazhdanskih-prav>. – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. Belikov E.G., Belikova A.V. Tsifrovye finansovye aktivy kak obyekt grazhdanskikh prav [Digital Financial Assets as an Object of Civil Rights]. *Vestnik Saratovskoy yuridicheskoy akademii* [Bulletin of the Saratov Law Academy], 2019, pp. 169–172. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-finansovye-aktivy-kak-obekt-grazhdanskih-prav>

2. Vakulina G.A. Aktsii, emitiruemye v vide tsifrovyykh finansovykh aktivov [Shares Issued in the Form of Digital Financial Assets]. *Materialy XI ezhegodnoy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Irkutsk, 20–23 dekabrya 2022 g.)* [Proceedings of the 11th Annual International Scientific and Practical Conference (Irkutsk, December 20–23, 2022)]. URL: https://pureportal.spbu.ru/files/110721999/elibrary_53952556_59970986.pdf

3. Vinogradova E.V., Mikhailova E.V. Institutsializatsiya tsifrovoy formy realizatsii i sudebnoy zashchity prav v sovremennoy Rossii [Digital Form of Realization and Protection of Rights in Russia]. *Obrazovanie i pravo* [Education and Law], 2021, pp. 178–185. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsializatsiya-tsifrovoy-formy-realizatsii-i-sudebnoy-zashchity-prav-v-sovremennoy-rossii-1>

4. Vronskaya M.V., Semkina T.A. Nasledovanie tsifrovyykh finansovykh aktivov: aktualnye problemy i perspektivy razvitiya [Inheritance of Digital Financial Assets: Current Problems and Development Prospects]. *Yuridicheskie issledovaniya* [Legal Studies], 2022, no. 11, pp. 32–44. DOI: 10.25136/2409-7136.2022.11.39102 P. 34

5. Zarutskaya N., Litova E. V Rossii poyavilsya pervyy operator vypuska tsifrovyykh finansovykh aktivov [The First Operator for Issuing Digital Financial Assets Has Appeared in Russia]. *Vedomosti*, 2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2022/02/03/907797-zakon-tsifravih-finansovih>

6. *Natsionalnaya programma «Tsifrovaya ekonomika Rossiyskoy Federatsii», utverzhennaya protokolom zasedaniya prezidiuma Soveta pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po strategicheskomu razvitiyu i natsionalnym proektam ot 4 iyunya 2019 g. № 7* [National Program “Digital Economy of the Russian Federation”, Approved by the Minutes of the Meeting of the Presidium of the Council Under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects Dated June 4, 2019 No. 7]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/>

7. *Postanovlenie Pravitelstva RF ot 15.06.2021 №1207* [Decree of the Government of the Russian Federation of June 15, 2021 No. 1207]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107160047?rangeSize=1&index=7>

8. *Rasporyazhenie Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii ot 20 oktyabrya 2010 g. № 1815-r «O gosudarstvennoy programme Rossiyskoy Federatsii “Informatsionnoe obshchestvo (2011–2020 gody)”»* [Order of the Government of the Russian Federation of October 20, 2010 No. 1815-r “About the State Program of the Russian Federation ‘Information Society (2011–2020)’”]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/3564/>

9. Sadkov V.A. *Tsifrovye finansovye aktivy kak obyekt grazhdanskikh prav i ikh oborot»: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Digital Financial Assets as an Object of Civil Rights and Their Turnover. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Volgograd, 2022. 29 p. URL: <https://swsu.ru/upload/iblock/0dc/q2vqtmrrii5t9d2zkss3kkzjue09pr4h7/Avtoreferat-Sadkov-V.A.pdf>

10. Shornikov D.V. Eshche raz o priznakakh obyektov grazhdanskikh prav [Once Again About the Signs of Objects of Civil Rights]. *Siberian Legal Bulletin*, 2007, p. 40–44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/esche-raz-o-priznakah-obektov-grazhdanskih-prav>

Information About the Author

Kirill S. Artamkin, Postgraduate Student, Department of Civil Law, Udmurt State University, Universitetskaya St, 1, 426034 Izhevsk, Russian Federation, forceliric2000@mail.ru, grpravo314@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-7672-1370>

Информация об авторе

Кирилл Сергеевич Артамкин, аспирант кафедры гражданского права, Удмуртский государственный университет, ул. Университетская, 1, 426034 г. Ижевск, Российская Федерация, forceliric2000@mail.ru, grpravo314@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-7672-1370>

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.7>

UDC 342.22
LBC 67.0

Submitted: 30.11.2023
Accepted: 25.12.2023

THE EVOLUTION OF THE RUSSIAN CONSTITUTION AND THE STATE-CIVILIZATION AS A CONCEPTUAL PARADIGM OF THE NEW BASIC LAW OF RUSSIA

Nicolay I. Grachev

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Volgograd, Russian Federation

Introduction. The relevance of the study. One of the key worldviews of the resurgent state ideology of modern Russia is the idea of a state-civilization, which acted as the doctrinal basis of the recently adopted Concept of Foreign Policy of the Russian Federation. In this regard, there is a need to describe the legal characteristics of the state-civilization and their adequate reflection in the constitutional legislation, which puts on the agenda the issue of developing and adopting a new Constitution of the Russian Federation that meets its civilizational characteristics and development goals. The **purpose** is to analyze the contradictions of the Constitution of the Russian Federation reformed in 2020, substantiate the idea of a state-civilization as the conceptual basis of the new Basic Law of the country, and argue for the need to start work on it in the near future. The methodological framework for the research is the civilizational approach in combination with the general scientific and special **methods** of cognition: analysis, synthesis, induction, deduction, technical, comparative law, and historical-legal. The **scientific novelty** of the study lies in the fact that, based on a civilizational approach, it outlines the tasks facing domestic legal science in connection with the official recognition of Russia as a civilizational state and identifies some conceptual ideas that, in the author's opinion, could form the basis of the new Russian Constitution. **Results and conclusions.** The official recognition of Russia as a civilizational state is in fact an announcement of a course towards building an empire. Therefore, the main direction of constitutional reform at this historical stage is the legalization of the Russian government in this capacity. The main principles of the new Constitution of Russia, which allows for the consolidation of Russian society in its confrontation with the collective West, are the ideas of social justice and state sovereignty. It is in them that the request of Russian society to the state is revealed as fully as possible. All other political and legal principles and norms can be important, accepted by the public consciousness, and enshrined in the Constitution only if they correspond to these fundamental values.

Key words: state-civilization, state ideology, Constitution of the Russian Federation, sovereignty, empire, state-nation, social justice, civilizational identity.

Citation. Grachev N.I. The Evolution of the Russian Constitution and the State-Civilization as a Conceptual Paradigm of the New Basic Law of Russia. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 51-64. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.7>

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИИ И ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА НОВОГО ОСНОВНОГО ЗАКОНА РОССИИ

Николай Иванович Грачев

Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Волгоград, Российская Федерация

Актуальность исследования: одной из ключевых мировоззренческих установок возрождающейся государственной идеологии современной России является идея государства-цивилизации, выступившая доктринальным базисом недавно принятой Концепции внешней политики Российской Федерации. В этой связи возникает необходимость описания правовых характеристик государства-цивилизации и их адекватное отражение в конституционном законодательстве, что ставит на повестку дня вопрос о разработке и принятии новой Конституции РФ, отвечающей его цивилизационным особенностям и целям развития. **Цель** – анализ противоречий реформированной в 2020 г. Конституции РФ, обоснование идеи государства-цивилизации как концептуальной базы нового Основного Закона страны, и аргументация необходимости начала работы над ним в ближайшее время. **Методологической основой** исследования является цивилизационный подход в совокупности с общенаучными и специальными методами познания: анализом, синтезом, индукцией, дедукцией, формально-юридическим, сравнительно-правовым, историко-правовым. **Научная новизна** исследования заключается в том, что в нем на основе цивилизационного подхода намечены задачи, стоящие перед отечественной юридической наукой в связи с официальным признанием России государством-цивилизацией и определены некоторые концептуальные идеи, которые, по мнению автора, могли бы лечь в основу новой Российской Конституции. **Результаты и выводы:** официальное признание России государством-цивилизацией является по сути объявлением курса на строительство Империи. Поэтому главным направлением конституционного реформирования на данном историческом этапе является легализация Российского государства в этом качестве. Основными принципами его новой Конституции, позволяющими консолидировать российское общество в его противостоянии с коллективным Западом, являются идеи социальной справедливости и государственного суверенитета. Именно в них максимально полно раскрывается запрос российского общества к государству. Все другие политико-правовые принципы и нормы могут иметь значение, быть приняты общественным сознанием и закреплены в Конституции лишь в случае соответствия этим фундаментальным ценностям.

Ключевые слова: государство-цивилизация, государственная идеология, Конституция РФ, суверенитет, империя, государство-нация, социальная справедливость, цивилизационная идентичность.

Цитирование. Грачев Н. И. Эволюция российской Конституции и государство-цивилизация как концептуальная парадигма нового Основного Закона России // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 51–64. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.7>

Введение

В утвержденной Указом Президента РФ 3 марта 2023 г. Концепции внешней политики Российской Федерации для характеристики ее особого положения в мире впервые в официальных правовых документах было использовано понятие «государство-цивилизация», охарактеризованное как «обширная евразийская и евро-тихоокеанская держава, сплотившая русский народ и другие народы» в единую «культурно-цивилизационную общность Рус-

ского мира» [13]. По сути тезис «Россия – государство-цивилизация» является доктринальным базисом этой Концепции. И как утверждают некоторые информационные источники, идеологический посыл о «России как цивилизации», вероятно, ляжет и в основу президентской кампании 2024 г., которая официально стартовала в декабре 2023 года [32].

О том, что Россия представляет собой самостоятельную самобытную локальную цивилизацию, жизнедеятельность которой уже на протяжении нескольких столетий протекает в

рамках единого государства, давно говорят представители различных отраслей российской науки [1; 15; 22; 24]. Не обходил эту тему и Президент РФ В.В. Путин, который неоднократно в своих выступлениях характеризовал Россию как самобытную цивилизацию, употребляя по отношению к ней и термин «государство-цивилизация» [17; 20, с. 13], в том числе совсем недавно на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 5 октября [16] и на пленарном заседании Всемирного русского народного собора 28 ноября 2023 г. [5]. Однако в Концепции внешней политики это понятие признано на официальном государственном уровне и нормативно описано, по крайней мере в своем геополитическом качестве, по отношению к внешнему миру.

Идея государства-цивилизации за последние 10–15 лет из теоретического концепта превратилась в важнейший системообразующий элемент исторической самоидентификации российского народа и рассматривается многими российскими политиками и учеными как одна из ключевых мировоззренческих установок, возрождающейся государственной идеологии. Все большее внимание феномену государства-цивилизации начинает уделяться в последние годы за рубежом [34; 35]. По мнению большинства западных исследователей, его появление стало реакцией незападных стран на однополярную гегемонию США и тотальное распространение неолиберализма [34, р. 94]. Важнейшей составной частью данного концепта является представление о современном мире как полицентрично строящейся геополитической реальности. Поэтому обращение руководства Российской Федерации к идее государства-цивилизации далеко не случайно. Ее использование в государственном строительстве дает ему серьезный шанс на качественное обновление и изменение тех концептуальных парадигм и управленческих практик, которыми оно руководствовалось в своей внутренней и внешней политике несколько последних десятилетий.

В этих условиях особую остроту приобретает вопрос о переводе идеологии государства-цивилизации на юридический язык и ее адекватном отражении в конституционном законодательстве, что неминуемо подводит к вопросу о необходимости разработки и при-

нятии новой Конституции России, способной стать юридической формулой государственной идеологии, отражающей этнополитические и духовно-нравственные ценности русского народа и всех других народов России, образовавших российскую цивилизацию, послужив для них символом общего сознания, в чем и состоит, на наш взгляд, сущность конституции XXI в. [6, с. 25–26]. Действующая Конституция РФ, по которой страна жила тридцать последних лет, эту миссию не выполнила. Она так и не стала формой достижения национального согласия между вестернизированной элитой и основной массой населения России, ее глубинным народом. Стабилизировав на какое-то время российское общество, она не смогла направить его развитие по пути благополучия и процветания.

Эволюция Конституции России (1993–2020 гг.)

По существу Конституция РФ, принятая в 1993 г., носила криптоколониальный характер и не соответствовала природе российского общества. Принципы либерализма, на которых она была построена, выступали как элементы механизма «мягкой силы», используемой США для продвижения своей культурной и идеологической экспансии и политического доминирования. Будучи провозглашены универсальными, они на самом деле имеют англосаксонское происхождение, отражая интересы двух сменивших один другого гегемонов мировой капиталистической системы – Великобритании и США, которые, внедряя их последовательно с Запада на Восток в идеологию и практику государственного строительства других стран, устранили своих геополитических конкурентов (в XVIII – начале XIX в. – Францию, в начале – середине XX в. – Германию, а в конце XX в. – СССР), и поставили в экономическую и политическую зависимость многие другие страны и народы. Созидательный характер они имеют у себя на родине, но в отношении других государств выступают как разрушительное идеологическое, организационное и политико-экономическое оружие [30, с. 36–38], чего не поняли пришедшие к власти в октябре 1993 г. российские реформаторы. В этой связи достаточно аб-

сурден на первый взгляд запрет на государственную идеологию, установленный в ч. 2 ст. 13 Конституции. Но только – на первый. По сути это был запрет на любую другую идеологию, кроме либерально-демократической. Поэтому, вне зависимости от субъективных намерений авторов Конституции РФ 1993 г., ее сущность заключалась в отказе от осмысления и поиска самостоятельного пути развития России, попытке изменить всю геополитическую и цивилизационную парадигму Российского государства, поставив его под контроль Запада, что создало реальную угрозу не только его суверенитету, но и вело к полной потере социо-культурной идентичности российского народа, а по сути к его самоуничтожению.

Господство либеральной правовой доктрины быстро привело нашу страну к состоянию всеобъемлющего кризиса, из которого, на наш взгляд, она не вышла до сих пор, несмотря на то, что за последние годы были достигнуты существенные успехи во внешней политике, восстановлении ВПК, строительстве вооруженных сил и в ряде других сфер общественной жизни. Однако эти успехи, как и необходимый уровень социальной стабильности, были получены благодаря возникшей в начале 2000-х гг. тенденции к преодолению западного конституционализма и поискам собственной цивилизационной идентичности, что проявилось в возрождении обновленных форм традиционного государственного и правового порядка, происходившего через осознание собственных социально-экономических, политических и правовых ценностей, а также посредством адаптации заимствованных конституционных принципов и институтов к российской социокультурной среде на основе их интерпретации текущим законодательством и судебной практикой, без внесения изменений в текст самой Конституции. Именно так был ликвидирован суверенный статус республик в составе Российской Федерации и устранена сама юридическая возможность для субъектов Федерации претендовать на собственный, даже ограниченный, суверенитет [19], осуществлена унитаризация территориального устройства страны на основе создания федеральных округов [26], восстановлена властная вертикаль как во взаимоотношениях федераль-

ной власти с субъектами Федерации [27], так и в отношениях региональных органов с муниципальными образованиями [28], проведены реформы бюджетной и налоговой сфер, способствующие централизации федеральной власти и многое другое.

В результате проведенных реформ Россия укрепляла внутренний суверенитет, сумела вернуть себе статус великой державы на международной арене и, с момента возвращения Крыма в свой состав, выступает одним из основных геополитических субъектов, диктующим правила глобальной политики. Однако к концу 10-х гг. XXI в. в условиях все нарастающей русофобии и разрастающейся гибридной войны Запада против России стало ясно, что дальнейшее укрепление позиций страны в мире невозможно без возвращения к собственной цивилизационной идентичности. Поэтому в 2020 г. потребовалось внесение существенных изменений в текст Конституции РФ, закрепляющих курс на дальнейшее укрепление государственного суверенитета, умеренный консерватизм как основу национальной идеологии, и защиту традиционных ценностей, свойственных российской цивилизации на протяжении ее многовекового существования. Несмотря на определенный содержательный лаконизм, эти поправки отвечают сущностным особенностям российской цивилизации, ее политико-правовым традициям и указывают перспективы для возвращения России на то место, которое она в последние 400–500 лет занимала в геополитическом раскладе. Однако после их внесения, действующая Конституция РФ предстает весьма противоречивым документом, в котором сосуществуют две системы во многом отрицающих друг друга цивилизационных ценностей и принципов.

Во-первых, в силу жесткости действующей Конституции, проявляющейся в формальной невозможности внесения изменений в ее 1, 2 и 9 главы, наиболее важные новации, обозначившие «мировоззренческий поворот к переоценке либерально-демократической доктрины» [14, с. 26], которые по своей содержательной значимости должны были бы найти себе место в ее первой главе «Основы конституционного строя» оказались в третьей (ч. 2.1 ст. 67, ст. 67.1 ч. 5–7 ст. 75, ст. 75.1,

ст. 79, 79.1), четвертой (ч. 2 ст. 80) и восьмой (ч. 3 ст. 132) главах [12]. Это вызывает вопросы о соответствии названий некоторых ее глав своему содержанию и ставит проблему структурной состоятельности действующей Конституции РФ.

Во-вторых, поправки существенно нивелировали значение принципов разделения властей (ст. 10) и самостоятельности местного самоуправления (ст. 12), составляющих основы конституционного строя и не подлежащие в либеральном дискурсе критическому обсуждению. В результате конституционная модель разделения властей, которая и до внесения поправок мало соответствовала классическим канонам, полностью утратила свое содержание, а публичная власть теперь конституционно строится на реставрированной идее ее единства, на что прямо указывает ч. 2 ст. 80 Конституции, фактически дезавуируя положения ст. 10, непосредственно их не отменяя. Указанная новелла подвела итог тридцатилетнему оформлению конституционной концепции Президента РФ как основного субъекта и персонализатора верховной власти в России, осуществляющего ее хотя и при участии других высших государственных органов, но всегда имеющего правовую возможность навязывать им свою волю или проводить свои решения, в случае необходимости, в их обход. Особый статус Президента РФ несколько позднее был подчеркнут нормативным запретом для высших должностных лиц республик в составе Российской Федерации иметь в наименовании своей должности словосочетания, составляющие наименование должности главы государства – Президента РФ [29], что еще совсем недавно являлось весьма распространенным явлением. Президент в государстве должен быть один. Поправки к ст. 131 и 132 фактически аннулировали абсурдные положения ст. 12 Конституции РФ, по которой органы местного самоуправления, «не входят в систему органов государственной власти». Все они теперь составляют «единую систему публичной власти», государственные органы «могут участвовать в формировании органов местного самоуправления», назначении на должность и освобождении от должности их должностных лиц, что ранее федеральным законодательством запрещалось.

И, наконец, новая редакция ст. 79 в совокупности с п. «б» ч. 5 и ч. 6 ст. 125 Конституции сделало ничтожным положение ч. 4 ст. 15 о приоритете правил международных договоров над законами Российской Федерации.

Необходимость принятия новой Конституции: противоречия, проблемы и вызовы

Можно согласиться с позицией Конституционного Суда РФ, что содержание поправок «согласуется со сложившейся практикой и, по существу, направлено на придание ей конституционной легитимности» [10]. Но тогда возникает вопрос, почему эта практика возникла до внесения изменений в Конституцию и насколько она ей соответствовала? К сожалению, в своем Заключении Конституционный Суд не только не затронул эту тему, но и не увидел в принятых поправках существенную модификацию мировоззренческой парадигмы российского конституционализма, указав, что они «носят неполитический, надпартийный и внеконфессиональный характер и не могут расцениваться, толковаться и применяться как устанавливающие государственную или обязательную идеологию, изменяющие принципы плюралистической демократии» [10]. То, что это совсем не так, можно судить по словам Президента РФ, сказанным им еще за год до принятия поправок к Конституции, летом 2019 г., в интервью газете *The Financial Times*, когда он заявил, что «либеральная идея изжила себя», вступив «в противоречие с интересами подавляющего большинства населения» [21]. Однако поиск новых идеологических концептов для корректировки Конституции РФ был в первую очередь связан с тем, что Россия все в большей степени оказывалась под политическим давлением Запада, и дальнейшие уступки грозили ей не только превращением в сырьевой придаток Запада, но и полной утратой геополитической субъектности. Поэтому, поправки к Конституции РФ 2020 г. нужно рассматривать не столько с позиций возврата к традиционным ценностям и цивилизационной идентичности российского социума, сколько исходя из необходимости укрепления государственного суверенитета и централизации публичной власти, для чего идео-

логия либерализма в качестве концептуального обоснования совершенно не подходила.

В таких условиях переоценка либерально-демократической доктрины не могла быть полной и имела «противоречивый и не до конца ясный характер» [14, с. 15]. Она была лишь первым шагом на пути реформирования Конституции РФ на основе социально-культурных и политических ценностей российской цивилизации, выработанных ею в процессе своего исторического развития. Не случайно в Послании Президента РФ Федеральному Собранию 15 января 2020 г., в котором он и предложил внести изменения в Конституцию, глава государства поставил вопрос «о принятии новой Конституции», но в то же время подчеркнул, что «потенциал Конституции 1993 года далеко не исчерпан» [18]. Однако главная проблема заключалась, на наш взгляд, не в потенциале действующей Конституции, а в отсутствии ясной мировоззренческой основы для принятия новой.

Официальное признание Российской Федерации государством-цивилизацией в Концепции внешней политики вполне может выполнить роль отправной точки для разработки новой Конституции. Оно имеет учредительные характер и значение, дает возможность создания новой идеологической формулы существования современной России, предоставляя ей серьезный шанс преодолеть кризисный этап в своем развитии, связанный с распадом СССР и неадекватностью радикального либерального реформирования, восстановить свою геополитическую субъектность за счет возвращения к собственной политико-правовой традиции и опору на уникальный исторический опыт советской государственности. Поэтому необходимо срочно ввести категорию «государство-цивилизация» в юридический лексикон, приступить к разработке его необходимых политико-правовых признаков применительно к современным условиям и тем самым начать подготовку к разработке проекта новой Конституции России, отвечающей ее цивилизационным особенностям и перспективам развития.

К большому сожалению, этому мешают проблемы ментального характера. По своей форме государство-цивилизация – это всегда империя и иного не дано. Однако со времен

развала СССР империя рассматривается подавляющим большинством представителей российской политической элиты и отечественной юридической общественности как некий реликт домодерного мира. В их психологических установках господствует ориентация на национальное государство западного типа, что вытекает из почти полного игнорирования концепта империи в правовых исследованиях, тогда как в философской, социологической, исторической литературе, работах по геополитике нарратив империи находится в тренде как минимум с начала 2000-х годов. Тем самым процессы трансформации современной государственности не осмысливаются отечественной политико-правовой наукой в должной степени, а фактически не понимаются ею. Очевидная для других гуманитарных дисциплин имманентная связь государства-нации с западным цивилизационным проектом не принимается российской юриспруденцией. И кризисное состояние современной суверенной государственности, ставшее общим местом в правовых исследованиях, распространяется подавляющим большинством ученых-юристов на все государства, тогда как оно проявляет себя как именно как кризис государства-нации.

Вместе с тем как национальные государства сползают к обладанию второстепенным статусом, политическая карта мира указывает на государства континентального типа, способные объединить в политическое целое крупные географические регионы и сформировать новые имперские образования [31, с. 238–280; 11, с. 734–735]. В этом смысле многополярный мир это «сосуществование нескольких Империй, полностью суверенных, в первую очередь, относительно США, а также относительно друг друга» [9]. А новый мировой порядок, на пороге которого мы находимся – это либо мир одной глобальной империи, либо мир империй, строящихся на основе существующих локальных цивилизаций. Уже сейчас можно утверждать о существовании, как минимум, четырех империй. Первая – США, хотя и переходит в стадию угасания все еще стремится сохранить свою гегемонию и претендует на единственность. Три другие – Россия, Китай и Индия (Бхарат) – находятся в стадии активного форми-

рования, представляя собой самостоятельные суверенные полюса, пытающиеся укрепить свои мощь и влияние или восстановить имперский потенциал в регионах прежнего доминирования. И на подходе, как утверждает ряд авторов, еще несколько претендентов на статус государства-цивилизации и державный имперский статус [2, с. 734–740; 7, с. 18–19; 25, с. 82]. Тем самым и однополярность, и многополярность, как две альтернативные, но наиболее вероятные модели скорого геополитического будущего мира несут в себе концепт империи. И сущность проблемы заключается лишь в том, будет ли этот мир представлять собой проекцию Западной политической системы или остальные народы и государства, объединившись по цивилизационному признаку в региональные союзы неоимперского типа, смогут сохранить свою цивилизационную идентичность и составить ей конкуренцию. Особенность современного этапа строительства империй состоит в том, что основой их формирования выступают собственные макрорегиональные экономико-технологической зоны (далее – ЭТЗ). Такая зона представляет собой самодостаточную территорию с едиными производственными и потребительскими стандартами, резервной валютой, законодательством, замкнутыми производственными цепочками и внутренними ресурсами (включая, демографические (которые должны составлять, как минимум, триста миллионов акторов платежеспособного спроса). В настоящее время идет активное создание ЭТЗ наиболее крупными державами [4; 23]. И единственно верной стратегией для России, позволяющей сохранить ей свое существование – это воспроизводство исторически опробованных имперских практик, дающих возможность воплотить проект собственной ЭТЗ в жизнь.

Официальное признание Российской Федерации государством-цивилизацией есть ни что иное, как объявление курса на строительство Империи. Следовательно, основным направлением конституционного реформирования Российского государства на настоящем историческом этапе является его правовое оформление в качестве новой Российской Империи.

В связи с этим перед отечественной юридической наукой стоят следующие неотложные задачи: 1) освобождение понятия империи от негативной коннотации, признание того, что она есть только лишь одна из сложносоставных форм государственного устройства, имеющая свои особенности, достоинства и недостатки; 2) разработка понятия и выявление политико-правовых признаков империи, в том числе, применительно к современным условиям эпохи НТР, глобализации и (или) глоколизации; 3) проведение научных исследований историко-правового характера, объясняющих объективно-исторический характер образования империй в качестве закономерного пути становления и развития великих держав; 4) научное признание имперского характера российской государственности, с объяснением причин генетической идентичности имперской формы государственного устройства российской цивилизации; 5) выяснение характерных особенностей различных форм и модификаций российского государства как на различных этапах и фазах его исторического развития (Московское царство, Санкт-Петербургская империя, СССР, современная Россия), так и выявления их общих черт и признаков, с объяснением причин их консервации, сохранения и воспроизводства в различных условиях; 6) определение реального состояния и перспектив развития современного российского государства, его типа, формы, сущности, направлений развития с позиций последних достижений философии, социологии, социальной психологии, политологии, исторической науки, культурологии, этнологии и этносоциологии, геополитики – от которых отечественная юриспруденция, плетущаяся в хвосте западной либеральной идеологии, сильно отстала за последние тридцать лет.

Идеально было бы именно после проведения таких исследований на строго научной основе приступать к разработке новой Конституции России. Однако нет никаких оснований полагать, что научное юридическое сообщество, зараженное либеральной идеологией, готово проводить научные изыскания в указанном направлении. Поэтому, следует согласиться с А.И. Бастрыкиным, что работу над Конституцией России, хотя и неспешно, необходимо продолжать [3].

Концептуальные основы новой Конституции России

При этом хотелось бы обратить внимание на то, что, во-первых, Конституция – это всегда определенная концепция управления государственно организованным обществом. Поэтому при ее разработке главное – не в том, чтобы составить красивый текст, вобравший в себя «все лучшее» из мирового или (и) собственного исторического опыта, но в том, чтобы построить эффективно работающую систему публичного управления, способную обеспечить государству и народу, его образующему, внешний суверенитет, как «жизненный символ высшего порядка» [33, с. 387], поскольку совершенно очевидно, что, в случае разложения верховной власти, Россию неминуемо ожидает распад и установление контроля транснациональных корпораций над ее распавшимися территориями.

Во-вторых, с этой же точки зрения следует подходить к вопросу об идеологическом наполнении новой Конституции или, что то же самое, о содержании государственной идеологии России. Новая Конституция должна содержать в себе общие контуры цивилизационного социально-политического проекта, концепции общественного развития как желаемого для большинства населения России образа будущего, где выражены его цели, а также пути и средства их достижения. Государство, не способное разработать собственный проект привлекательного будущего и добиваться его практической реализации, рано или поздно утрачивает суверенитет и становится частью иноземного национального или цивилизационного проекта в качестве колонии, протектората, неравноправного союзника и т. д. [8, с. 47].

В-третьих, для разработки такого проекта на данном этапе вполне достаточно четкое осознание цивилизационной преемственности российской истории на основе концепта «Россия – государство-цивилизация». Он уже приобретает стратегический характер, определяя основные контуры новой государственной идеологии и ясно показывает, что она не может быть либеральной, поскольку Россия генетически антибуржуазная страна. Попытки совместить в России имперскую го-

сударственную организацию с капиталистической экономикой провалились уже дважды. Первая – с треском в конце XIX – начале XX в., вторая – заканчивается крахом на наших глазах. Именно поэтому Конституция 1993 г., основанная на буржуазных ценностях, постепенно отторгается российским обществом и подлежит кардинальному пересмотру.

В-четвертых, строительство государства-цивилизации (империи) предполагает приведение внутренней политики в соответствие с внешней. Невозможно проводить великодержавный курс на внешнеполитической арене, позиционируя Российское государство как мировую державу, выступающую за справедливость в международных отношениях, и в то же время, строить свою внутреннюю политику на монетаристских неолиберальных принципах, установленных глобальной олигархией и пытаться, при этом, еще и выиграть у нее. Великодержавный курс и противостояние с Западом с необходимостью предполагает поддержку верховной власти подавляющим большинством населения, чего не может гарантировать олигархический режим, де-факто существующий в стране. Кроме того, обладать реальным суверенитетом в условиях XXI в. можно только вырвавшись за пределы капиталистического миропорядка, для чего и нужен собственный проект справедливого жизнеустройства российского общества, привлекательный для других стран и народов. Как заявил Президент РФ на Пленарном заседании Всемирного русского народного собора 28 ноября 2023 г.: «Суверенное развитие страны должно нести благополучие всем гражданам, всем российским семьям, а значит, быть справедливым» [5]. То есть понимание необходимости корреляции между внешней и внутренней политикой у руководства страны имеется. Осталось реализовать это на практике.

Исходя из сказанного, новая Конституция России должна строиться на официально установленной иерархии принципов, составляющих основы, конституционного строя, фундаментом нормативной соподчиненности которых может быть только их действительная значимость в решении вопроса дальнейшего исторического существования России. Политическая практика последних десятилетий наглядно показывает, что такое значение в

системе социальных ценностей российского народа имеют идея социальной справедливости в социально-экономической жизни и принцип государственного суверенитета – в политической. Именно в них максимально полно раскрывается сегодня запрос российского общества к российскому государству. Все другие принципы и нормы могут иметь значение, быть приняты общественным сознанием и закреплены в Конституции лишь в случае соответствия этим фундаментальным ценностям российской цивилизации.

Принцип социальной справедливости призван решить вопрос о социально-экономической, или, если угодно, о классовой сущности Российского государства. Он предполагает в качестве экономической основы Российского государства и гарантии его экономического суверенитета конституционное закрепление многоукладной системы народного хозяйства с приоритетным статусом публичных форм собственности. Земля, недра, природные ресурсы передаются в исключительную собственность государства и используются в интересах всех российских граждан. Государственный сектор экономики включает в себя все основные отрасли промышленности, внешнюю торговлю, банковское дело, страхование, энергетические системы, общегосударственные пути сообщения и задействованный на них транспорт и *все, что составляет общественное достояние и доступно публичному управлению*. Право частной собственности соблюдается при условии ее приобретения законным путем. Собственность является не только правом, но и обязанностью. Пользование ею должно служить общему благу, для чего устанавливается прогрессивный подоходный налог. Поощряются и находятся под государственной защитой и контролем любые законные формы малого и среднего бизнеса. Предусматривается полная конфискация незаконно добытого имущества. Минимальный размер пенсий и заработной платы обеспечивают достойное существование.

Принцип социальной справедливости также должен быть подчинен к задаче обеспечения внешнеполитического суверенитета России, гарантией которого выступает экономическая и политическая интеграция постсоветского пространства. Конституционное за-

репление этой цели создаст правовую основу для проведения жизненно необходимой геополитической стратегии России, адекватно определит территориальный пояс ее безопасного существования, обозначит ее естественные границы и зону внешнего влияния, необходимую для формирования собственной ЭТЗ. При проведении интеграционной политики в полной мере могут быть задействованы принципы федерализма, конфедерализма и протектората. Их использование является важнейшим организационно-правовым инструментом возрождения и наращивания потенциала России в качестве центра притяжения сопредельных стран и народов и ее самоактуализации в качестве системообразующего элемента при новой политической сборке евразийского пространства.

А вот внутренняя территориальная организация российского государства, наоборот, требует упразднения федеративного устройства, которое является аномальным для России. Оно несет в себе юридически прописанную возможность кризиса, поскольку закрепить в Конституции непротиворечивую правовую концепцию государственного суверенитета и, одновременно, юридически удовлетворительную конструкцию федерации невозможно. Эта чисто юридическая коллизия выступает основанием регионального и этнического сепаратизма при малейшем ослаблении верховной власти. Поэтому государственный статус республик в составе России должен быть аннулирован, а сами они переведены на положение политических автономий, чем они фактически и являются. Необходимо также вывести из Конституции понятия этнических наций и многонационального народа России, которые являются причиной притязания этнических меньшинств сначала на самоопределение и национальный суверенитет, а затем – на создание независимых государств, которыми они в принципе быть не могут. Все «государства», возникшие на развалинах СССР, стали не национальными, а в «лучшем» случае, национализирующимися, осуществляющими ограничение в правах, угнетение и подавление этнических меньшинств в гораздо больших масштабах, чем любые империи.

Новая Конституция России должна отказать от принципов организации государ-

ственной и общественной жизни, не отвечающих неоимперскому концепту государства-цивилизации или существенным образом трансформировать их содержание в указанном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багдасарян, В.Э. Россия как государство-цивилизация / В. Э. Багдасарян // Геоэкономическая формула мироустройства: Россия в новом универсуме : материалы постоянно действ. семинара. Вып. 1 / пред. науч.-ред. сов. В. И. Якунин. – М. : Науч. эксперт, 2009. – С. 102–106.
2. Бабурин, С. Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок / С. Н. Бабурин. – М. : Магистр : Инфра-М, 2010. – 829 с.
3. Бастрыкин призвал прописать государственную идеологию в Конституции. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/22/11/2023/655db8f39a7947609f6e6b9e>. – Загл. с экрана.
4. В МВФ допустили фрагментацию мировой экономики на геополитические блоки. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://1prime.ru/state_regulation/20220414/836669900.html. – Загл. с экрана.
5. Выступление Президента России В.В. Путина на пленарном заседании Всемирного русского народного собора. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6080867.html>. – Загл. с экрана.
6. Грачев, Н. И. Сущность конституции XXI века: опыт постклассической деконструкции / Н. И. Грачев // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2021. – № 5 (142). – С. 15–28.
7. Грачев, Н. И. Геополитика как концептуальная парадигма содержания и сущности государства и права / Н. И. Грачев // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 13–22. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.2>
8. Грачев, Н. И. Функции государства: опыт концептуальной реконструкции / Н. И. Грачев // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 4 (9). – С. 41–49.
9. Дугин, А. Г. Момент Империи. Что скрывается за термином «Государство-Цивилизация». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://gia.ru/20231006/imperiya-1900924123.html>. – Загл. с экрана.
10. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования

- отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Киссинджер, Г. Дипломатия / Г. Киссинджер. – М. : Ладомир, 1997. – 848 с.
12. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Концепция внешней политики Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 31.03.2023 г. № 229 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Мазаев, В. Д. Поиск новых смыслов продолжается (по внесенным поправкам к Конституции РФ) / В. Д. Мазаев // Lex russica. – 2021. – Т. 74, № 7. – С. 15–31.
15. Малков, С. Ю. Россия – государство-цивилизация / С. Ю. Малков // Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века : материалы Всеросс. науч.-обществ. конф. (Великий Новгород, 19 сентября 2012 г.). – М. : Науч. эксперт, 2013. – С. 700–711.
16. О чем говорил Владимир Путин на заседании дискуссионного клуба «Валдай». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://rg.ru/2023/10/05/o-chem-govoril-vladimir-putin-na-zasedanii-diskussionnogo-kluba-valdaj.html>. – Загл. с экрана.
17. Послание Президента Федеральному Собранию. 2012 // Президент России. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118>. – Загл. с экрана.
18. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15 января 2020 года. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/564146202>. – Загл. с экрана.
19. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 07.06.2000 № 10-П «О проверке конституционности положений Конституции Республики Алтай и федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27.06.2000 по запросу группы депутатов Государственной Думы «О проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений Конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия-Алания и Республики Татарстан» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

20. Путин, В. В. Выступление на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» / В. В. Путин // Вестник российской нации. – 2013. – № 6 (32). – С. 8–15.

21. Путин, В. В. Интервью газете The Financial Times / В. В. Путин // Официальный сайт Президента России. – 2019. – 27 июня. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/60836>. – Загл. с экрана.

22. Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития: коллектив. моногр. по материалам Юбилей. Междунар. Панарин. чтений, посвящ. 75-летию со дня рождения А.С. Панарина / отв. ред.: В. Н. Расторгуев; науч. ред.: А. В. Никандров. – М.: Ин-т Наследия. – 2016. – 400 с.

23. Сорокин, Н. Новый геопорядок: О нарождающихся макрорегионах / Н. Сорокин // Завтра. – 2023. – Ноябрь. – № 46 (1558).

24. Спиридонова, В. И. Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ / В. И. Спиридонова, Р. И. Соколова, В. Н. Шевченко; отв. ред.: В. И. Спиридонова, В. Н. Шевченко. – М.: ИФ РАН, 2016. – 122 с.

25. Спиридонова, В. И. Цивилизационная самоидентификация как ответ на неолиберальный кризис / В. И. Спиридонова // Философские науки. – 2023. – Т. 66, № 1. – С. 77–97.

26. Указ Президента РФ от 13.05.2000 № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

27. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (утратил законную силу) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

28. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

29. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

30. Фурсов, А. И. Европейская система государств, англосаксы и Россия / А. И. Фурсов // Мировая борьба. Англосаксы против планеты. – М.: Книжн. мир, 2016. – С. 9–44.

31. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2003. – 576 с.

32. Цивилизация, как и было сказано: Эксперты растолковали основы предложенного Владими-

ром Путиным нового миропорядка. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6268685>. – Загл. с экрана.

33. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / О. Шпенглер. – М.: Мысль, 1998. – 606 с.

34. Jain, A. Comparing Civilization-State Models. China, Russia, India / A. Jain // Journal of Indo-Pacific Affairs. – 2021. – Vol. 4, № 3. – P. 93–125.

35. Zhang, W. W. The China Wave: Rise of a Civilizational State / W. W. Zhang. – Beijing: World Century Publishing Corporation, 2012. – 190 p.

REFERENCES

1. Bagdasaryan V.E. Rossiya kak gosudarstvo-civilizaciya [Russia as a State-Civilization]. Yakunin V.I., ed. *Geoekonomicheskaya formula miroustrojstva: Rossiya v novom universume: materialy postoyanno dejstv. seminar. Vyp. 1* [Geo-Economic Formula of the World Order: Russia in the New Universe. Proceedings of the Ongoing Seminar. Iss. 1]. Moscow, Nauch. Ekspert, 2009, pp. 102-106.

2. Baburin S.N. *Mir imperij: territoriya gosudarstva i mirovoj poryadok* [The World of Empires: State Territory and World Order]. Moscow, Magistr, Infra-M Publ., 2010. 829 p.

3. *Bastrykin prizval propisat gosudarstvennuyu ideologiyu v Konstitucii* [Bastrykin Called for the State Ideology to Be Written into the Constitution]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/11/2023/655db8f39a7947609f6e6b9e>

4. *V MVF dopustili fragmentaciyu mirovoj ehkonomiki na geopoliticheskie bloki* [The IMF Allowed the Fragmentation of the World Economy into Geopolitical Blocks]. URL: https://1prime.ru/state_regulation/20220414/836669900.html

5. *Vystuplenie Prezidenta Rossii V.V. Putina na plenarnom zasedanii Vsemirnogo russkogo narodnogo sobora* [Speech by Russian President V.V. Putin at the Plenary Session of the World Russian People's Council]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6080867.html>

6. Grachev N.I. Sushchnost konstitucii XXI veka: opyt postklassicheskoy dekonstrukcii [The Essence of the Constitution of the 21st Century: The Experience of Post-Classical Deconstruction]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 2021, no. 5 (142), pp. 15-28.

7. Grachev N.I. Geopolitika kak konceptualnaya paradigma sodержaniya i sushchnosti gosudarstva i prava [Geopolitics as a Conceptual Paradigm of the Content and Essence of State and Law]. *Pravovaya*

paradigma [Legal Concept], 2022, vol. 21, no. 1. pp. 13-22. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.2>

8. Grachev N.I. Funkcii gosudarstva: opyt konceptualnoj rekonstrukcii [Functions of the State: Experience of Conceptual Reconstruction]. *Rossiiskij zhurnal pravovykh issledovanij* [Russian Journal of Legal Research], 2016, no. 4 (9), pp. 41-49.

9. Dugin A.G. *Moment Imperii. Chto skryvaetsya za terminom «Gosudarstvo-Civilizaciya»* [Moment of Empire. What Is Hidden Behind the Term “State-Civilization”]. URL: <https://ria.ru/20231006/imperiya-1900924123.html>

10. Zaklyuchenie Konstitucionnogo Suda RF ot 16.03.2020 № 1-Z «O sootvetstvii polo-zheniyam glav 1, 2 i 9 Konstitucii Rossijskoj Federacii ne vstupivshikh v silu polozhenij Zakona Rossijskoj Federacii o popravke k Konstitucii Rossijskoj Federacii “O sovershenstvovanii regulirovaniya otdelnykh voprosov organizacii i funkcionirovaniya publichnoj vlasti”, a takzhe o sootvetstvii Konstitucii Rossijskoj Federacii poryadka vstupleniya v silu statyi 1 dannogo Zakona v svyazi s zaprosom Prezidenta Rossijskoj Federacii» [Conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation Dated March 16, 2020 No. 1-Z “On the Compliance with the Provisions of Chapters 1, 2, and 9 of the Constitution of the Russian Federation of the Provisions of the Law of the Russian Federation on an Amendment to the Constitution of the Russian Federation ‘On Improving the Regulation of Certain Issues of Organization and Functioning Public Authority’, as Well as on the Compliance of the Constitution of the Russian Federation with the Procedure for the Entry into Force of Article 1 of This Law in Connection with the Request of the President of the Russian Federation”]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlus”*.

11. Kissinger G. *Diplomatiya* [Diplomacy]. Moscow, Lodomir Publ., 1997. 848 p.

12. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) [Constitution of the Russian Federation (Adopted by Popular Vote on December 12, 1993 with Amendments Approved During the All-Russian Vote on July 1, 2020)]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlus”*.

13. Konceptsiya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii: utv. Ukazom Prezidenta RF ot 31.03.2023 № 229 [The Concept of Foreign Policy of the Russian Federation. Approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 229 Dated March 31, 2023]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlus”*.

14. Mazaev V.D. Poisk novykh smyslov prodolzhaetsya (po vnesennym popravkam k

Konstitucii RF) [The Search for New Meanings Continues (According to the Amendments Made to the Constitution of the Russian Federation)]. *Lex russica*, 2021, vol. 74, no. 7, pp. 15-31.

15. Malkov S.Yu. Rossiya – gosudarstvo-civilizaciya [Russia – A State-Civilization]. *Rossiiskaya gosudarstvennost: istoricheskie tradicii i vyzovy XXI veka: materialy Vseross. nauch.-obshchestv. konf. (Velikij Novgorod, 19 sentyabrya 2012 g.)* [Russian Statehood: Historical Traditions and Challenges of the 21st Century. Proceedings of the All-Russian Scientific Society Conf. (Veliky Novgorod, September 19, 2012)]. Moscow, Nauch. ehkspert Publ., 2013, pp. 700-711.

16. *O chem govoril Vladimir Putin na zasedanii diskussionnogo kluba «Valdaj»* [What Vladimir Putin Spoke About at the Meeting of the Valdai Discussion Club]. URL: <https://rg.ru/2023/10/05/o-chem-govoril-vladimir-putin-na-zasedanii-diskussionnogo-kluba-valdaj.html>

17. Poslanie Prezidenta Federalnomu Sobraniyu. 2012 [Address of the President to the Federal Assembly. 2012]. *Prezident Rossii* [President of Russia]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118>

18. *Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii Federalnomu Sobraniyu ot 15 yanvarya 2020 goda* [Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of January 15, 2020]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564146202>

19. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 07.06.2000 №10-P «O proverke konstitucionnosti polozhenij Konstitucii Respubliki Altaj i federalnogo zakona “Ob obshchikh principakh organizacii zakonodatelnykh (predstavitelnykh) i ispolnitelnykh organov gosudarstvennoj vlasti subyektov Rossijskoj Federacii”»; Opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 27.06.2000 po zaprosu gruppy deputatov Gosudarstvennoj Dumy «O proverke sootvetstviya Konstitucii Rossijskoj Federacii otdelnykh polozhenij Konstitucij respubliky Adygeya, Respubliki Bashkortostan, Respubliki Ingushetiya, Respubliki Komi, Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya i Respubliki Tatarstan» [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 7, 2000 No. 10-P “On Checking the Constitutionality of the Provisions of the Constitution of the Altai Republic and the Federal Law ‘On the General Principles of Organizing Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Constituent Entities of the Russian Federation’”; Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation Dated June 27, 2000 at the Request of a Group of Deputies of the State Duma “On Checking the Compliance of the Constitution of the Russian Federation with Certain Provisions of the Constitutions of the Republic of

Adygea, the Republic of Bashkortostan, the Republic of Ingushetia, the Komi Republic, the Republic of North Ossetia-Alania and the Republic of Tatarstan”]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlus”*.

20. Putin V.V. Vystuplenie na zasedanii mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valday» [Speech at a Meeting of the Valdai International Discussion Club]. *Vestnik rossijskoj nacii* [Bulletin of the Russian Nation], 2013, no. 6 (32), pp. 8-15.

21. Putin V.V. Intervyu gazete The Financial Times [Interview with The Financial Times]. *Oficialnyj sajt Prezidenta Rossii* [Official Website of the President of Russia], June 27, 2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60836>

22. Rastorguev V.N., Nikandrov A.V., eds. *Rossiya kak gosudarstvo-civilizaciya: vysshie celi i alternativy razvitiya: kollektiv. monogr. po materialam Yubilejn. Mezhdunar. Panarin. chtenij, posvyashch. 75-letiyu so dnya rozhdeniya A.S. Panarina* [Russia as a State-Civilization: Highest Goals and Alternatives for Development. Collective Monograph Based on the Proceedings of the Anniversary International Panarin Readings Dedicated to the 75th Anniversary of the Birth of A.S. Panarin]. Moscow, In-t Naslediya, 2016. 400 p.

23. Sorokin N. Novyj geoporyadok: O narozhdayushchikhsya makroregionakh [New Geo-Order: On Emerging Macro-Regions]. *Zavtra* [Tomorrow], Nov. 2023, no. 46 (1558).

24. Spiridonova V.I., Sokolova R.I., Shevchenko V.N., eds. *Rossiya kak gosudarstvo-civilizaciya: filosofsko-politicheskij analiz* [Russia as a State-Civilization: Philosophical and Political Analysis]. Moscow, IFRAS, 2016. 122 p.

25. Spiridonova V.I. Civilizacionnaya samoidentifikaciya kak otvet na neoliberalnyj krizis [Civilizational Self-Identification as a Response to the Neoliberal Crisis]. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 2023, vol. 66, no. 1, pp. 77-97.

26. Ukaz Prezidenta RF ot 13.05.2000 № 849 «O polnomochnom predstavitele Prezidenta Rossijskoj Federacii v federalnom okruge» [Decree of the President of the Russian Federation No. 849 Dated May 13, 2000 “On the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Federal District”]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlus”*.

27. Federalnyj zakon ot 06.10.1999 № 184-FZ «Ob obshchikh principakh organizacii zakonodatelnykh

(predstavitelnykh) i ispolnitelnykh organov gosudarstvennoj vlasti subyektov Rossijskoj Federacii» (utratal zakonnuyu silu) [Federal Law of 06.10.1999 No. 184-FZ “On the General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Constituent Entities of the Russian Federation” (Lost Legal Force)]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlus”*.

28. Federalnyj zakon «Ob obshchikh principakh organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii» ot 06.10.2003 № 131-FZ (red. ot 27.12.2019) [Federal Law “On the General Principles of Organizing Local Self-Government in the Russian Federation” No. 131-FZ of October 6, 2003 (As Amended on December 27, 2019)]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlus”*.

29. Federalnyj zakon «Ob obshchikh principakh organizacii publichnoj vlasti v subyektakh Rossijskoj Federacii» ot 21.12.2021 № 414-FZ (red. ot 04.08.2023) [Federal Law “On the General Principles of the Organization of Public Power in the Subjects of the Russian Federation” No. 414-FZ Dated December 21, 2021 (As Amended on August 4, 2023)]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlus”*.

30. Fursov A.I. Evropejskaya sistema gosudarstv, anglosaksy i Rossiya [The European System of States, the Anglo-Saxons and Russia]. *Mirovaya borba. Anglosaksy protiv planety* [World Struggle. Anglo-Saxons Against the Planet]. Moscow, Knizhn. mir Publ., 2016, pp. 9-44.

31. Huntington S. *Stolknovenie civilizacij* [Clash of Civilizations]. Moscow, AST Publ., 2003. 576 p.

32. *Civilizaciya, kak i bylo skazano: Eksperty rastolkovali osnovy predlozhennogo Vladimirom Putinym novogo miroporyadka* [Civilization, as it Was Said: Experts Explained the Foundations of the New World Order Proposed by Vladimir Putin]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6268685>

33. Spengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii. T. 2. Vsemirno-istoricheskie perspektivy* [Decline of Europe. Essays on the Morphology of World History. Vol. 2. World Historical Perspectives]. Moscow, Mysl Publ., 1998. 606 p.

34. Jain A. Comparing Civilization-State Models. China, Russia, India. *Journal of Indo-Pacific Affairs*, 2021, vol. 4, no. 3, pp. 93-125.

35. Zhang W.W. *The China Wave: Rise of a Civilizational State*. Beijing, World Century Publishing Corporation, 2012. 190 p.

Information About the Author

Nicolay I. Grachev, Doctor of Law, Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Istoricheskaya St, 130, 400089 Volgograd, Russian Federation, grachev.n.i@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0799-1903>

Информация об авторе

Николай Иванович Грачев, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права, Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, ул. Историческая, 130, 400089 г. Волгоград, Российская Федерация, grachev.n.i@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0799-1903>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.8>

UDC 340.134
LBC 67.0

Submitted: 19.11.2023
Accepted: 17.12.2023

THE DEMOGRAPHIC TRANSITION: A COMBINATION OF LEGAL SOLUTIONS AND SMART REGULATION¹

Danil V. Kononenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction. Among the global human problems in the first half of the 21st century, there is such a phenomenon as demographic transition. This concept is now the focus of attention not only among demographers but also among representatives of other sciences, including law. Today, there are many ways to solve the problem, including the use of state-legal mechanisms as well as the means of smart regulation. **Purpose.** To investigate the phenomenon of the demographic transition and different approaches to this term; to reveal the essence of the demographic transition as one of the big challenges based on Russian legislation; to describe the solution of demographic problems by legal means and the means of smart regulation. **Methods.** The methodological framework for the research was made up of the general scientific methods of analysis and synthesis, as well as the specific scientific methods of formal legal and comparative law. **Results.** The demographic transition was developed as a theory in the middle of the 20th century to describe the existing processes of changing the size and composition of the population and its reproductive stereotypes. At the turn of the 20th and 21st centuries, the concept underwent a rethink. In Russian legislation, the demographic transition is designated as a big challenge. Legal remedies and smart regulation tools correspond to this challenge due to the special sensitivity of the sphere of population reproduction. **Conclusions.** The demographic transition is a qualitative leap in such an area of social and economic reality as population reproduction or decline. The state measures of influence in this area of social relations are fixed in the normative legal acts. The non-legal methods of influence (smart regulation) are incentive-based and spread through social advertising.

Key words: demography, demographic transition, smart regulation, population reproduction, population decline.

Citation. Kononenko D.V. The Demographic Transition: A Combination of Legal Solutions and Smart Regulation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 65-73. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.8>

УДК 340.134
ББК 67.0

Дата поступления статьи: 19.11.2023
Дата принятия статьи: 17.12.2023

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД: СОЧЕТАНИЕ ПРАВОВЫХ СПОСОБОВ РЕШЕНИЯ И УМНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ¹

Данил Валерьевич Кононенко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: среди глобальных человеческих проблем в первой половине XXI в. отмечается такое явление, как демографический переход. Эта концепция теперь в фокусе внимания не только демографов, но и представителей других наук, в том числе юриспруденции. На сегодняшний день используется множество способов решения проблемы, включая использование государственно-правовых механизмов, а также средств умного регулирования. **Цель:** исследовать феномен демографического перехода, различных подходов к этому термину. Раскрыть сущность демографического перехода как одного из больших вызовов на основе российского законодательства. Описать решение демографических проблем правовыми способами и средствами умного регулирования. **Методы:** методологическую основу исследования составили общенаучные методы – анализ и синтез, а также частнонаучные – формально-юридический и сравнительно-правовой. **Результаты:** демографический переход был разработан в качестве теории в середине XX в. для описания существовавших процессов изменения численности, состава населения, его репродуктивных стереотипов. На рубеже XX и XXI в. концепция подверглась переосмыслению. В российском законодательстве демогра-

фический переход обозначен в качестве большого вызова. Этому вызову соответствуют правовые средства устранения и инструменты умного регулирования из-за особой чувствительности сферы воспроизводства населения. **Выводы:** демографический переход – это качественный скачок в такой сфере социальной-экономической реальности, как воспроизводство / убыль населения. Государственные меры воздействия на эту область социальных отношений закрепляются в нормативных правовых актах. Внеправовые способы воздействия (умное регулирование) носит побудительный характер и распространяется через социальную рекламу.

Ключевые слова: демография, демографический переход, умное регулирование, воспроизводство населения, убыль населения.

Цитирование. Кононенко Д. В. Демографический переход: сочетание правовых способов решения и умного регулирования // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 65–73. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.8>

Введение

К окончанию первой четверти XXI в. человечество как единая совокупность субъектов, носящих биологические, социально-культурные свойства и государства как публично-правовые образования с обособленными характеристиками подошли с явно выраженным перечнем стоящих перед ними проблем глобального масштаба, так называемых больших вызовов. Такие проблемы не всегда мыслятся в качестве объединяющих именно в государственно-правовом контексте по ряду политических, мировоззренческих и других причин, однако некоторые из них без сомнения имеют статус консенсусных. К примеру, таким явлением предстает загрязнение окружающей среды, стремление сберечь природные ресурсы как основу жизни на земле и обеспечение гармоничного развития, в том числе и человека как биологического вида. Бесспорность другой глобальной проблемы, признаваемой странами и обсуждаемой в режиме межправительственного диалога, стал комплекс кризисных явлений, связанных с воспроизводством населения и его расселением. Среди ряда причин исследователями отмечается комплекс объективных явлений, названный демографическим переходом. Появившись как специализированная научная концепция, претерпев ряд изменений в подходах, категория полноценно проникла в государственно-правовую риторику как на национальном, так и на международном уровне.

Теория демографического перехода

Демографический переход – это качественный скачок в такой сфере социально-эко-

номической реальности, как воспроизводство / убыль населения. Само понятие появилось в научных, а затем и в широких публицистических кругах в XX веке.

Предтечей теории демографического перехода был французский ученый демограф М. Лондри в работе *La Révolution démographique* (1934). Законченный вид концепция приобрела в работах Ф. Ноутстейна (Ноутстайна). Согласно позиции исследователей, именно демографический переход рассматривается как «ключевой фактор перемен» [13], случившийся с человечеством в течение XIX–XX вв. и, впоследствии, XXI веке.

В классическом варианте демографического перехода социум проходил последовательно стадии от «высокие рождаемость и смертность» до «стабильная или медленно растущая рождаемость при низкой смертности» [7].

В конце XX в. Д. ван де Каа были внесены коррективы в теорию так называемого «первого демографического перехода». Разработанная концепция стала носить названия «второго демографического перехода». Грубое сравнение с ними предполагает, помимо прочего, выявление сущностного различия в причинах демографических перемен – в научном понимании происходит своеобразный транзит от причин не только «технического» характера, но и глубоко социальным переменам, связанным с трансформацией социальных взглядов населения на основе принципов индивидуальной автономии и самореализации. При этом отмечается, что данная теория применима только к экономически развитым государствам [26].

Учеными был выявлен большой вызов сложившейся модели европейских государств всеобщего благосостояния, при этом взгляд

на решение этой проблемы был в достаточной мере пессимистичен [30].

На основе предшествующей теории в XXI в. появляются специализированные корректирующие концепции, отталкивающиеся от демографической динамики текущей ситуации. К. Эгглстон и В. Фуксом предпринята попытка разработать теорию «перехода к долголетию» (the longevity transition). В рамках этой концепции в демографической структуре искомых обществ увеличивается количество пенсионеров, обеспечивающих рост ряда демографических показателей – ожидаемая продолжительность жизни, доля доживающих до 65 лет, что усугубляет их зависимость от снижающегося работоспособного населения [22].

Среди других оригинальных, либо развивающих основные положения демографического перехода, либо рассматривающих вопросы популяции в специализированном ключе теорий, выделяются: теория Д. Коулмена (Великобритания) [20], теория эпидемиологического перехода [28] (А. Омран), теория табачного перехода [27] (А. Лопес), теория демографической революции демографическая революция (А.Г. Вишнеvский) [3].

За период XX – начала XXI в. демографический переход на территории России проявился в следующих изменениях: увеличение доли городского населения; снижение младенческой смертности; увеличение ожидаемой продолжительности жизни; снижение числа рождений на одну женщину; падение нагрузки детьми / рост нагрузки пожилыми; отсроченная продолжительность жизни в рабочем возрасте [17].

Демографические процессы и ожидаемые в связи с этим последствия, в том числе и негативные, вплоть до катастрофических, приводят исследовательские группы и национальные органы власти к включению этих тенденций в перечень больших вызовов и разработке соответствующих программ реагирования.

**Демографический переход
как большой вызов:
государственно-правовая реальность**

В соответствии с Указом Президента от 1 декабря 2016 г. № 642, демографический переход, как один из трендов демографии, сре-

ди прочих обозначен в качестве ключевого (большого) вызова [18].

В научных исследованиях категория «большой вызов» не нова, поскольку стала использоваться 30 лет назад. Большой вызов – понятие сферы высоких технологий [31]. На глобальном уровне такой концепт стал использоваться в программных документах, поскольку степень смыслового наполнения «Больших вызовов» вполне соответствует пафосу общемировой проблематики и повестки [24]. Понятие «большой вызов» также активно используется ООН при формулировании глобальных программ развития.

В России становление правовой категории «большие вызовы» как стартовой точки связан со Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ 1 декабря 2016 г. и обозначенной на состоявшемся в ту же дату Послании главы государства Федеральному собранию [12].

Самой Стратегией большой вызов определяется как «объективно требующая реакции со стороны государства совокупность проблем, угроз и возможностей, сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счет увеличения ресурсов» (подпункт «б» пункт 4 Стратегии). Предполагается, что решение проблем, обозначенных в соответствующей Стратегии невозможно лишь экстенсивным путем, необходима коренная перестройка общественных отношений и правовая регуляция лишь одно из средств.

В отечественном текстовом поле понятие «большой вызов» часто используется как публицистический штамп без попытки дать структурированное определение. Время от времени предпринимаются попытки подойти к этой категории как самостоятельному объекту исследования с правовых позиций, игнорируя господствующее служебное свойство данного термина [10].

Каждый из глобальных вызовов, представленных в Указе Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642, предвосхитил совместную работу органов власти и научно-экспертного сообщества.

К примеру, в экспертно-аналитическом докладе Центра стратегических разработок [6]

демографические вызовы (по состоянию на ноябрь 2017 г.) классифицированы по 7 группам: 1) недонаселенность; 2) структурные демографические изменения; 3) низкая рождаемость; 4) высокая смертность; 5) внутренняя миграция; 6) иммиграция; 7) эмиграция.

Как в национальных аналитических материалах [21], так и в информационных банках ООН [32] и ВОЗ [16] отмечаются грядущие структурные перемены в демографической картине общества. При этом можно увидеть, что проблемы демографического перехода не всегда идентичны среди стран, к примеру, в России отмечаются высокие показатели смертности, не характерные для иных высокоразвитых государств [14].

Сочетание правовых способов решения и smart regulation

Из всего широкого перечня перечисленных проблем, обусловленных демографической ситуацией и разными вариантами демографического перехода можно выделить такие обобщенные группы, как: стимулирование деторождения; снижение доли физического труда; минимизация социальных затрат (либо их повышение); стимулирование миграции; повышение пенсионного возраста; частные пенсионные фонды.

При этом многие страны, вступившие в стадию низкой рождаемости, стараются использовать все методы, кроме методов первой группы, признав попытки стимулирования деторождения неэффективными. Такой же позиции придерживаются некоторые демографы [1].

В Российской Федерации, как государстве с широким комплексом демографических проблем, признание этого на общегосударственном уровне привело к появлению определенного перечня программных нормативно-правовых актов, призванных преодолеть кризисную ситуацию.

К ним относятся Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г., Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. и Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Феде-

рации на период до 2024 года», в развитие которого в конце 2018 г. были утверждены паспорта национальных проектов на 2019–2024 гг., в том числе и национального проекта «Демография» [11].

Среди других регулятивных мер и их попыток стоит отметить предпринятую в 2022–2023 г. законотворческую инициативу по запрету «идеологии чайлдфри (свободный от детей)» [8]. Законопроект был снят с рассмотрения в связи с отзывом субъектом права законодательной инициативы.

При этом 27 февраля 2023 г. был внесен Законопроект № 303039-8 «О внесении изменений в статьи 2 и 5 Федерального закона “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию”», затрагивающий примерно ту же сферу, имеющий похожий текст в пояснительной записке и предлагающий расширенное определение термина «пропаганда добровольного отказа от рождения детей» [9]. На текущий момент (ноябрь 2023 г.) законопроект находится на рассмотрении в первом чтении.

Помимо указанных предложений, так или иначе делающих упование на включение в решение проблемы государства с его публично-правовыми инструментами, в данной сфере, при присутствии понимания тонкостей личной жизни, куда входит планирование и рождение ребенка, воспитание, дожитие и т. д., используются методы smart regulation, чья направленность имеет своими целями снижение регуляторной нагрузки, использование внеправовых средств (социальные, экономические, психологические) [5].

При этом стоит указать на то, что допустимое и желаемое поведение обычно так или иначе находится либо в русле проводимой государственной политики, либо в целом в социально одобряемом мейнстриме.

Стоит заметить, что в странах, уже испытавших на себе все последствия демографического перехода и вступивших в стадию либо старения населения, либо депопуляции, средства умного регулирования тем не менее направлены на вдумчивый подход к планированию семьи, использование средств контрацепции [29]. В России, как в государственно-правовой риторике, так и в сфере внеправовых средств на текущем этапе развития гос-

подствует пронаталистский (поощряющий рождаемость) подход, проявляющийся как в уменьшении количества социальной рекламы контрацептивов [2], так и в противостоянии искусственному прерыванию беременности [4]. В США, где проблема легализации / криминализации абортот разнится от штата к штату, тема используется как один из инструментов социального воздействия при политической борьбе [23]. Одним из примеров попытки умного регулирования прямого действия явилась социально-рекламная кампания Благотворительного Фонда защиты семьи, материнства и детства «Они родились третьими» [15] с упоминанием знаковых личностей из сфер культуры, науки, политики. Стоит отметить, что попытки пронаталистского smart regulation в последние годы в Европе не имели успеха [19], а кратковременное повышение рождаемости в некоторых странах пока не получило должной исследовательской оценки [25].

Выводы

Важность решения демографических проблем отчетливо явлена в большинстве государств современного мира. В странах с завершившимся первым демографическим переходом и испытывающим последствия второго перехода насущным образом стоит вопрос о снижении численности населения, либо его структурном видоизменении в сторону старения. В странах с еще происходящими бурными демографическими процессами на повестке стоит вопрос о кризисе перенаселенности.

Меры реагирования в современной практике государств, столкнувшихся с демографическими проблемами, включают как политику прямого государственного воздействия правовыми способами, так и элементы умного регулирования. При этом сам характер этих мер может носить как пронаталистский характер, побуждающий к повышению рождаемости, так и политику вдумчивого отношения к планированию семьи.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 21-18-00484, <https://rscf.ru/project/21-18-00484/>

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 21-18-00484, <https://rscf.ru/project/21-18-00484/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анатолий Вишневецкий: За счет повышения рождаемости мы наше демографическое положение не исправим // Информационная программа «Отражение». – 2020. – 2 июня. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://otr-online.ru/programmy/segodnya-v-rossii/anatolij-vishnevskiy-za-schyot-povysheniya-rozhdaemosti-my-nashe-demografieskoe-polozhenie-ne-ispravim-43753.html>. – Загл. с экрана.

2. Борусяк, Л. Ф. Реклама (не)безопасного секса как зеркало политических изменений в стране / Л. Ф. Борусяк // XV апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 4 кн. Кн. 4. – М. : Изд. дом НИУ ВШЭ, 2015. – С. 471–478.

3. Вишневецкий, А. Г. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида Homo sapiens / А. Г. Вишневецкий // Демографическое обозрение. – Т. 1, № 1 – С. 6–33. – DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i1.1825>

4. Герейханова, А. Путин назвал острой проблему абортот в РФ / А. Герейханова // Российская газета. – 2023. – 3 нояб. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://rg.ru/2023/11/03/putin-nazval-ostroj-problemu-abortov-v-rf.html>. – Загл. с экрана.

5. Давыдова, М. Л. «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правотворчества / М. Л. Давыдова // Журнал российского права. – 2020. – № 11. – С. 14–29. – DOI: 10.12737/jrl.2020.130

6. Демографические вызовы России // Экспертно-аналитический доклад Центра стратегических разработок. – 2017. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.csr.ru/upload/iblock/704/704bb820549b28a50039d37b02efccd9.pdf>. – Загл. с экрана.

7. Демография / И. Е. Калабихина [и др.] // Проект «Учебник+». – Гл. 16. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://books.econ.msu.ru/Demography/chap16/>. – Загл. с экрана.

8. Законопроект № 192054-8 О внесении изменения в ст. 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Система обеспечения законодательной деятельности. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/192054-8>. – Загл. с экрана.

9. Законопроект № 303039-8 «О внесении изменений в статьи 2 и 5 Федерального закона “О за-

щите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Система обеспечения законодательной деятельности. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/303039-8>. – Загл. с экрана.

10. Кононенко, Д. В. «Большие вызовы» как фактор трансформации государственно-правовых отношений / Д. В. Кононенко // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 58–65. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.10>

11. Национальный проект «Демография». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://национальныепроекты.рф/projects/demografiya>. – Загл. с экрана.

12. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.12.2016 // Парламентская газета. – 2016. – 2–8 дек. – № 45.

13. Реэр, Д. Экономические и социальные последствия демографического перехода / Д. Реэр // Демографическое обозрение. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://demreview.hse.ru/article/view/1802/2525>. – Загл. с экрана.

14. Рождаемость и смертность в России // Zdrav.Expert. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://zdrav.expert/index.php/Статья:Рождаемость_и_смертность_в_России. – Загл. с экрана.

15. Социальная реклама. Серия «Они родились третьими» // Благотворительный Фонд защиты семьи, материнства и детства. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://semyarussia.ru/soczialnaya-reklama/seriya-oni-rodilis-tretimi.html>. – Загл. с экрана.

16. Старение и здоровье // Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health>. – Загл. с экрана.

17. Стерлигов, И. Демографический переход в России, 1 апреля 2009 г. / И. Стерлигов // Научно-образовательный портал IQ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://iq.hse.ru/news/177677312.html>. – Загл. с экрана.

18. Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 (ред. от 15.03.2021) «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

19. Barber, T. Ageing Europe Tries to Boost Birth Rates / T. Barber // Financial Times. – 2023. – 7 Oct. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.ft.com/content/c11ef0af-717b-4266-817d-533426363aa7>. – Title from screen.

20. Coleman, D. Immigration and Ethnic Change in Low-Fertility Countries: A Third Demographic Transition / D. Coleman // Population and Development Review. – 2006. – Vol. 32 (3). – P. 401–446. – Electronic

text data. – Mode of access: <http://www.jstor.org/stable/20058898>. – Title from screen.

21. Dignity and Choice an Inclusive Future for Our Ageing Population // The Committee for Sydney research. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.planning.org.au/documents/item/9927>. – Title from screen.

22. Eggleston, K. N. The New Demographic Transition: Most Gains in Life Expectancy Now Realized Late in Life / K. N. Eggleston, V. R. Fuchs // J Econ Perspect. – 2012. – Vol. 26 (3). – P. 137–156. – DOI: [10.1257/jep.26.3.137](https://doi.org/10.1257/jep.26.3.137)

23. Hesse, M. Why a Pro-Abortion-Rights Candidate Ran an Ad Where She Gives Birth / M. Hesse // The Washington Post. – 2022. – 4 Oct. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/lifestyle/2022/10/04/katie-darling-childbirth-viral-campaign-ad/>. – Title from screen.

24. Kaldewey, D. The Grand Challenges Discourse: Transforming Identity Work in Science and Science Policy / D. Kaldewey // Minerva. – 2018. – Vol. 56. – P. 161–182. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s11024-017-9332-2>

25. Leino, M. The Finnish Birth Rate is Rising – Due to or in Spite of the Covid-19 Pandemic? / M. Leino // Flux Consortium. – 2022. – 8 Febr. – Electronic text data. – Mode of access: <https://fluxconsortium.fi/the-finnish-birth-rate-is-rising-due-to-or-in-spite-of-the-covid-19-pandemic/>. – Title from screen.

26. Lesthaeghe, R. The “Second Demographic Transition”: A Conceptual Map for the Understanding of Late Modern Demographic Developments in Fertility and Family Formation / R. Lesthaeghe // Historical Social Research. – 2011. – Vol. 36 (2). – P. 179–218. – Electronic text data. – Mode of access: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-342259>. – Title from screen.

27. Lopez, A. D. A Descriptive Model of the Cigarette Epidemic in Developed Countries / A. D. Lopez, N. E. Collishaw, T. Piha // Tob Control. – 1994. – № 3. – P. 242–247. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1759359/pdf/v003p00242.pdf>. – Title from screen.

28. Omran, A. R. The Epidemiologic Transition: A Theory of the Epidemiology of Population Change / A. R. Omran // Milbank Q. – 2005. – Vol. 83, № 4. – P. 731–757. – DOI: [10.1111/j.1468-0009.2005.00398.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-0009.2005.00398.x)

29. Sofalvi, A. J. Male Condom Advertising in United States Magazines and on the World Wide Web from 1997–2007: Implications for Media Literacy and Health Literacy / A. J. Sofalvi // The International Electronic Journal of Health Education. – 2008. – Vol. 11, № 1. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.fahfoundation.org/wp-content/uploads/2020/04/4154-14051-1-CE.pdf>. – Title from screen.

30. Van De Kaa, D. J. Europe's second demographic transition / D. J. Van De Kaa // *Popul Bull.* – 1987. – Vol. 42 (1). – P. 1–59. – Electronic text data. – Mode of access: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/12268395/>. – Title from screen.

31. Wilson, K. G. Grand Challenges to Computational Science / K. G. Wilson // *Future Generation Computer Systems.* – 1989. – Vol. 5, iss. 2–3. – P. 171–189. – DOI: [https://doi.org/10.1016/0167-739X\(89\)90038-1](https://doi.org/10.1016/0167-739X(89)90038-1)

32. World Social Report 2023: Leaving No One Behind In An Ageing World // UN Department of Economic and Social Affairs (UN DESA). – Electronic text data. – Mode of access: <https://desapublications.un.org/publications/world-social-report-2023-leaving-no-one-behind-ageing-world>. – Title from screen.

REFERENCES

1. Anatolij Vishnevskij: Za schjot povysheniya rozhdamosti my nashe demograficheskoe polozhenie ne ispravim [We Will Not Improve Our Demographic Situation by Increasing the Birth Rate]. *Informacionnaja programma «Otrazhenie»* [Public Television of Russia, Information Program “Reflection”]. June 2, 2020. URL: <https://otr-online.ru/programmy/segodnya-v-rossii/anatolij-vishnevskiy-za-schjot-povysheniya-rozhdaemosti-my-nashe-demograficheskoe-polozhenie-ne-ispravim-43753.html>

2. Borusjak L.F. Reklama (ne)bezopasnogo seksa kak zerkalo politicheskikh izmenenij v strane [(Un)Safe Sex Advertising as a Mirror of Political Changes in the Country]. *XV aprejskaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva. V 4 kn. Kn. 4* [The 15th April International Scientific Conference on Problems of Economic and Social Development. In 4 Books. Book 4]. Moscow, Izd. dom NIU VShJe, 2015, pp. 471–478.

3. Vishnevskij A.G. Demograficheskaja revoljucija menjaet reproduktivnuju strategiju vida Homo sapiens [The Demographic Revolution Is Changing the Reproductive Strategy of Homo sapiens]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review], vol. 1 (1), pp. 6–33. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i1.1825>

4. Gerejhanova A. Putin nazval ostroj problemu abortov v RF [Putin Called the Problem of Abortion in Russia Acute]. *Rossijskaja gazeta* [Russian Newspaper], Nov. 3, 2023. URL: <https://rg.ru/2023/11/03/putin-nazval-ostroj-problemu-abortov-v-rf.html>

5. Davydova M.L. «Umnoe regulirovanie» kak osnova sovershenstvovaniya sovremennogo pravotvorchestva [“Smart Regulation” as the Basis for Improving Modern Lawmaking]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Russian Law Journal], 2020, no. 11, pp. 14–29. DOI: [10.12737/jrl.2020.130](https://doi.org/10.12737/jrl.2020.130)

6. Demograficheskie vyzovy Rossii [Demographic Challenges of Russia]. *Ekspertno-analiticheskij doklad Centra strategicheskikh razrabotok* [Expert Analytical Report of the Center for Strategic Research], 2017. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/704/704bb820549b28a50039d37b02efccd9.pdf>

7. Kalabihina I.E. et al. Demografija [Demography]. *Proekt «Uchebnik+»* [Uchebnik+ Project], chap. 16. URL: <https://books.econ.msu.ru/Demography/chap16/>

8. Zakonoproekt № 192054-8 O vnesenii izmenenija v statju 5 Federalnogo zakona «O zashhite detej ot informacii, prichinjajushhej vred ih zdorovyju i razvitiju» [Bill No. 192054-8 On Amending Article 5 of the Federal Law “On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development”]. *Sistema obespechenija zakonodatelnoj dejatel'nosti* [Legislative Support System]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/192054-8>

9. Zakonoproekt № 303039-8 O vnesenii izmenenij v statyi 2 i 5 Federalnogo zakona «O zashhite detej ot informacii, prichinjajushhej vred ih zdorovyju i razvitiju» [Bill No. 303039-8 On Amendments to Articles 2 and 5 of the Federal Law “On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development”]. *Sistema obespechenija zakonodatelnoj dejatel'nosti* [Legislative Support System]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/303039-8>

10. Kononenko D.V. «Bolshie vyzovy» kak faktor transformacii gosudarstvenno-pravovyh otnoshenij [Great Challenges as a Factor of the Transformation of State and Legal Relations]. *Pravovaja paradigma* [Legal Concept], 2021, vol. 20, no. 3, pp. 58–65. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.10>

11. *Nacionalnyj proekt «Demografija»* [National Project “Demography”]. URL: <https://nacionalnyeproekt.ru/projects/demografiya>

12. Poslanie Prezidenta RF Federalnomu Sobraniju ot 01.12.2016 [Presidential Address to the Federal Assembly Dated December 1, 2016]. *Parlamentskaja gazeta* [Parliamentary Newspaper], Dec. 2–8, 2016, no. 45.

13. Rejer D. Ekonomicheskie i socialnye posledstvija demograficheskogo perehoda [Economic and Social Consequences of the Demographic Transition]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/1802/2525>

14. Rozhdamost i smertnost v Rossii [Fertility and Mortality in Russia]. *Zdrav.Expert*. URL: https://zdrav.expert/index.php/Stat'ja:Rozhdamost'_i_smertnost'_v_Rossii

15. Socialnaja reklama. Serija «Oni rodilis tretiyimi» [Social Advertisement. Series “They Were Born Third”]. *Blagotvoritelnyj Fond zashhity semyi*,

materinstva i detstva [Charitable Foundation for the Protection of Family, Motherhood and Childhood]. URL: <https://semyarussia.ru/soczialnaya-reklama/seriya-oni-rodilis-tretimi.html>

16. Starenie i zdorovye [Aging and Health]. *Vsemirnaja organizacija zdravoohraneniya (VOZ)* [World Health Organization]. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health>

17. Sterligov I. Demograficheskij perehod v Rossii, 1 aprelja 2009 g. [Demographic Transition in Russia, April 1, 2009]. *Nauchno-obrazovatelnyj portal IQ* [Scientific and Educational Portal IQ]. URL: <https://iq.hse.ru/news/177677312.html>

18. Ukaz Prezidenta RF ot 01.12.2016 № 642 (red. ot 15.03.2021) «O Strategii nauchno-tehnologicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii» [Decree of the President of the Russian Federation No. 642 Dated December 1, 2016 “On the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation”]. *Access from Reference Legal System «KonsultantPlus»*.

19. Barber T. Ageing Europe Tries to Boost Birth Rates. *Financial Times*, Oct. 7, 2023. URL: <https://www.ft.com/content/c11ef0af-717b-4266-817d-533426363aa7>

20. Coleman D. Immigration and Ethnic Change in Low-Fertility Countries: A Third Demographic Transition. *Population and Development Review*, 2006, vol. 32 (3), pp. 401-446. URL: <http://www.jstor.org/stable/20058898>

21. Dignity and Choice. An Inclusive Future for Our Ageing Population. *The Committee for Sydney Research*. URL: <https://www.planning.org.au/documents/item/9927>

22. Eggleston K.N., Fuchs V.R. The New Demographic Transition: Most Gains in Life Expectancy Now Realized Late in Life. *JEcon Perspect*, 2012, vol. 26 (3), pp. 137-156. DOI: <https://doi.org/10.1257%2Fjep.26.3.137>

23. Hesse M. Why a Pro-Abortion-Rights Candidate Ran an ad Where She Gives Birth. *The Washington Post*, Oct. 4, 2022. URL: <https://www.washingtonpost.com/lifestyle/2022/10/04/katie-darling-childbirth-viral-campaign-ad/>

24. Kaldewey D. The Grand Challenges Discourse: Transforming Identity Work in Science and Science Policy. *Minerva*, 2018, vol. 56, pp. 161-182. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11024-017-9332-2>

25. Leino M. The Finnish Birth Rate Is Rising – Due to or in Spite of the Covid-19 Pandemic? *Flux Consortium*, Febr. 8, 2022. URL: <https://fluxconsortium.fi/the-finnish-birth-rate-is-rising-due-to-or-in-spite-of-the-covid-19-pandemic/>

26. Lesthaeghe R. The “Second Demographic Transition”: A Conceptual Map for the Understanding of Late Modern Demographic Developments in Fertility and Family Formation. *Historical Social Research*, 2011, vol. 36 (2), pp. 179-218. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-342259>

27. Lopez A.D., Collishaw N.E., Piha T. A Descriptive Model of the Cigarette Epidemic in Developed Countries. *Tob Control*, 1994, vol. 3 (3), pp. 242-247. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1759359/pdf/v003p00242.pdf>

28. Omran A.R. The Epidemiologic Transition: A Theory of the Epidemiology of Population Change. *Milbank Q*, 2005, vol. 83, no. 4, pp. 731-757. DOI: [10.1111/j.1468-0009.2005.00398.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-0009.2005.00398.x)

29. Sofalvi A.J. Male Condom Advertising in United States Magazines and on the World Wide Web from 1997–2007: Implications for Media Literacy and Health Literacy. *The International Electronic Journal of Health Education*, 2008, vol. 11, no. 1. URL: <https://www.fahfoundation.org/wp-content/uploads/2020/04/4154-14051-1-CE.pdf>

30. Van De Kaa D.J. Europe’s Second Demographic Transition. *Popul Bull*, 1987, vol. 42 (1), pp. 1-59. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/12268395/>

31. Wilson K.G. Grand Challenges to Computational Science. *Future Generation Computer Systems*, 1989, vol. 5, iss. 2–3, pp. 171-189. DOI: [https://doi.org/10.1016/0167-739X\(89\)90038-1](https://doi.org/10.1016/0167-739X(89)90038-1)

32. World Social Report 2023: Leaving No One Behind In An Ageing World. *UN Department of Economic and Social Affairs (UNDESA)*. URL: <https://desapublications.un.org/publications/world-social-report-2023-leaving-no-one-behind-ageing-world>

Information About the Author

Danil V. Kononenko, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, kononenko@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2518-5526>

Информация об авторе

Данил Валерьевич Кононенко, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционно-го и муниципального права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, kononenko@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2518-5526>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.9>

UDC 347.635
LBC 67.404.5

Submitted: 17.11.2023
Accepted: 17.12.2023

THE CONCEPT AND CONTENT OF THE RIGHT OF CHILDREN TO BE UNDER CARE, OR WHAT IS THE PARENTAL DUTY?

Victoria A. Usanova

Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Yanina Ya. Kayl

Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Introduction. Despite all the evidence and, at first glance, the simplicity of caring for children (anyone can formulate their opinion about what it should include), its content is not understandable, clear, and the same for everyone. The study of the responsibility of parents to take care of children is highly relevant, since upbringing and caring for children are the main tasks of the parental role and are of great importance for the development and well-being of children. First of all, it is necessary to determine which specific types of care are an integral part of parental duty. This can cover aspects such as children's physical health (nutrition, sleep, hygiene), emotional and psychological well-being (support, love, understanding), as well as education and development (study, socialization, skill development). The **purpose** of the study was to identify the problems of understanding child care and formulate the authors' concept of care and its content. **Methods.** Induction, deduction, analysis, and formal legal methods were of crucial importance for obtaining the results. **Results.** Systematized the factors about which a parent should be constantly concerned about children; identified a set of actions that a parent should perform in connection with the care of minor children; defined the benefits for the child that form the content of care. The authors' definition of child care is given. **Conclusions.** Taking care of children is a parent's right and duty. The right and duty are independent elements of the legal status of an individual. The right and duty are an analogy to a positive legal responsibility as the encouragement for necessary behavior.

Key words: care, child, parent, right and duty, positive responsibility, benefit, content of care.

Citation. Usanova V.A., Kayl Ya. Ya. The Concept and Content of the Right of Children to Be Under Care, or What Is the Parental Duty? *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 74-81. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.9>

УДК 347.635
ББК 67.404.5

Дата поступления статьи: 17.11.2023
Дата принятия статьи: 17.12.2023

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ПРАВА ДЕТЕЙ НА ЗАБОТУ, ИЛИ В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОЛГ?

Виктория Александровна Усанова

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград, Российская Федерация

Янина Яковлевна Кайль

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: несмотря на всю очевидность и на первый взгляд простоту заботы о детях (любой человек сможет сформулировать свое мнение о том, что она должна включать в себя), ее содержание не является

ясным, четким и одинаковым для всех. Исследование обязанности родителей заботиться о детях имеет высокую актуальность, поскольку воспитание и забота о детях являются основными задачами родительской роли и имеют огромное значение для развития и благополучия детей. В первую очередь, необходимо определить, какие конкретные виды заботы являются неотъемлемой частью родительского долга. Это может охватывать такие аспекты, как физическое здоровье детей (питание, сон, гигиена), эмоциональное и психологическое благополучие (поддержка, любовь, понимание), а также образование и развитие (учеба, социализация, развитие навыков). **Цель исследования:** обозначить проблемы понимания заботы о детях, сформулировать авторское понятие заботы и ее содержание. **Методы:** важнейшее значение для получения результатов имели индукция, дедукция, анализ и формально-юридический метод. **Результаты:** систематизированы факторы, о которых должна быть постоянная обеспокоенность родителя в отношении детей, выявлен набор действий, которые родитель должен совершать в связи с заботой о несовершеннолетних детях, определены блага для ребенка, которые формируют содержание заботы. Дано авторское определение заботы о детях. **Выводы:** забота о детях является правообязанностью родителя. Правообязанность – самостоятельный элемент правового статуса личности. Правообязанность – аналог позитивной правовой ответственности как поощрение за необходимое поведение.

Ключевые слова: забота, ребенок, родитель, правообязанность, позитивная ответственность, благо, содержание заботы.

Цитирование. Усанова В. А., Кайль Я. Я. Понятие и содержание права детей на заботу, или В чем заключается родительский долг? // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 74–81. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.9>

Введение

Классическое содержание правового статуса личности включает в себя права и обязанности. Вместе с тем исследование отраслевого законодательства показывает наличие иных составляющих. Достаточно редко формулируется в российском праве субъективное право и обязанность в одном содержании. Примером такой ситуации является забота о детях. В ч. 2 ст. 38 Конституции РФ предусмотрено, что «забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей». В данной норме сформулировано две правообязанности: забота о детях и воспитание детей. На это обращает внимание в своей работе М.П. Стетюха [13].

Объединение субъективного права и обязанности порождает что-то среднее между ними. Средним между правом и обязанностью является понятие ответственности. Право дает человеку определенные свободы и возможности, обязанность – задачи и требования, которые надлежит выполнить. Ответственность объединяет и право, и обязанность, так как предполагает осознанное и добровольное выполнение своих прав и обязанностей, а также принятие последствий своих действий или бездействия. В данном случае речь, скорее всего, можно вести о позитивной правовой ответственности [7]

в понимании поощрения, которое поддерживается И.Н. Сенякиным [12, с. 182–183]. Безусловно, с теоретической точки зрения необходимо самостоятельное юридическое исследование «правообязанности». Однако в рамках настоящей статьи остановимся на анализе содержания правообязанности родителей заботиться о детях, которая корреспондирует праву ребенка на заботу, предусмотренному ч. 1 ст. 54 Семейного кодекса РФ.

Современные исследования заботы о детях в России

Специальному исследованию заботы о детях посвящено не так много работ. Следует выделить диссертации С.Б. Кордубы и Е.В. Паниной. Диссертация С.Б. Кордубы стала одним из первых современных комплексных исследований, «нацеленных на уяснение содержания и значения конституционной обязанности родителей заботиться о детях» [6]. Е.В. Панина в своей работе делает акцент на таком специфическом аспекте заботы о детях как «особый вид трудовой деятельности родителей» [8].

Забота о детях является составным элементом работ, посвященных правам детей или обязанностям родителей, личности. Например, исследование М.В. Матвеевой «Права ребенка в семейном праве: проблемы законодатель-

ства, теории и практик» (диссертация кандидата юридических наук), И.Е. Певцовой «Право ребенка на семью и его конституционно-правовое обеспечение» (диссертация канд. юрид. наук), А.Л. Кумановской «Права и обязанности родителей по воспитанию детей в семейном праве Российской Федерации» (диссертация канд. юрид. наук) и др.

Необходимость исследований в данной области основано на выявлении факторов, которые могут влиять на результат заботы о детях. Например, важно изучать положительное присутствие родителей и качество взаимоотношений в семье влияют на развитие ребенка, его самооценку и поведение. А также необходимо исследовать влияние отсутствия родительской заботы и негативных взаимоотношений на психическое здоровье детей. Ответы на эти неюридические вопросы помогут сформулировать правовые требования (нормы), с помощью которых будут решаться практические ситуации при ненадлежащей заботе родителей в отношении своих детей.

Кроме того, исследования в области родительской заботы помогают разрабатывать эффективные программы и политику, направленные на поддержку семей и детей. Они могут позволить выявить слабые места и проблемы, с которыми сталкиваются родители, и предложить ресурсы и услуги для их поддержки. Например, такие исследования могут проводиться в рамках разработки программных комплексов по обучению родителей навыкам эффективной заботы о детях или по предоставлению доступных детскому населению услуг, таких как бесплатные медицинские осмотры и консультации, психологическая помощь и т. д.

Исследования в области родительской заботы также имеют важное значение для общества в целом. Понимание и осознание роли родителей и их ответственности способствуют формированию более здорового и эмоционально благополучного общества.

С.Б. Кордуба отмечает, что «данная обязанность обладает двойственным характером, поскольку в ее реализации заинтересованы, с одной стороны, родители, а с другой – общество и государство» [6, с. 3]. С этим выводом можно согласиться только отчасти. За-

интересованы – это значит есть интерес. Теорию интереса в праве разрабатывали разные специалисты. В частности, Р. Иеринг понимает интерес «преимущественно в смысле благ, выгоды или пользы» [18]. Плюс к этому каждая обязанность корреспондирует к праву. Если у родителей есть такая обязанность, то у кого-то имеется соответствующее право на заботу. И это уж, конечно, не сами родители и тем более не государство и общество. В первую очередь, интерес на заботу имеется у детей. Но вот что такое забота, что она включает – это очень неочевидный и спорный вопрос.

Понятие заботы о детях

Собственно ключом к ответу на все обозначенные и иные проблемы может стать выявление по возможности универсального понятия и содержания заботы. С.Б. Кордуба определяет заботу о детях как «закрепленную Основным Законом России в интересах детей, общества и государства меру должного поведения родителей, заключающуюся в их деятельности по воспитанию, содержанию, обучению, обеспечению здоровья и безопасности детей» [6, с. 5]. Это несколько идет в разрез с Конституцией РФ, так как в ст. 38 забота о детях и их воспитание указаны путем перечисления как два самостоятельных явления – правобязанности, а не как составляющие друг друга.

Толковый словарь Д.Н. Ушакова определяет заботу как «беспокойство», «опасение», «хлопоты», «задачу», «неотложное дело» [16]. Похожее понимание у С.И. Ожегова: «беспокойство», «обременительное дело» [15]. По В.И. Далю забота – это «усердные хлопоты, беспокойное попеченье, беспокойство» [14]. Поскольку лингвисты связывают заботу с особым психологическим состоянием – беспокойством, то достаточно важным является определение, данное в психологическом словаре: «занятость мыслей чем-то, каким-то делом, обеспокоенность им» [19]. Однако последнее определение не подходит для права и уж тем более для заботы о детях, так как только занятости мыслей детьми недостаточно, нужны активные действия, способствующие достижению какого-то положительного результата, чтобы можно было констатиро-

вать, что забота осуществляется на достаточном уровне.

Поэтому существенным дополнением для полноценного понимания заботы является составляющая, указанная в философской энциклопедии, где под заботой подразумевают «активность, направленную на достижение блага» [17].

Исходя из всего вышеизложенного, можно сформулировать предварительное понятие заботы: постоянная занятость мыслей и обеспокоенность за ребенка, сопровождающаяся необходимыми активными действиями, направленными на достижение ему блага. В связи с этим возникает несколько вопросов: 1) о чем должна быть постоянная обеспокоенность; 2) какие действия должен совершать родитель в связи с заботой; 3) что есть благо для ребенка и кто это определяет?

Содержание заботы о детях

Классическое содержание любого правового понятия предполагает, что оно включает в себя субъективные права, обязанности и ответственность за их неисполнение. Поскольку, как было уже указано выше, забота специфическая категория, которую нельзя однозначно охарактеризовать как право или обязанность, то важно определить правомочия, правообязанность заботы о детях. Содержание заботы довольно сложное и емкое понятие, которое включает как блага для ребенка, так и необходимые действия, которые должны совершаться для его достижения. Складываясь оно может из следующих элементов. Во-первых, обязанность обеспечивать физическое и психическое здоровье ребенка (кормить, лечить, присматривать за гигиеной, распорядком дня, выстроить теплые, доверительные отношения). Следующим объектом заботы должно быть достойное образование (выбор учебного заведения, желательно недалеко от места жительства, контроль успеваемости и посещаемости его детьми, снабжение необходимыми материалами и гаджетами для успешного овладения программой). В-третьих, обеспечение комфортных условий окружающей социальной среды ребенка (оберегать и защищать от негативного воздействия гаджетов, запрещенных веществ,

«токсичного окружения»), его социализации в ней (вовлекать и поддерживать участие своих детей в общественной жизни, в различных социальных мероприятиях, спортивных, культурных и образовательных программах), а также обучения необходимыми умениями и навыками (развивать память, мышление, усидчивость, навыки социализации, поддерживать его интересы и амбиции). Важное значение, от которого зачастую зависит достижение вышеназванных благ имеет необходимость материально содержать несовершеннолетних детей (для обеспечения базовых потребностей, таких как питание, одежда и жилье, а также для покрытия других необходимых расходов в виде отдыха, развлечений, хобби, спортивных достижений, интеллектуального и физического развития).

Данный перечень может быть дополнен, исходя из индивидуальных особенностей ребенка и возможностей родителей. Именно эти действия составляют содержание заботы. Законодательная систематизация и закрепление понятия и содержания заботы, как уже отмечалось, имеет огромное практическое значение. Например, несколько лет назад просторы интернета облетела новость о том, что 24-летняя россиянка и ее муж-турок, 56-летний бизнесмен, поставили себе цель завести 100 суррогатных детей [11]. Отмечается, что за 2020 г. у них родилось 20 малышей от 15 суррогатных мам. На 2022 г. у супругов 22 ребенка, за которыми ухаживают 16 нянь, 2 уборщицы и повар [4]. Представляется, что исполнение родительского долга по отношению к уже имеющимся детям затруднительно, а в случае реализации задуманного проекта (100 детей) фактически невозможна. Самой природой не зря ограничено потенциально возможное количество детей, рожденных женщиной. В связи с этим необходимо, как минимум, законодательное ограничение по количеству детей, которые рождены для одних родителей суррогатными матерями в целях обеспечения благополучия каждого ребенка [5].

Что считать благом для человека, а тем более для ребенка, вопрос не простой. М.А. Геворгян указывает, что «существо его нематериальных благ, их соотношение в российской науке недостаточно представлены и требуют дальнейшего осмысления» [2]. С юридической

точки зрения благо – это объект права, то вокруг чего создается юридическая возможность чем-то пользоваться. Выделяют материальные (имущественные) и нематериальные блага [1]. Перечень основных нематериальных благ приведен в ст. 150 ГК РФ.

Исходя из определяемой специалистами [3] социальной ценности благ, можно сформулировать виды благ для ребенка. К ним следует отнести: физическое, психическое, интеллектуальное развитие (здоровье, образование), социализацию (навыки эмпатии, дружбы, любви, социальные навыки и связи, способность справляться с конфликтами), самостоятельность (рассуждения и действия). Конституцией РФ в ст. 28 каждому гарантирована свобода совести и вероисповедания и, несмотря на то, что отдельно для ребенка данная возможность не уточняется, предполагается, что ребенок в рамках образования и воспитания формирует в себе данное благо – понимание религии и опыт различных культур. Наважнейшим нематериальным благом, конечно же, следует признать родительскую любовь. Дети нуждаются в ласке, нежности, понимании и поддержке несмотря на то, что об этом нет ничего в действующем законодательстве.

С точки зрения материальных благ, перечень которых также отсутствует в законодательстве, нужно указать, в первую очередь, на комфортную и безопасную среду. На это обратил внимание Конституционный Суд РФ, отметив, что создание не мотивированного дискомфорта для ребенка не допустимо [9]. Безопасность включает в себя одежду, питание, медицинскую помощь и надежное жилище (дом).

Часто установлением того, что является благом для ребенка и какие блага наиболее важны для ребенка, занимается суд при разрешении споров о лишении родительских прав, определении совместного проживания с одним из родителей, определении обязанности по уплате алиментов, прав к наследованию и т. д. Суд также участвует в определении того, что хорошо для ребенка и какие блага являются для него наиболее важными. Например, Шелковской районный суд Чеченской Республики решением от 26 октября 2020 г. отметил, что проживание детей со своим отцом

будет соответствовать законным интересам несовершеннолетних детей, так как мать детей никакой заботы о них не проявляет, материальной помощи не оказывает и не оказывала, не принимала и не принимает участия в воспитании и содержании несовершеннолетних детей [10].

При этом в решении суда отсутствует информация об оценке осуществления матерью всех приведенных авторами в настоящей статье действий, которые родитель должен совершать в связи с заботой о несовершеннолетних детях. Представляется, что в случае их законодательного закрепления решения судов и уполномоченных органов государственной власти были бы более обоснованными и справедливыми.

С учетом выявленного содержания заботы можно предложить следующее определение данной категории. Забота о ребенке – это постоянная занятость мыслей и беспокойность родителя или иного лица его заменяющего за ребенка, сопровождающаяся необходимыми активными действиями по обеспечению его безопасности, здоровья, образования, социализации, развития навыков, направленных на его благополучие.

Выводы

Таким образом, правовой статус личности включает помимо прав и обязанностей также правообязанности, например, забота родителя о своих детях. Правообязанность – аналог позитивной правовой ответственности как поощрение за необходимое поведение. В целях раскрытия требований к заботе о ребенке необходима законодательная систематизация норм, устанавливающих ее содержание. Необходимо установление ограничения по количеству детей, рожденных суррогатными матерями для одних родителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аблятипова, Н. А. Защита имущественных прав несовершеннолетних: анализ системности правоприменительной практики / Н. А. Аблятипова, И. Ю. Волкова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 84–90. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.12>

2. Геворгян, М. А. Правовой статус и нематериальные блага ребенка в гражданском и семейном праве России / М. А. Геворгян // *Законы России: опыт, анализ, практика*. – 2020. – № 1. – С. 56–59.

3. Геворгян, М. А. Нематериальные блага ребенка в нотариальной деятельности: некоторые теоретические и практические аспекты / М. А. Геворгян // *Нотариус*. – 2019. – № 8. – С. 18–20.

4. Зачем женщине в 25 лет 22 ребенка. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://dzen.ru/a/Y4HeUHsc12zIMozF?utm_referer=yandex.ru. – Загл. с экрана.

5. Кайль, Я. Я. Острые вопросы суррогатного материнства, требующие правового регулирования / Я. Я. Кайль, В. А. Усанова // *Семейное и жилищное право*. – 2022. – № 5. – С. 17–20.

6. Кордуба, С. Б. Конституционная обязанность родителей заботиться о детях в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Кордуба Светлана Борисовна. – Саратов, 2011. – 23 с. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа <https://www.prlib.ru/item/337195>. – Загл. с экрана.

7. Лошенкова, Е. В. Позитивная юридическая ответственность: есть ли достаточные основания для ее признания? / Е. В. Лошенкова // *Актуальные проблемы российского права*. – 2007. – № 1. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitivnaya-yuridicheskaya-otvetstvennost-est-li-dostatochnye-osnovaniya-dlya-ee-priznaniya>. – Загл. с экрана.

8. Панина, Е. В. Развитие системы заботы о детях в рамках семейной экономики как основы формирования трудовых ресурсов : автореф. дис. ... канд. эконом. наук / Панина Елена Владимировна. – М., 2015. – 23 с. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01007961080.pdf. – Загл. с экрана.

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.06.2010 № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В.В. Чадаевой» // *Собрание законодательства РФ*. – № 25. – Ст. 3246.

10. Решение Шелковского районного суда (Чеченская Республика) № 2-335/2020 2-335/2020~М-290/2020 М-290/2020 от 26 октября 2020 г. по делу № 2-335/2020. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/QxEQPrfywAru/?page=4®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt=забота+о+детях&_id=1691655357931®ular-judge=&snippet_pos=376#snippet. – Загл. с экрана.

11. Россиянка решила завести 100 детей от турецкого бизнесмена // *Рамблер новости*. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://news.rambler.ru/rossiyanka-reshila-zavesti-100-detej-ot-turetskogo-biznesmena/>. – Загл. с экрана.

12. Сенякин, И. Г. Специализация и унификация российского законодательства: проблемы теории и практики / И. Г. Сенякин. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1993. – 194 с.

13. Стетюха, М. П. Право (обязанность) родителей воспитывать ребенка: теоретические аспекты / М. П. Стетюха // *Альманах современной науки и образования*. – Тамбов : Грамота, 2017. – № 7 (120). – С. 79–82. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.gramota.net/articles/issn_1993-5552_2017_7_20.pdf. – Загл. с экрана.

14. Толковый словарь В.И. Даля. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/235154>. – Загл. с экрана.

15. Толковый словарь С.И. Ожегова. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/57974>. – Загл. с экрана.

16. Толковый словарь Д.Н. Ушакова. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/801682>. – Загл. с экрана.

17. Философская энциклопедия. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/386/ЗАБОТА. – Загл. с экрана.

18. Цветкова, Е. А. Категория законного интереса в юридической науке / Е. А. Цветкова // *Журнал российского права*. – 2016. – № 3 (231). – С. 39. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-zakonnogo-interesa-v-yuridicheskoy-nauke>. – Загл. с экрана.

19. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://psychology_pedagogy.academic.ru/6363/Забота. – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. Ablyatipova N.A., Volkova I.Yu. Zashchita imushchestvennykh prav nesovershennoletnikh: analiz sistemnosti pravoprimeritelnoy praktiki [Protection of Property Rights of Minors: Analysis of the Systemic Nature of Law Enforcement Practice]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2022, vol. 21, no. 1, pp. 84–90. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.12>

2. Gevorgyan M.A. [Legal Status and Non-Material Benefits of a Child in the Civil and Family Law of Russia]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2020, no. 1, pp. 56–59.

3. Gevorgyan M.A. Nematerialnyye blaga rebenka v notarialnoy deyatelnosti: nekotoryye

teoreticheskiye i prakticheskiye aspekty [Intangible Benefits of a Child in Notarial Activity: Some Theoretical and Practical Aspects]. *Notarius* [Notary], 2019, no. 8, pp. 18-20.

4. *Zachem zhenshchine v 25 let 22 rebenka* [Why Would a Woman of 25 Have 22 Children]. URL: https://dzen.ru/a/Y4HeUHscl2zIMOzF?utm_referer=yandex.ru

5. Kayl Ya. Ya., Usanova V.A. Ostryye voprosy surrogatnogo materinstva, trebuyushchiye pravovogo regulirovaniya [Acute Issues of Surrogacy Requiring Legal Regulation]. *Semeynoye i zhilishchnoye pravo* [Family and Housing Law], 2022, no. 5, pp. 17-20.

6. Korduba S.B. Konstitutsionnaya obyazannost roditeley zabotitsya o detyakh v Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [The Constitutional Obligation of Parents to Take Care of Children in the Russian Federation. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Saratov, 2011. 23 p. URL: <https://www.prlib.ru/item/337195>

7. Loshenkova E.V. Pozitivnaya yuridicheskaya otvetstvennost': est' li dostatochnye osnovaniya dlya ee priznaniya? [Positive Legal Liability: Are There Sufficient Grounds for Its Recognition?]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2007, no. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitivnaya-yuridicheskaya-otvetstvennost-est-li-dostatochnye-osnovaniya-dlya-ee-priznaniya>

8. Panina Ye.V. *Razvitiye sistemy zaboty o detyakh v ramkakh semeynoy ekonomiki kak osnovy formirovaniya trudovykh resursov: avtoref. dis. ... kand. ekonom. nauk* [The Development of the Child Care System Within the Family Economy as a Basis for the Formation of Labor Resources. Cand. econ. sci. abs. diss.]. Moscow, 2015. 23 p. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01007961080.pdf

9. Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 08.06.2010 № 13-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti punkta 4 statyi 292 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanki V.V. Chadayevooy» [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 08.06.2010 No. 13-P "On the Case of Verification of the Constitutionality of Paragraph 4 of Article 292 of the Civil Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of Citizen VV. Chadaeva"]. *Sobraniye zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the RF], no. 25, art. 3246.

10. *Reshenie Shelkovskogo rayonnogo suda (Chechenskaya Respublika) № 2-335/2020 2-335/2020-M-290/2020 M-290/2020 ot 26 oktyabrya*

2020 g. po delu № 2-335/2020 [Decision of the Shelkovsky District Court (Chechen Republic) no. 2-335/2020 2-335/2020-M-290/2020 M-290/2020 Dated October 26, 2020 in Case No. 2-335/2020]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/QxEQPrfywAru/?page=4®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt=care+for+children&_=1691655357931®ular-judge=&snippet_pos=376#snippet

11. Rossiyanka reshila zavesti 100 detey ot turetskogo biznesmena [A Russian Woman Decided to Have 100 Children with a Turkish Businessman]. *Rambler novosti* [Rambler News]. URL: <https://news.rambler.ru/community/47355643-rossiyanka-reshila-zavesti-100-detey-ot-turetskogo-biznesmena/>

12. Senyakin I.G. *Spetsializatsiya i unifikatsiya rossiyskogo zakonodatel'stv: problemy teorii i praktiki* [Specialization and Unification of Russian Legislation: Problems of Theory and Practice]. Saratov, Izd-vo Sarat un-ta, 1993. 194 p.

13. Stetyukha M.P. Pravo (obyazannost) roditeley vospityvat rebenka: teoreticheskie aspekty [The Right (Duty) of Parents to Raise a Child: Theoretical Aspects]. *Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education]. Tambov, Gramota Publ., 2017, no. 7 (120), pp. 79-82. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1993-5552_2017_7_20.pdf

14. *Tolkovyy slovar V.I. Dalya* [Explanatory Dictionary by V.I. Dahl]. URL: https://dic.academic.ru/dic_nsf/enc2p/235154

15. *Tolkovyy slovar S.I. Ozhegova* [Explanatory Dictionary by S.I. Ozhegov]. URL: https://dic.academic.ru/dic_nsf/ogegova/57974

16. *Tolkovyy slovar D.N. Ushakova* [Explanatory Dictionary by D.N. Ushakov]. URL: https://dic.academic.ru/dic_nsf/ushakov/801682

17. *Filosofskaya entsiklopediya* [Philosophical Encyclopedia]. URL: https://dic.academic.ru/dic_nsf/enc_philosophy/386/CARE

18. Tsvetkova E.A. Kategoriya zakonnogo interesa v yuridicheskoy nauke [Category of Legitimate Interest in Legal Science]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2016, no. 3 (231). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-zakonnogo-interesa-v-yuridicheskoy-nauke>

19. *Jenciklopedicheskij slovar po psihologii i pedagogike* [Encyclopedic Dictionary of Psychology and Pedagogy]. URL: https://psychology_pedagogy.academic.ru/6363/Care

Information About the Authors

Victoria A. Usanova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400131 Volgograd, Russian Federation, vau_77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4071-3350>

Yanina Ya. Kayl, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400131 Volgograd, Russian Federation, grajd@vags.ru, yanika@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5116-7666>

Информация об авторах

Виктория Александровна Усанова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, vau_77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4071-3350>

Янина Яковлевна Кайль, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, grajd@vags.ru, yanika@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5116-7666>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.10>

UDC 340.133:342.721
LBC 67.400.323

Submitted: 01.12.2023
Accepted: 28.12.2023

THE GENESIS OF PERSONAL DATA: INFORMATIONAL AND LEGAL ASPECT

Alexey Yu. Stebivko

JSC "Rosselkhozbank", Moscow, Russian Federation;
Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

Introduction. The paper reveals the historical aspect of the emergence and development of the legal protection of personal data in Russia. The prerequisites for the formation of a conscious need for such protection on a Russian basis are analyzed. The author expresses the idea of the origin of the legal protection of personal data in the depths of the right to privacy, since the latter was not only formed at the earlier stages of the historical development of society but also prepared the conditions and legal tools for the emergence of this institution in the future. **Purpose.** The origin of the legal institution of personal data protection in Russia is analyzed. **Methods.** The methodological framework for the research consists of the methods of system analysis, historico-legal, and comparative law. **Results.** The right to privacy in Russia is presented in the paper as divided into four historical stages. The first stage is associated with the wide expansion of writing in Russia, which necessitated the protection of information contained in postal correspondence. Also, at this stage, only a small number of personal rights were protected. At the second stage, as a result of Peter the Great's reforms, fundamental changes took place in public life in Russia, which led to the further development of Russian legislation, including the right to privacy. The result of such changes, according to the author of the paper, should be recognized as the consolidation of a sufficiently large number of elements of the right to privacy in the Code of Laws of the Russian Empire. The next stage in the history of the establishment of the institution of personal data in this country is associated with Soviet law. It is characterized by the fact that Soviet law "did not remain aloof" from the rapid development of the world community's interest in human rights and freedoms in the twentieth century. And finally, at the fourth (modern) stage, the concepts of "personal data" and "their legal protection" arise and exist as independent ones, forming a separate legal institution for the protection of personal data within the framework of private law. **Conclusions.** Analyzing the above-mentioned concepts and categories as a result of scientific, technical, and social progress, as well as society's awareness of the need to protect the private sphere of human life, the author states that the legislator's "attention" is increasingly shifting from state to private secrets, and even the mechanism of the legal provision of state secrets is becoming more and more similar to the mechanism of private law protection.

Key words: personal data, secrecy, confidentiality, privacy, legal protection of privacy.

Citation. Stebivko A. Yu. The Genesis of Personal Data: Informational and Legal Aspect. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 82-89. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.10>

УДК 340.133:342.721
ББК 67.400.323

Дата поступления статьи: 01.12.2023
Дата принятия статьи: 28.12.2023

ГЕНЕЗИС ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ: ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Алексей Юрьевич Стебивко

АО «Россельхозбанк», г. Москва, Российская Федерация;
Российский государственный университет правосудия, г. Москва, Российская Федерация

Введение: в статье раскрывается исторический аспект появления и развития правовой защиты персональных данных в России. Анализируются предпосылки формирования на российской почве осознанной потребности в подобного рода защите. Автор выказывает идею зарождения правовой защиты персональных данных в недрах права на неприкосновенность частной жизни, поскольку последнее не только

сформировалось на более ранних этапах исторического развития общества, но и подготовило условия, а также правовой инструментарий для появления данного института в будущем. **Цель:** анализируется происхождение правового института защиты персональных данных в России. **Методы:** методологическую основу исследования составляют методы системного анализа, историко-правовой, сравнительно-правовой. **Результаты:** право на неприкосновенность частной жизни в России представлено в статье, разграниченным на четыре исторических этапа. Первый этап связан с широким распространением на Руси письменности, что повлекло необходимость защиты информации, содержащейся в почтовой корреспонденции. Также на этом этапе обеспечивалась защита иных, но лишь незначительного числа личностных прав. На втором этапе, в результате реформ Петра I, произошли коренные изменения общественной жизни в России, что привело к дальнейшему развитию российского законодательства, в том числе права на частную жизнь. Итогом таких изменений, по мнению автора статьи, следует признать закрепление достаточно большого количества элементов права на частную жизнь в Своде законов Российской Империи. Очередной этап в истории становления института персональных данных в нашей стране связывается с советским правом. Он характеризуется тем, что советское право «не осталось в стороне» от бурного развития интереса мирового сообщества к правам и свободам человека в XX веке. И, наконец, на четвертом (современном) этапе возникают и существуют как самостоятельные понятия «персональные данные» и «их правовая защита», формируя в рамках частного права отдельный правовой институт защиты персональных данных. **Выводы:** анализируя указанные выше понятия и категории как следствие научно-технического и социального прогресса, как осознание обществом необходимости защиты приватной сферы жизни человека, автор констатирует, что «внимание» законодателя все более смещается от государственной к частной тайне, и даже механизм правового обеспечения государственных секретов все более становится схожим с механизмом частно-правовой защиты.

Ключевые слова: персональные данные, тайна, конфиденциальность, приватность, правовая защита частной жизни.

Цитирование. Стебивко А. Ю. Генезис персональных данных: информационно-правовой аспект // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 82–89. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.10>

Введение

Потребность в защите и обеспечении неприкосновенности частной жизни людей была осознана обществом довольно давно. Так, в римском частном праве, примерно в VIII в. до н.э., существовало понятие «privatus» (от лат. частное), указывающее на определенную категорию лиц, освободившихся от личной зависимости главы семьи (патрона) и вышедших из его подчинения [4, с. 11]. Предполагалось, что данные лица имеют собственные, не связанные с прежней семьей, устремления и интересы, которые следует оградить от постороннего вмешательства. В дальнейшем это положение было воспринято правовыми системами стран римского права. Считается, что именно в недрах права на неприкосновенность частной жизни сформировались и отточились предпосылки для формирования современных понятий «персональные данные», «защита персональных данных», которые, в свою очередь, унаследовало многие свойства своего предшественника [1, с. 33–37].

Основное содержание

Зарождение и существование права на неприкосновенность частной жизни (или, по крайней мере, отдельных его элементов) возможно проследить также и в истории России. Уже в эпоху образования Древней Руси, примерно в IX в. н.э., в период активного развития письменности и одновременно с этим возникновения на Руси курьерской связи, появляется термин «грамоты» [7, с. 24], который означал деловые документы и письма (официальные и частные). «Повести временных лет» указывают на их существование уже при правлении князя Олега (885 г.). Возможно, это первое историческое упоминание о существовании на Руси интересов личной жизни, требующих защиты и поддержки.

Другой, не менее важный аспект частной жизни, попавший в поле зрения права, это неприкосновенность жилища. Так, первый сборник правовых норм «Русская правда» 1016 г. (ст. 21) предусматривал правила о наказании того, кто причинил вред жизни человека, если этот человек проник без позволе-

ния в жилище причинителя вреда в ночное время: «Убивший виновного (вора), застигнутого “у клетки, или у коня, или у говьяда, или у коровье татьбы...”» [5, с. 103]. Следует обратить внимание на то, что в данной норме значение имеет не кража как таковая (термин «вор» обозначал любого нарушителя или преступника), а лишь нахождение (проникновение) в жилище постороннего лица без ведома хозяина. Только одно это уже расценивалось как преступление. Поэтому в отношении изложенного вполне справедлива позиция историка А.Н. Красикова [10, с. 321], утверждавшего, что данной нормой было обеспечено право на неприкосновенность жилища. Но представляется вполне возможным толкование данной нормы еще шире – как осознанное понимание древнерусским обществом необходимости защиты неприкосновенности частной жизни в различных ее проявлениях [13, с. 34–79].

Следует отметить (применительно и к курьерской службе, и к защите жилища), что в целом нормы законодательства того времени, конечно же, не содержали в себе предписаний неприкосновенности частной жизни людей, поскольку в средневековом, как и античном праве отсутствовали подобные обобщающие понятия и принципы. Сами же нормы имели ситуационный характер (предусматривали конкретный случай нарушений без обобщений), отчего вынуждены были использоваться довольно широко, то есть «по аналогии» применяться к возможно большему кругу различных ситуаций. По этой причине вполне возможно толкование указанных выше норм сейчас как средств защиты частной жизни людей в Древней Руси.

К концу XVII в. на территории российского государства было принято и действовало Соборное уложение 1649 г., фактически систематизированная кодификация феодального права нашей страны (также называемое «Судебник» или «Уложение всяких судных дел»). Он полностью соответствовал потребностям того времени, однако в вопросах частной жизни данный акт был достаточно условным. К тому же он не касался семейных отношений – самой важной сферы существования личностных интересов. Однако «Судебник» был разработан на основе передового отечественного и зару-

бежного законодательства, в том числе судебныхников 1497 и 1550 гг., Литовского статута 1588 г., сборника церковных и светских законов (Кормчей книги), Моисеева законодательства, Второзакония (повторное изложение Пятикнижия (Торы), Ветхого завета и всей Библии) и других. Можно сказать, что, вобрав в себя передовые идеи того времени, «Судебник» заложил предпосылки для дальнейшего развития отечественного права в целом, в том числе и права неприкосновенности частной жизни.

Второй этап в становлении данного правового института в России связывают с реформами Петра I. Так, петровскими указами в конце XVII в. продолжали совершенствоваться правила почтовой службы. Одним из них предписывалось курьерам и почтовым служащим «отнюдь ничьей грамотки не распечатывать и не смотреть» [11, с. 282]. Впоследствии были разработаны специальные правила перевозки грамот и обращения с ними. Согласно этим правилам, полагалось грамоты, сдаваемые к перевозке, опечатывать восковой печатью. Они должны были транспортироваться в специальных чехлах, скатанные в трубку. Курьер должен был везти эту упаковку в специальном мешке, спрятав за пазуху, или же в дорожной сумке-калите, прикрепленной к поясу [2, с. 43]. И вновь указанная детализация свидетельствует о «строгости к делу» (значении), которое придавалось сохранению тайны корреспонденции. Разумеется, прежде всего, речь шла о государственных (казенных) секретах. Но установленные общие предписания не могли не способствовать и защите личной переписки и частной тайны.

В XVIII в. другой аспект частной жизни – право на неприкосновенность жилища – обеспечивалось уже более развернуто, чем в период «Русской правды» и «Соборного Уложения», причем дифференцированно для различных слоев общества. Так, императрица Екатерина II «Грамотой на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» («Жалованной грамотой») 1785 г. вводила запрет на внесудебное изъятие у дворянина его имения; а также действовал запрет на использование дома дворянина для постоя. Существовали правила и для других слоев населения [14, с. 216].

Законодательные реформы царя Петра, а также остальные радикальные изменения во внутренней и внешней политике России в связи с победой в Северной войне и становлением ее в качестве полноправной европейской державы привели не только к пересмотру «устаревшего» патриархального государственного и общественного устройства, но и к новому взгляду на законодательную защиту частной жизни людей.

И дело не только в том, что значительно расширилась обеспечиваемая правом сфера частной жизни отдельного человека и, как следствие, увеличилось общее количество защитных норм в этой области права. «Качественный скачок» произошел в связи с принятием очередной новой кодификации российского законодательства – Свода законов Российской Империи 1832 г., – устанавливающей официальную, довольно передовую для своего времени систему общеимперского права. Все российское законодательство, действовавшее до того времени, было переработано, обобщено, «сведено» воедино и разделено на восемь книг, охватывающих определенные области общественной и государственной жизни (от государственного устройства и государственного управления до вопросов уголовного судопроизводства, торгового и промышленного права). И хотя в большинстве разделов нового «Свода законов» вопросам неприкосновенности личной жизни отводилось не так много места, важен был сам принцип законодательной систематизации, неминуемо подведший к включению в общую правовую систему вопросов защиты частных интересов личности. И вновь, нагляднее всего в этой области правового воздействия представили законодательство о почтовой службе и законодательство о связи. В 1857 г. в «Свод законов» был помещен ряд уставов и положений, ранее в нем отсутствовавших, в том числе уставы о телеграфах и почте.

Почтовый устав 1857 г. закреплял тайну корреспонденции, а также предусматривал запрет вскрытия корреспонденции в отсутствие получателя. Так, ст. 461 предписывала «Посылки при выдачѣ получателямъ непремѣнно подвергать осмотру»; ст. 466 – «По прошествіи сего срока (ст. 465) письма вскрываются самимъ Экспедиторомъ или

другимъ довѣреннымъ чиновникомъ по назначенію Главнначальствующаго, единственно для узнанія адреса посылателя; когда же на конвертѣ оный означенъ, то такое письмо не можетъ быть подвергаемо вскрытію, ниже поступить въ число реестовыхъ» [2, с. 37]. Статьи 466 и 467 предусматривали возможность вскрытия корреспонденции, но исключительно при необходимости установить обратного адресата для возврата письма отправителю. Правила предусматривали, что вскрытые письма должны быть помещены в новый конверт с указанием обратного адреса, который затем опечатывается специальной печатью.

Согласно Телеграфному уставу, принятому в том же 1857 г., предполагалось закрепление ответственности за точную доставку сообщений и обеспечение сохранности их тайны за инспекторами телеграфных линий (ст. 9). В соответствии со ст. 55 «Лица телеграфическаго управленія обязаны: всѣ безъ исключенія депеши и все, что только касается телеграфа, въ какомъ бы то ни было отношеніи, сохранять въ совершенной тайнѣ, и никому, никогда и ни въ какомъ случаѣ не объявлять; равно не открывать, кѣмъ и къ кому депеша подана, а также не оставлять депешъ такъ, чтобы кто-либо изъ постороннихъ могъ оныя видѣть» [2, с. 43].

Примерно в то же время вопросы личной тайны постепенно стали проникать и в законодательство об осуществлении правосудия. Уголовное уложение 1843 г. устанавливало запрет на вмешательство в личную и семейную жизнь высших должностных лиц, а позже, в 1903 г., там же, но уже констатировалось недопущение вмешательства конкретно чиновников судебных ведомств в частную жизнь (личную и семейную) всех граждан. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1857 г. предусматривалась неприкосновенность жилища. При этом указывались виды действий, квалифицирующиеся как посягательства на неприкосновенность жилища: насильственное вторжение в личное жилище или угроза применения такового; прочие действия, имеющие целью оскорбить или обеспокоить проживающих. Также перечислялись объекты, относимые к частным жилищам, неприкосновенность которых обеспечивалась: наемное частное жилье, дома,

квартиры, отдельные комнаты [12, с. 143]. В целом данный этап характеризуется постепенной наработкой понятийной базы и первоначальной систематизацией, предваряющей появление в будущем соответствующего правового института.

Третий этап, в истории становления и развития института персональных данных в нашей стране можно связать с периодом, непосредственно предшествующим советскому, и советским, на разных его этапах. Так, отправной точкой, предварившей его существование в советском праве, является провозглашение 17 октября 1905 г. права на неприкосновенность личности в Манифесте «Об усовершенствовании государственного порядка». Впоследствии это же было закреплено в «Основных государственных законах» собрания законов от 23 апреля 1906 года.

Основываясь на вышеназванных актах, в 1918 г. с принятием первой советской конституции [6, с. 8] было положено начало законодательному закреплению широкой системы личных прав граждан в новом обществе. В дальнейшем они получили развитие в Конституции СССР 1936 года. Так, Конституцией предусматривались следующие личностные права: неприкосновенность личности, жилища, тайна переписки (ст. 127 и ст. 128). Следует отметить, что и ранее, до Конституции 1936 г. предусматривались охрана личной жизни граждан и тайна переписки. Однако это не были конституционные гарантии. Их защита обеспечивалась уголовным и уголовно-процессуальным законодательством. И только Конституция СССР 1936 г. придала им всеохватный конституционный статус. Статья 127 провозгласила как всеобщий принцип неприкосновенность личности, а ст. 128 конкретизировала данный постулат в конституционной охране тайны личной переписки.

В 1948 г. Организацией Объединенных Наций была принята Всеобщая декларация прав человека. Это послужило новым толчком для развития правовой защиты личности практически во всех странах мира. На ее фоне в Советском Союзе 16 декабря 1976 г. принимается и вступает в действие Международный пакт о гражданских и политических правах. В Пакте, соответственно акту 1948 г., предусматривается принцип недопустимости про-

извольного или незаконного вмешательства в личную и семейную жизнь любого человека, недопустимость произвольного или незаконного посягательства на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции или незаконность посягательства на его честь и репутацию. Также в Пакте провозглашается право каждого человека на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств (ст. 17) [9, с. 93].

Впоследствии все указанные выше права и свободы граждан были закреплены в Конституции СССР 1977 г., тем самым вновь получив конституционный статус (ст. 56 Конституции). В дальнейшем они оказались воспринятыми Конституциями союзных республик, в том числе и Конституцией РСФСР 1978 г., сформировав базу конституционных гарантий прав и свобод личности на современном постсоветском пространстве.

Примерно в это же время в праве появились категории «частная жизнь» и «неприкосновенность частной жизни». Одновременно с этим принцип неприкосновенности частной жизни, провозглашенный Декларацией ООН 1948 г. всеобщим достоянием мировой культуры, нашел окончательное закрепление в отечественном законодательстве в виде принципа «гармоническое сочетание общественного и личного» [4, с. 11], а также признания наличия в советском обществе «определенной сферы жизни человека, в которой ему гарантирована известная независимость от общества, невмешательство государства, общественных организаций и соседей в его быт, частную жизнь в необходимых случаях, но не больше» [15, с. 13]. Все это дало возможность отечественным ученым обосновать необходимость формирования в праве отдельного института, обеспечивающего тайну личной жизни гражданина и запрещающего распространять сведения о нем (в том числе в средствах массовой информации) без его согласия [8, с. 49].

Современный этап развития права в данной области связывают уже непосредственно с термином «персональные данные». Можно сказать, что защита персональных данных, пока без законодательного определения данного термина, впервые появляется в ст. 40 Федерального закона от 21 апреля 1992 г.

№ 2708-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики». Данным законом устанавливался запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия.

Несколько в ином аспекте защита персональных данных представлена в другом акте того периода – Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой 22 ноября 1991 года. Статья 9 Декларации 1991 г. констатировала, что каждый имеет право на неприкосновенность его частной жизни, на тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только в соответствии с законом на основании судебного решения, а сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускается, за исключением случаев, указанных в законе.

В ныне действующей Конституции Российской Федерации 1993 г. также существует запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (ст. 24). Конституцией также обеспечивается каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом (ст. 24). Кроме того, конституционно провозглашена неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны. Предписывается обеспечение защиты чести и доброго имени, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых телеграфных и иных сообщений и то, что ограничение данных прав допускается только на основании судебного решения (ст. 23).

В 1998 г. появился законопроект «Об информации персонального характера», который впоследствии стал Федеральным законом «О персональных данных» от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ, на сегодняшний день именно данный нормативный акт является основным регулятором отношений в сфере использования и защиты персональных данных частного лица. Законом, помимо того, что дается определение персональных данных частного лица, ус-

танавливаются иные необходимые понятия и категории, в том числе указывается вид и характер информации, относящейся к персональным данным, а также способы и методы их правовой защиты.

Выводы

Институт защиты персональных данных, в итоге реализовавшийся в виде закона «О защите персональных данных», несомненно, был воспринят современным российским правом как часть общемировой правовой культуры. Однако он не был чем-то совершенно несвойственным нашему общественному устройству и праву. Нормы, обеспечивающие неприкосновенность частной жизни, присутствовали в России всегда. В настоящее время данный институт продолжает существовать в нашем праве как неотъемлемая часть защиты личности, тем самым характеризуя российское право, как одну из передовых правовых систем мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Важдова, М. А. История возникновения и становления института персональных данных / М. А. Важдова // Государство и право: теория и практика : материалы I Междунар. науч. конф. Челябинск : Два комсомольца, 2011. – С. 33–37.
2. Вигилев, А. Н. История отечественной почты / А. Н. Вигилев. – М. : Радио и связь, 1990. – 152 с.
3. Волошкина, Н. Н. Обеспечение конституционного права на неприкосновенность частной жизни при производстве предварительного следствия : дис. ... канд. юрид. наук / Волошкина Наталья Николаевна. – Ростов н/Д, 2000. – 198 с.
4. Дождев, Д. В. Римское частное право / Д. В. Дождев. – М. : Норма, 2008. – 763 с.
5. Краткая редакция «Русской Правды» / Д. С. Лихачев [и др.]. – СПб., 1997. – 263 с.
6. Кукушкин, Ю. С. Очерк истории Советской Конституции / Ю. С. Кукушкин, Д. И. Чистяков. – М. : Политиздат, 1987. – 364 с.
7. Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века (текст по Лаврентьевой летописи) / сост. Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев. – М., 1978. – 413 с.
8. Малейн, Н. С. Охрана прав личности советским законодательством / Н. С. Малейн. – М. : Наука, 1985. – 165 с.

9. Праницкая, Т. О. Конституционно-правовой механизм неприкосновенности частной жизни : дис. ... канд. юрид. наук / Праницкая Татьяна Олеговна. – Белгород, 2010. – 199 с.

10. Рогов, В. А. История государства и права России IX – начала XX вв. / В. А. Рогов. – М. : Зерцало : Теис, 1995. – 356 с.

11. Рыбаков, Б. А. Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 1 / Б. А. Рыбаков. – М. : Изд-во МГУ, 1985. – 342 с.

12. Свод законов Российской империи. Т. XV. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб., 1857. – 158 с.

13. Соколов, К. В. Правительственная связь Российской Империи. Конец XVIII – начало XX вв. : дис. ... канд. юрид. наук / Соколов Константин Витальевич. – М., 2005. – 190 с.

14. Томсинов, В. А. Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век – 1917 г.) / В. А. Томсинов. – М. : Зерцало, 1998. – 372 с.

15. Тургаринов, В. П. Личность и общество / В. П. Тургаринов. – М. : Мысль, 1965. – 191 с.

5. Lihachev D.S. et al. *Kratkaya redakciya «Russkoj Pravdy»* [Brief Edition of “Russian Truth”]. Saint Petersburg, 1997. 263 p.

6. Kukushkin Yu.S., Chistyakov D.I. *Ocherk istorii Sovetskoj Konstitucii* [An Essay on the History of the Soviet Constitution]. Moscow, Politizdat, 1980. 364 p.

7. Lihachev D.S., Dmitriev L.A. *Pamyatniki literatury Drevnej Rusi. Nachalo russkoj literatury. XI – nachalo XII veka (tekst po Lavrentevoj letopisi)* [Monuments of Literature of Ancient Russia. The Beginning of Russian Literature. XI – the Beginning of the XII Century (Text According to the Laurentian Chronicle)]. Moscow, 1978. 413 p.

8. Malein N.S. *Ohrana prav lichnosti sovetskim zakonodatel'stvom* [Protection of Personal Rights by Soviet Law]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 165 p.

9. Pranicckaya T.O. *Konstitucionno pravovoj mekhanizm neprikosnovennosti chastnoj zhizni: dis. ... kand. yurid. nauk* [Constitutional Legal Mechanism of Privacy. Cand. jurid. sci. diss.]. Belgorod, 2010, pp. 93-123.

10. Rogov V.A. *Istoriya gosudarstva i prava Rossii IX – nachala XX vv.* [The History of the State and Law of Russia IX – Early XX Centuries]. Moscow, Zertsalo Publ., Teis Publ., 1995. 356 p.

11. Rybakov B.A. *Ocherki russkoj kultury XVIII veka. Ch. 1* [Essays on Russian Culture of the 18th Century. Pt. 1]. Moscow, Izd-vo MGU, 1985. 342 p.

12. *Svod zakonov Rossijskoj imperii. Tom XV. Ulozhenie o nakazaniyah ugovolnyh i ispravitelnyh* [Code of Laws of the Russian Empire. Vol. 15. Code of Punishments for Ogo-Lovers and Corrections]. Saint Petersburg, 1857. 158 p.

13. Sokolov K.V. *Pravitel'stvennaya svyaz' Rossijskoj Imperii. Konec XVIII – nachalo XX vv.: dis. ... kand. yurid. nauk* [Government Connection of the Russian Empire. The End of the 18th – the Beginning of the 20th centuries. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2005. 190 p.

14. Tomsinov V.A. *Khrestomatia po istorii otechestvennogo gosudarstva i prava (X vek – 1917g.)* [Reader on History of Domestic State and Law (10th century – 1917)]. Moscow, Zertsalo Publ., 1998. 372 p.

15. Turgarinov V.P. *Lichnost i obshchestvo* [Personality and Society]. Moscow, Mysl Publ., 1965. 191 p.

REFERENCES

1. Vazhova M.A. *Istoriya voznikoveniya i stanovleniya instituta personalnyh dannyh* [The History of the Emergence and Formation of the Institute of Personal Data]. *Gosudarstvo i pravo: teoriya i praktika: materialy I Mezhdunar. nauch. konf.* [Materials 1st International Scientific Conf. State and Law: Theory and Practice]. Chelyabinsk, Dva komsomoltsa Publ., 2011, pp. 33-37.

2. Vigilev A.N. *Istoriya otechestvennoj pochty* [History of Russian Post]. Moscow, Radio i svyaz Publ., 1990. 152 p.

3. Voloshkina N.N. *Obespechenie konstitucionnogo prava na neprikosnovennost chastnoj zhizni pri proizvodstve predvaritelnogo sledstviya: dis. ... kand. yurid. nauk* [Ensuring the Constitutional Right to Privacy During the Preliminary Investigation. Cand. jurid. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2000. 198 p.

4. Dozhdev D.V. *Rimskoe chastnoe pravo* [Roman Private Law]. Moscow, Norma Publ., 2008. 763 p.

Information About the Author

Alexey Yu. Stebivko, Lead Legal Counsel, JSC “Rosselkhozbank”, Gagarinsky Lane, 3, 119034 Moscow, Russian Federation; Postgraduate Student, Russian State University of Justice, Novocheremushkinskaya St, 69, 117418 Moscow, Russian Federation, a.stebivko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5152-5315>

Информация об авторе

Алексей Юрьевич Стебивко, ведущий юрисконсульт АО «Россельхозбанк», Гагаринский пер., 3, 119034 г. Москва, Российская Федерация; аспирант, Российский государственный университет правосудия, ул. Новочеремушкинская, 69, 117418 г. Москва, Российская Федерация, a.stebivko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5152-5315>

www.volsu.ru

ВОПРОСЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.11>

UDC 347.1
LBC 67.404

Submitted: 12.11.2023
Accepted: 10.12.2023

THE LEGAL NATURE OF THE DIGITAL RUBLE

Olesya A. Belova

Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Elvira O. Osadchenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction. Civil law is a fundamental branch of law whose modernization and reform are significantly influenced by global processes associated with the development of public relations. Digitalization is one such process. The product of digitalization is such a phenomenon as the digital ruble. This phenomenon is a “challenge” for both science and law enforcement practice and the legislator. The definition of the legal nature of the digital ruble deserves close attention from legal science, since the well-being of the state as a whole directly depends on how correctly the legal regulation will be implemented. Since the science of civil law is faced with the task of developing various ways to solve problems in forming the definition of the digital ruble and determining its legal nature, this is the **purpose** of the study. **Methods.** The methodological framework for the research is a set of methods of scientific cognition, including such main ones as analysis, synthesis, generalization, and comparative jurisprudence. **Results.** The authors have studied the essence of the digital ruble as the third form of national currency in the Russian Federation. The main **purpose** of the study is a comparative analysis of three forms of money: cash, non-cash funds, and the digital ruble. The authors have identified the similarities and differences between these objects of civil rights. As part of the study, various points of view of modern civilists on the problems of determining the legal nature of the digital ruble are studied. The main result is the **conclusion** that the digital ruble is not identical to either cash or non-cash funds. From the point of view of the legal nature of the digital ruble, it seems inappropriate to attribute it neither to the legal regime of the item nor to the right of claim. The main advantages of the digital ruble have been identified, which allow for a different look at a new form of money. The authors’ definition of the digital ruble meets the main features and peculiarities inherent in the new form of money.

Key words: digital ruble, civil legislation, objects of civil rights, property law, law of obligations.

Citation. Belova O.A., Osadchenko E.O. The Legal Nature of the Digital Ruble. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 90-95. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.11>

УДК 347.1
ББК 67.404

Дата поступления статьи: 12.11.2023
Дата принятия статьи: 10.12.2023

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЦИФРОВОГО РУБЛЯ

Олеся Александровна Белова

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград, Российская Федерация

Эльвира Олеговна Осадченко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: гражданское право является фундаментальной отраслью права, на модернизацию и реформирование которого существенное влияние оказывают глобальные процессы, связанные с развитием общественных отношений. Цифровизация является одним из таких процессов. Продуктом цифровизации выступает такое явление, как цифровой рубль. Данное явление представляет собой «вызов» как для науки, так и для правоприменительной практики и законодателя. Определение правовой природы цифрового рубля заслуживает пристального внимания со стороны юридической науки, поскольку то, насколько верно будет осуществлено правовое регулирование, напрямую зависит благосостояние государства в целом. Так как перед наукой гражданского права стоит задача выработать различные способы решения проблем в формировании дефиниции цифрового рубля и определения его правовой природы, то в этом заключается **цель** настоящего исследования. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают анализ, синтез, обобщение и сравнительное правоведение. **Результаты:** автором изучена сущность цифрового рубля как третьей формы национальной валюты в Российской Федерации. Основой для исследования послужил сравнительный анализ трех форм денежных средств: наличных, безналичных денежных средств и цифрового рубля. Автором выявлены сходства и различия данных объектов гражданских прав. В рамках исследования были изучены различные точки зрения современных цивилистов на проблемы определения правовой природы цифрового рубля. Основным итогом является **вывод** о том, что цифровой рубль не тождественен ни наличным, ни безналичным денежным средствам. С точки зрения правовой природы цифрового рубля представляется нецелесообразным отнесение его ни к правовому режиму вещи, ни к праву требования. Были выявлены основные преимущества цифрового рубля, которые позволяют иначе посмотреть на новую форму денег. Авторское определение дефиниции цифрового рубля отвечает основным признакам и особенностям, присущим новой форме денежных средств.

Ключевые слова: цифровой рубль, гражданское законодательство, объекты гражданских прав, вещное право, обязательственное право.

Цитирование. Белова О. А., Осадченко Э. О. Правовая природа цифрового рубля // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 90–95. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.11>

Введение

Современное гражданское законодательство стремительно движется вперед, соответствуя быстрым темпам развития, характерным для постиндустриального общества, в котором цифровые технологии играют практически ключевую роль [2, с. 86–87]. Новый виток технического прогресса ставит новые вызовы для правового регулирования общественных отношений.

Одной из новелл в современном обществе выступает цифровой рубль, который на фоне наличных и безналичных денежных средств, цифровых финансовых активов имеет высокий потенциал применения в товарообороте [6, с. 8; 7, с. 73; 10, с. 156].

В этой связи следует указать, что законодатель уже включил цифровой рубль в объекты гражданских прав посредством внесения изменений в гражданское законодательство Федеральным законом от 24 июля 2023 г.

№ 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, ч. вторую и ст. 1128 и 1174 ч. третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [8]. Согласно указанному нормативно-правовому акту, цифровой рубль, как и безналичные денежные средства, относится к категории имущественных прав.

В настоящее время в вопросе квалификации указанных выше понятий и определения правовой природы цифрового рубля присутствует некая сумятица, поскольку каждое из понятий порой противоречит сущности другого. Наличие споров среди цивилистов неизбежно ведет к поиску истины на поставленные вопросы, однако необходимо чтобы мнение законодателя и науки соответствовало друг другу.

Данное исследование представляет собой попытку сформулировать позицию о правовой природе цифрового рубля и предложить дефиницию, которая найдет свое применение в гражданском законодательстве.

Сущность цифрового рубля

Цифровой рубль в России представлен как третья форма национальной валюты, предложенная Центральным банком Российской Федерации с целью создания условий осуществления платежей и переводов, обеспечивающих «надежные, безопасные, быстрые, удобные, доступные для каждого гражданина денежные расчеты в любой точке России» [9].

Прежде всего необходимо выделить основные признаки отличающие цифровой рубль от наличной и безналичной форм денег.

Так, в Докладе Банка России все три формы денег определяются через их физическое определение. Так, наличные денежные средства представляют собой «банкноту, каждая из которых имеет уникальный номер» [9]. Безналичные деньги есть запись на счете в коммерческом банке. Тогда как безналичные деньги принципиально отличаются, поскольку их сущность заключается в соответствующей записи на счете в коммерческом банке. Гораздо больший интерес вызван цифровым рублем, так как он представляет собой «форму уникального цифрового кода, который будет храниться на специальном электронном кошельке» [9]. Исходя из этого определения видно, что Банк России стремится ввести в оборот такую форму денег, которая является аналогом наличных денежных средств, но в совершенно новой и инновационной форме – цифровой. Данный тезис обосновывается тем, что оба понятия обладают уникальным кодом или номером с той разницей, что банкнота тактильна, а цифровой рубль нет.

В свете сказанного следует отметить еще одну особенность, которая роднит наличные денежные средства и цифровой рубль. Эмитентом указанных форм денег выступает Центральный банк Российской Федерации, представляющий собой компетентный орган, который уполномочен государством на выполнение такой функции. Цифровой рубль следует рассматривать и принимать во внимание как соответствующее обязательство Банка России.

Основываясь на том, что цифровой рубль является «продуктом» Банка России [4], который обеспечен должной поддержкой и вни-

манием, и в настоящее время находится на стадии введения законодательным органом власти в гражданское законодательство в качестве третьей формы национальной валюты, то подобный подход позволяет с юридической точки зрения определять его как деньги, эмитированные Банком России.

Экономическая составляющая цифрового рубля достаточно проработана и изучена не только экономической теорией, но и ярко иллюстрируется Банком России, в том числе и в его Докладе, раскрывающим сущность цифрового рубля.

Правовая природа цифрового рубля до настоящего времени находится в подвешенном состоянии несмотря на то, что законодатель определил цифровой рубль как имущественные права, как бы отождествляя с безналичными денежными средствами [5, с. 14–16].

В настоящее время наличные денежные средства по своей юридической природе относятся к вещам, при этом безналичные денежные средства представляют собой «права требования к кредитной организации, в которой открыт счет» [1]. До введения цифрового рубля науке гражданского права, правоприменителю в лице Конституционного Суда РФ, законодателю правовой режим наличных и безналичных денежных средств был четко определен и обладал соответствующими различиями. Однако появление цифрового рубля как еще одной формы денег вносит некую сумятицу.

На просторах цивилистики достаточно дискуссионным является вопрос об определении правовой природы цифрового рубля. Ряд авторов убеждены, что цифровой рубль не может быть отнесен к юридической природе вещного права, несмотря на схожесть цифрового рубля и наличных денежных средств между собой и стремление Центрального банка России заменить одну форму денег на другую. В свете сказанного достаточно интересной является точка зрения такого исследователя как Л.Ю. Василевской, которая пришла к выводу о том, что на проблему правовой природы цифрового рубля следует смотреть через призму специфики гражданского законодательства, что не позволяет говорить «о праве собственности на цифровые рубли, о защите права собствен-

ности его обладателя, в том числе и виндикации цифрового рубля» [3, с. 9–18].

Автором настоящего исследования представляется верным обратить внимание на то, что цифровой рубль как новая и феноменальная категория обладает рядом особенностей. При этом одной из основных, по нашему мнению, является то, что они представляют собой право требования к Банку России. Это позволяет построить аналогию с безналичными денежными средствами, которые есть право требования к коммерческим банкам.

Ряд цивилистов убеждены, что цифровой рубль как объект гражданских прав с точки зрения правовой природы ближе к имущественным правам, как и безналичные денежные средства, являющиеся таковыми, что и было определено законодателем. Данный тезис объясняется особенностями «выпуска цифрового рубля и его введения в гражданский оборот» [7].

Важно учесть, что цифровой рубль является «гибридной» формой, поскольку включает в себя самые лучшие характеристики, присущие двум предшествующим формам денег безналичным и наличным. Думается, что подобное обстоятельство следует признать преимущественным, о чем нужно подробно поговорить.

Во-первых, у цифрового рубля точно так же, как и у безналичных денежных средств, есть запись на счете, что представляется достаточно удобным и комфортным в использовании для пользователей цифрового рубля: физических и юридических лиц.

Во-вторых, цифровой рубль обладает рядом преимуществ по сравнению с безналичными денежными средствами. Так, цифровой рубль может использоваться может применяться в офлайн-режиме и не зависеть от наличия или отсутствия сети.

В-третьих, цифровой рубль представляет собой платежное средство, которое является максимально защищенным и безопасным способом расчетов, поскольку исключена возможность мошеннических действий. Важно отметить, что подобный аргумент нельзя применить к наличным и безналичным денежным средствам.

В-четвертых, цифровой рубль можно назвать самой доступной и мобильной фор-

мой денежных средств для своего владельца, несмотря на аналогичные характеристики наличных денежных средств. Данный факт является преимуществом цифрового рубля, поскольку доступ к безналичным денежным средствам осуществляется через посредника, которым выступает банк.

В-пятых, цифровые деньги, как и безналичные денежные средства к коммерческому банку, представляют собой право требования к Банку России. Следует отметить одно существенное обстоятельство, которое выражается в том, что право требования в обоих случаях не является одинаковым. Данный факт с одной стороны позволяет говорить о тождественности в определении правовой природы, но с другой необходимо учитывать соответствующие особенности.

Выводы

Исходя из всего вышесказанного, следует вывод о том, что цифровой рубль является одной из трех форм национальной валюты в Российской Федерации, которая считается уникальной по своей структуре и характеристикам.

Анализ существующей в настоящее время нормативно-правовой базы не позволяет определить сущность правовой природы цифрового рубля. Однако изучение цифрового рубля как экономической категории через призму науки гражданского права в сравнении с наличными и безналичными денежными средствами позволяет выявить как сходства, так и различия. С одной стороны, права на цифровой рубль имеют близкие характеристики с правом на наличные денежные средства, исходя из чего есть сходство с правовым режимом вещей. С другой стороны, права на цифровой рубль обладают характеристиками, позволяющими считать их как и безналичные денежные средства правом требования. Однако сложившаяся дилемма нуждается в разрешении, поскольку цивилисты занимают полярные точки зрения, что не позволяет законодателю принять верное решение при нормативно-правовом регулировании цифрового рубля. Как один из главных выводов, отметим, что цифровой рубль не тождественен ни правовому режиму вещи, ни праву требования.

Так как цифровой рубль является особенной уникальной формой денежных средств, то его правовое регулирование должно ему соответствовать.

В качестве основных аргументов следует отметить основную характеристику цифрового рубля. Прежде всего, речь идет о денежных средствах, которые хранятся в особом месте. Таковым является цифровой кошелек, созданный непосредственно Банком России. Подобная дилемма определения правовой природы цифрового рубля может быть разрешена посредством внесения изменений в ст. 128 Гражданского кодекса РФ, закрепив цифровой рубль как цифровой объект.

Цифровой рубль следует определить следующим образом: законное платежное средство в форме уникального цифрового кода, хранящееся на специальном электронном кошельке и эмитируемое Центральным банком Российской Федерации.

Таким образом, исходя из проведенного анализа, отметим, что правовая природа цифрового рубля является дискуссионной темой в области частноправовых наук. Включение цифрового рубля в состав объектов гражданского права с точки зрения автора является несколько преждевременным в связи с неопределенностью правовой природы. Однако правовое регулирование цифрового рубля в настоящее время находится в стадии становления и развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байбак, В. В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота : дис. ... канд. юрид. наук / Всеволод Владимирович Байбак. – СПб., 2004. – 201 с.
2. Балтутите, И. В. Правовое регулирование оборота недвижимого имущества в условиях цифровизации российской экономики / И. В. Балтутите // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 86–93. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.13>
3. Василевская, Л. Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему / Л. Ю. Василевская // Lex Russica. – 2023. – № 1. – С. 9–18.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2023) // Собрание законодательства РФ. – № 32. – Ст. 3301.

5. Дерюгина, Т. В. Правовая природа электронных денежных средств / Т. В. Дерюгина, Л. А. Чеговадзе // Материалы Весенней Международной научно-практической сессии института права: Международного круглого стола «Умные технологии правового обеспечения конкурентоспособной предпринимательской среды», Международной научно-практической конференции «Судопроизводство в Российской Федерации и за рубежом: вопросы истории и проблемы современности». – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2021. – С. 14–18.

6. Дерюгина, Т. В. Цифровая валюта и цифровой рубль: к вопросу о правовой новации / Т. В. Дерюгина // Цивилист. – 2022. – № 1. – С. 8–11.

7. Турбанов, А. В. Цифровой рубль как новая форма денег / А. В. Турбанов // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 5. – С. 73–90. – DOI: [10.17803/1994-1471.2022.138.5.073-090](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.138.5.073-090)

8. Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/407424580/paragraph/2:0>

9. Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций (октябрь 2020 года) (утв. Банком России). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=364913&dst=100016#QJQ80uTCCsY74xkI>. – Загл. с экрана.

10. Шумилова, В. В. Цифровой рубль Банка России как новая форма национальной валюты / В. В. Шумилова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 156–162. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.2.20>

REFERENCES

1. Bajbak V.V. *Obyazatelstvennoe trebovanie kak obyekt grazhdanskogo borota: dis. ... kand. yurid. nauk* [Mandatory Requirement as an Object of Civil Turnover. Cand. jurid. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2004. 201 p.
2. Baltutite I.V. *Pravovoe regulirovanie oborota nedvizhimogo imushchestva v usloviyah cifrovizacii rossijskoj ekonomiki* [The Legal Regulation of Real Estate Turnover in the Context of Digitalization of the Russian Economy]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2021, vol. 20, no. 1, pp. 86-93. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.13>
3. Vasilevskaya L.Yu. *Cifrovoj rubl: vzglyad civilista na problem* [Digital Rule: A Civilist's View of the Problem]. *Lex Russica*, 2023, no.1, pp. 9-18.
4. *Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 24.07.2023) (s izm.*

i dop., vstup. v silu s 01.08.2023)[Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ Dated November 30, 1994 (As Amended on July 24, 2023) (With Amendments and Additions That Entered into Force on August 1, 2023)]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the RF], no. 32, art. 3301.

5. Deryugina T.V, Chegovadze L.A. Pravovaya priroda elektronnyh denezhnyh sredstv [Legal Nature of Electronic Money]. *Materialy vesennej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy sessii instituta prava: Mezhdunarodnogo kruglogo stola «Umnye tekhnologii pravovogo obespecheniya konkurentosposobnoj predprinimatelskoj sredy».* *Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Sudoproizvodstvo v Rossijskoj Federacii i za rubezhom: voprosy istorii i problemy sovremennosti»*, Volgograd, Izd-vo VolGU, 2021, pp. 14-18.

6. Deryugina T.V. Cifrovaya valyuta i cifrovoy rubl: k voprosu o pravovoj novacii [Digital Currency and Digital Ruble: On the Issue of the Upcoming Innovation]. *Civilist*, 2022, no. 1, p. 7.

7. Turbanov A.V. Ponyatie deneg v epohu cifrovizacii [The Concept of Money in the Old

Digitalization]. *Aktualnye problemy rossijskogo prava* [Actual Problems of Russian Rights], 2021, no. 6, pp. 58-76.

8. *Federalnyj zakon ot 24 iyulya 2023 g. № 339-FZ «O vnesenii izmenenij v statyi 128 i 140 chasti pervoj, chast vtoruyu i statyi 1128 i 1174 chasti tretyej Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii»* [Federal Law No. 339-FZ Dated July 24, 2023 “On Amendments to Articles 128 and 140 of Part One, Part Two and Articles 1128 and 1174 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation]. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/407424580/paragraph/2:0>

9. *Tsifrovoy rubl. Doklad dlya obshchestvennykh konsultatsiy (oktyabr 2020 goda) (utv. Bankom Rossii)*. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=364913&dst=100016#QJQ80uTCCsY74xkl>

10. Shumilova V.V. Tsifrovoy rubl Banka Rossii kak novaya forma natsionalnoy valyuty [The Digital Ruble of the Bank of Russia As a New Form of National Currency]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2022, vol. 21, no. 2, pp. 156-162. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.2.20>

Information About the Authors

Olesya A. Belova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, belova.oa@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5994-192X>

Elvira O. Osadchenko, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil and Private International Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, elviraosa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7709-4821>

Информация об авторах

Олеся Александровна Белова, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, belova.oa@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5994-192X>

Эльвира Олеговна Осадченко, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, elviraosa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7709-4821>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.12>

UDC 34.02
LBC 67.400.2

Submitted: 23.01.2023
Accepted: 15.02.2023

THE FORMATION OF THE CIVIL LAW CULTURE OF YOUTH AS A FACTOR IN COUNTERING THE INFORMATION WAR AGAINST RUSSIA

Davud A. Davudov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Maria S. Shiro

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation

Introduction. The paper analyzes the relationship between the level of civil law culture of certain categories of the population, in particular, youth, and the effectiveness of information warfare measures, whose operations are carried out against Russia in order to achieve specific socio-political goals. One of the key areas of information and psychological operations carried out against the citizens of the Russian Federation is the implementation of technologies in this country, the so-called “color revolutions,” which can be countered only when a high level of awareness and civil culture among citizens is achieved. In this regard, the **purpose** is to consider the principles of the formation of civil law culture in the context of the implementation of state policy to prevent the impact of information and psychological operations on the population of the Russian Federation, in particular, youth. **Methods.** The methodological framework for the study consists of the methods of scientific cognition, including such main ones as the methods of consistency, analysis, and comparative law. **Results.** The main direction of the formation of the civil law culture of youth in the context of countering information and psychological operations is the formation of an appropriate stereotype of behavior, which is aimed at supporting the idea of the integrity of the state and the preservation of its traditions, including in matters of governance and the implementation of the political system. **Conclusions.** The main aspects of information and psychological impact in the context of hybrid confrontation in the international arena are considered. The main provisions of the stereotyping of youth behavior are revealed. The main directions and tools for the formation of the civil law culture of youth are identified.

Key words: civil law culture, information warfare, information and psychological operations, “color revolutions”, educational technologies.

Citation. Davudov D.A., Shiro M.S. The Formation of the Civil Law Culture of Youth as a Factor in Countering the Information War Against Russia. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 96-102. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.12>

УДК 34.02
ББК 67.400.2

Дата поступления статьи: 23.01.2023
Дата принятия статьи: 15.02.2023

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ ПРОТИВ РОССИИ

Давуд Ахмедович Давудов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Мария Станиславовна Широ

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в статье анализируется связь уровня гражданско-правовой культуры отдельных категорий населения, в частности, молодежи с эффективностью мероприятий информационной войны, операции ко-

торой осуществляются в отношении России с целью достижения конкретных общественно-политических целей. Одним из ключевых направлений информационно-психологических операций, осуществляемых в отношении граждан РФ, является реализация в нашей стране технологий, так называемых «цветных революций», противодействие которым возможно только при достижении высокого уровня осознанности и гражданско-правовой культуры граждан. В данной связи **целью** является рассмотрение принципов формирования гражданско-правовой культуры в контексте реализации государственной политики по предотвращению влияния информационно-психологических операций на население РФ, в частности, молодежи. **Методы:** методологическую основу данного исследования составили методы научного познания, среди которых основное место занимают методы системности, анализа и сравнительно-правовой. **Результаты:** основным направлением формирования гражданско-правовой культуры молодежи в контексте противостояния информационно-психологическим операциям является формирование соответствующего стереотипа поведения, который направлен на поддержку идеи целостности государства и сохранения его традиций, в том числе в вопросах управления и реализации политической системы. **Выводы:** рассмотрены основные аспекты информационно-психологического воздействия в контексте гибридного противостояния на международной арене. Выявлены основные положения стереотипизации поведения молодежи. Определены ведущие направления и инструменты формирования гражданско-правовой культуры молодежи.

Ключевые слова: гражданско-правовая культура, информационная война, информационно-психологические операции, «цветные революции», образовательные технологии.

Цитирование. Давудов Д. А., Широ М. С. Формирование гражданско-правовой культуры молодежи как фактор противодействия информационной войне против России // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 96–102. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.12>

Введение

Возросшая роль Российской Федерации в геополитических отношениях привела к усугублению геополитической обстановки. При этом современное противостояние государств и надгосударственных образований в значительной степени отличаются от предшествующих исторических периодов. В частности, происходит гибридизация конфликтов, которая характеризуется усложнением форм противостояния. Так, если предыдущие конфликты характеризовались доминированием военных столкновений, то современные конфликты, напротив, предполагают систематическое воздействие на противника как в период военных конфликтов, так и в период «мирного сосуществования».

Гибридизация международных конфликтов подразумевает применение разнообразных средств воздействия, которые включают не только прямое влияние на противника, такие как военные столкновения или экономические санкции, но и применение так называемой «мягкой силы» и инструментов информационной войны. На сегодняшний день ни одним государством не выработано целостного понимания способов противостояния подобного рода воздействия на население, что приводит к необходимости исследования самого ин-

ститута информационных войн, а также методов, применяемых при их реализации.

Информационные войны как форма современного противостояния государств

Впервые термин «информационные войны» появился в научном обороте во второй половине XX в., а именно в работе ученого-физика Томаса П. Рона «Система вооружения и информационная война» 1976 г. [10], в которой автор обозначил информацию в качестве ключевой слабости любой армии. Изначально данное понятие охватывало только операции, связанные с защитой информации от ее получения противником путем применения кибервзлома. Именно такая трактовка изначально вошла в доктринальные документы США, такие как Директива национальной безопасности № 42 (1992), Joint Publications for Information Operations (9 октября 1998, 13 февраля 2006, 27 ноября 2012), Information Operations Roadmap (30 октября 2003) [9]. Следует отметить, что положения данных документов в фактически изложили концепцию информационной войны в военной доктрине США. Однако рассматривать информационную войну, как исключительно новое явление, связанное с расширением возможностей ис-

пользования средств доставки информации, было бы в корне неверным. Так, в своей работе П.М.А. Лайнбарджер [3] приводит примеры применения информационно-психологического воздействия еще в древние времена.

В отечественной практике рассмотрение информационного противодействия начинается с момента принятия Доктрины информационной безопасности РФ в 2000 г. [1], которая была пересмотрена в 2016 году. Примечательно, что в новой редакции данной Доктрины [2] в значительной степени пересмотрено содержание понимания информационно-психологического воздействия. В частности, введены такие характеристики, как (пп. 12 и 13):

- направленность на дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в различных регионах мира и приводящего к подрыву суверенитета и нарушению территориальной целостности других государств;

- акцентирование внимания на воздействии на население Российской Федерации путем вовлечения различных общественных организаций (религиозных, этнических, правозащитных и иных), в том числе с использованием информационных технологий;

- увеличение количества информационных материалов, дискредитирующих органы государственной власти РФ в зарубежных СМИ;

- дискриминация российских средств массовой информации и ограничение деятельности отечественных журналистов за рубежом с целью предотвращения распространения информации, содержащей альтернативную официальную западную повестку позиции;

- активизация воздействия на российскую молодежь с целью размывания традиционных для России духовно-нравственных ценностей;

- вовлечение в деятельность против РФ экстремистских и террористических организаций с целью оказания воздействия на население РФ и т. д.

Таким образом, если на первых этапах юридического закрепления понятия «информационная война» его содержание ограничивалось только воздействием в рамках киберпространства, то современное восприятие предполагает более широкое понимание, которое включает в себя применение различно-

го рода актов информационно-психологического воздействия.

Информационная война в отличие от «классической войны», поле боя которой очерчено в пространственном и временном смыслах, может реализовываться как до прямого столкновения сторон, так и во время или по завершению конфликта. При этом противник, реализующий информационно-психологические операции, решает сразу три важнейших задачи:

- снижение готовности населения противника к противостоянию;

- подготовка собственного населения к противостоянию;

- организация населения стран-союзников к совместному участию в военных столкновениях.

По своей сути главной задачей является поражение врага без применения летального оружия. «Война за знания – за то, кому известны ответы на вопросы: что, когда, где и почему и насколько надежными считает отдельно взятое общество или армия свои знания о себе и своих противниках с целью использовать это знание для достижения своей победы» [4, с. 18].

Таким образом, современные информационные войны включают в себя два обязательных направления реализации:

- кибервойна, то есть организация атак на оборудование противника, отвечающее за хранение и обработку информации, что позволит «перехватить» управление важнейшими центрами жизнеобеспечения и повлияет на устойчивость к сопротивлению, как страны в целом, так и его населения в частности;

- воздействие на массовое сознание населения противника путем применения инструментов пропаганды и контрпропаганды, в том числе путем применения технологий «фейковой» войны [5].

Следует прямо указать на то, что главной целью в ходе информационной войны является подчинение сознания населения противника с последующей сменой правящей элиты и подчинения страны собственным интересам. В данном случае следует говорить о применении технологии внедрения определенного стереотипа поведения у целевой аудитории, которая имеет потенциал к реализации свержения действующей власти.

Формирование стереотипов поведения как инструмент информационной войны

Применение технологии стереотипизации является одним из методов пропаганды, позволяющих внедрить в сознании целевой аудитории определенную модель поведения, которая характеризуется управляемостью и предсказуемостью, что в последствие может привести в том числе к полному подчинению населения страны-противника и реализации ее внешнего управления. Реализация процесса стереотипизации предполагает решение следующих задач:

– *определение субъекта стереотипизации* (в условиях информационной войны субъектом выступает лицо, которое в результате соответствующей подготовки становится «агентом влияния» на сознании массовой аудитории, в качестве агента влияния могут выступать общественные деятели, политики, представители творческой элиты, блогеры и т. д.);

– *определение объекта стереотипизации* (в данном случае речь идет о целевой аудитории, на которую оказывается систематическое воздействие. При этом только часть этой аудитории («ядро», которое не превышает 10 %) является наиболее активной и склонной к действиям, на нее направлено основное воздействие, остальная часть аудитории готова к действиям только в качестве вторичной группы);

– *идентификация по принципу «свой – чужой»* (формирование автостереотипов, то есть понимание своего этноса или страны и соотнесение себя с определенными характеристиками, и гетеростереотипов – осознание противопоставления своего народа с населением других стран);

– *определение степени реальности стереотипа* (воздействие на население противника осуществляется путем внедрения в массовое сознание условно верной информации, то есть такой информации, которая содержит в себе элементы истины (как правило, именно эти элементы могут быть проверены представителями целевой аудитории, в то время как информация, которая направлена непосредственно на «поражение» противника, носит ложный характер));

– *повторяемость приписываемых объекту характеристик* (формирование стереотипа поведения предполагает, что его характеристики, которые транслируются субъектом, являются повторяющимися. В противном случае информация носит бессистемный характер и не может стать основанием для формирования устойчивой модели поведения);

– *соответствие ожидаемых аффектов (реакций) целевой аудитории ее культурному коду* (в зависимости от того, какие исторические процессы прошел конкретный народ или страна, у населения возникают различающиеся модели реагирования на происходящие события. В этой связи технологи при реализации информационно-психологических операций по формированию стереотипов опираются на уже сложившиеся у населения модели поведения);

– *управление интенсивностью вызываемого аффекта (реакции)* (в зависимости от длительности проводимой информационно-психологической операции аффект может быть интенсивным (при краткосрочном воздействии) или медиальным (при длительном воздействии). В первом случае задачей, решаемой при проведении операций информационно-психологического воздействия, является достижение ситуативных тактических задач, таких как выступление населения против решений действующей власти. Во втором случае воздействие направлено на достижение институциональных изменений в поведении населения страны. В том числе с целью подготовки социально-психологической основы для ведения длительных боевых действий);

– *организация процесса формирования стереотипа* (при планировании информационно-психологических операций учитывается культурный код населения определенной территории, институциональная среда, а также степень восприимчивости к определенным сигналам и средствам доставки информации).

Формирование стереотипов является важнейшим условием достижения ключевой цели любой информационной войны – обеспечить управляемость целевой аудитории. При этом следует учитывать, что эффективность данных действий находится в прямой зависимости от наличия или отсутствия устойчивой

системы моделей поведения в обществе. Именно по этой причине население стран, находящихся на стадии своего формирования или в переходном периоде, является наиболее подвержено воздействию такого рода, что напрямую угрожает формированию и реализации соответствующей формы государства, а также в целом приводит к возникновению экзистенциальных угроз. В этой связи критически важным становится своевременная организация процесса формирования гражданско-правовой культуры населения как устойчивой модели прогосударственного поведения.

**Направления формирования
гражданско-правовой культуры
молодежи в контексте
информационного противостояния**

Формирование правовой культуры является одним из краеугольных камней реализации принципов правового государства. В этом смысле в чистом виде правовую культуру возможно рассматривать изолировано от политической культуры, однако, в свою очередь, она является составной частью гораздо более сложной конструкции – гражданско-правовой культуры. Следует отметить, что в отечественной науке сложился подход, согласно которому правовая культура рассматривается исключительно в контексте способности граждан осознанно реализовывать правомерное поведение. На наш взгляд, данный подход носит несколько ограниченный характер, поэтому в контексте исследования мы используем более обширное понятие гражданско-правовой культуры, это обусловлено необходимостью рассмотрения моделей поведения как в контексте политических, так и правовых действий и событий.

Понятие «гражданско-правовая культура» находится на стадии научной разработки отечественными исследователями [11]. В нашей работе мы предлагаем понимать данный институт, как совокупность ценностных ориентиров, стереотипов поведения и моделей взаимодействия гражданина и государства на основе осознанного отношения гражданина к реализации политической системы в рамках существующего правового пространства.

Гражданско-правовая культура молодого поколения характеризуется определенной маргинальностью, что связано с недостаточным социальным опытом и высокой степенью идеализации социальных процессов. Кроме того, гражданско-правовая культура молодежи как совокупность ценностных ориентаций и сформировавшихся позиций, представлена в следующих видах [8]:

а) познавательная – молодым людям не хватает знаний о тех или иных политических действиях, призывах, лозунгах и они не могут в полной мере дать правильную оценку политической идее;

б) эффeктивная – сопричастность молодежи к политическим событиям;

в) оценочная – когда для оценки политических действий требуются оценочные критерии.

Важно отметить, что формирование у молодежи гражданско-правовой культуры, гражданственности неразрывно связано с процессом политической социализации, которая закладывает основы базовых знаний, суждений и представлений личности о политике, власти, государстве и т. д. Именно устойчивая система ценностей и стереотипов поведения позволит ограничить влияние информационно-психологических операций на сознание молодежи. Все это требует развития целостной системы формирования гражданско-правовой культуры молодежи как через образовательные учреждения, так и через СМИ, инструменты социальных сетей, системы просветительских мероприятий, сообществ и т. д.

В настоящее время в России отмечается консолидация подходов к формированию гражданско-правовой культуры, что напрямую связано с подписанием Указа Президента РФ, в котором в императивном порядке дан перечень традиционных ценностей [6], а также определением ключевых ценностных доминант поведения россиян по таким группам, как «страна», «государство», «семья», «общество» и «человек» [7]. Таким образом, достигается решение главной задачи формирования гражданско-правовой культуры молодежи – целостность информационного взаимодействия, что ранее отсутствовало в работе с данной целевой аудиторией со стороны отечественных экспертов, однако лежало в основе про-

ведения информационно-психологических операций противоположной стороны.

Формирование целостной системы ценностей позволяет направить усилия государства на выбор наиболее приемлемых и эффективных инструментов воздействия на гражданско-правовую культуру молодежи. Так, применение каждого из инструментов обуславливает решение определенных задач в разных контекстах и особенностях психологического восприятия.

Использование образовательных технологий является наиболее эффективным инструментом при формировании стереотипов поведения, так как направлено на изучение основ гражданско-правового поведения, а также формирования моделей поведения через формирование соответствующих навыков.

В свою очередь, применение просветительских технологий позволяет донести особенно сложную информацию в простой и доступной форме, которая не всегда доступна в рамках образовательного процесса.

Привлечение к данному процессу технологий блогинга и формирование соответствующих сообществ позволяет представителям молодежи реализовать собственные идеи и инициативы, что повышает степень их включенности в государственные процессы.

Выводы

В условиях усиления информационного противостояния на международной арене критически важным для сохранения целостности государства и его суверенитета является его способность сформировать у своего населения соответствующий уровень гражданско-правовой культуры, который позволит противостоять попыткам вмешательства с последующей реализацией технологий, так называемой «мягкой силы», в том числе направленных на изменение текущего политического режима. В данных условиях наиболее подверженной аудиторией является молодежь, поведенческие стереотипы которой находятся на стадии формирования. Кроме того, восприятие молодежью информации характеризуется высокой степенью недоверия, что требует от государства в лице его органов более тща-

тельного подбора средств доставки сигнала и способов формирования моделей поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (ред. от 09.09.2000). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=40613>. – Загл. с экрана.

2. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://rg.ru/documents/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html>. – Загл. с экрана.

3. Лайнбарджер, П. М. А. Психологическая война / П. М. А. Лайнбарджер. – М. : Воениздат, 1962. – 350 с.

4. Ламинина, О. Г. Информационные войны: миф или реальность? / О. Г. Ламинина // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – 2018. – № 1 (25). – С. 17–23.

5. Романова, В. А. Информационная составляющая гибридных войн современности / В. А. Романова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2015. – № 2. – С. 293–299.

6. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/. – Загл. с экрана.

7. Харичев, А. Д. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) / А. Д. Харичев, А. Ю. Шугов, А. В. Полосин, Е. Н. Соколова // Журнал политических исследований. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 9–19.

8. Чекмарев, Э. В. Социально-национальное самосознание как стержень политической культуры молодежи / Э. В. Чекмарев, Е. С. Дорофеева // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2012. – № 1. – С. 226–231.

9. Joint Publication 3-13, Information Operations. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.dtic.mil/doctrine/new_pubs/jr3_13.pdf. – Title from screen.

10. Rona, T. P. Weapon Systems and Information War / T. P. Rona // Boeing Aerospace Co., Seattle, WA, 1976. – 50 p.

11. Shiro, S. Business Activities Using SAAS Technologies: Civil-Law and Tax Peculiarities / S. Shiro, M. Merezhkina, T. Tsytsylyna // Lecture Notes in Networks and Systems. – 2020. – Vol. 111. – P. 653–657.

REFERENCES

1. *Doktrina informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii (red. ot 09.09.2000)* [Information Security Doctrine of the Russian Federation (As Amended on September 9, 2000)]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=40613>

2. *Doktrina informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii. Utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 5 dekabrya 2016 g. № 646* [Information Security Doctrine of the Russian Federation. Approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 646 Dated December 5, 2016]. URL: <https://rg.ru/documents/2016/12/06/doktrina-infobezopasnost-site-dok.html>

3. Lajnbardzher P.M.A. *Psichologicheskaya vojna* [Psychological Warfare]. Moscow, Voenizdat, 1962. 350 p.

4. Laminina O.G. Informacionnye vojny: mifili realnost? [Information Wars: Myth or Reality?]. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo* [Humanitarian Vedomosti TSPU Named After L.N. Tolstoy], 2018, no. 1 (25), pp. 17-23.

5. Romanova V.A. Informacionnaya sostavlyayushchaya gibridnyh vojn sovremennosti [The Information Component of Modern Hybrid Wars]. *Gosudarstvennoe i municipalnoe upravlenie. Uchenye zapiski* [State and Municipal Management], 2015, no. 2, pp. 293-299.

6. *Ukaz Prezidenta RF ot 09.11.2022 g. № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po*

sohraneniyu i ukrepleniyu tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej» [Decree of the President of the Russian Federation No. 809 Dated November 9, 2022 “On the Approval of the Foundations of the State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values”]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/

7. Harichev A.D., Shutov A.Yu., Polosin A.V., Sokolova E.N. Vospriyatие bazovyh cennostej, faktorov i struktur socialno-istoricheskogo razvitiya Rossii (po materialam issledovanij i aprobacii) [Perception of Basic Values, Factors and Structures of Socio-Historical Development of Russia (Based on Research and Testing)]. *Zhurnal politicheskikh issledovanij* [Journal of Policy Studies], 2022, vol. 6, no. 3, pp. 9-19.

8. Chekmaryov E.V., Dorofeeva E.S. Socialno-nacionalnoe samosoznanie kak sterzhen politicheskoy kultury molodezhi [Socio-National Identity as the Core of the Political Culture of Youth]. *Vestnik Povolzhskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby* [Bulletin of the Volga Region Academy of Public Service], 2012, no. 1, pp. 226-231.

9. *Joint Publication 3-13, Information Operations*. URL: http://www.dtic.mil/doctrine/new_pubs/jr3_13.pdf

10. Rona T.P. *Weapon Systems and Information War*. Seattle, WA, Boeing Aerospace Co., 1976. 50 p.

11. Shiro S., Merezhkina M., Tsytsylyna T. Business Activities Using SAAS Technologies: Civil-Law and Tax Peculiarities. *Lecture Notes in Networks and Systems*, 2020, vol. 111, pp. 653-657.

Information About the Authors

Davud A. Davudov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil and Private International Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, dav0587@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1706-6124>

Maria S. Shiro, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of Law and Methods of Teaching Law, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Prosp. Lenina, 27, 400005 Volgograd, Russian Federation, orishmary@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9430-8131>

Информация об авторах

Давуд Ахмедович Давудов, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, dav0587@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1706-6124>

Мария Станиславовна Широ, кандидат экономических наук, доцент кафедры права и методики преподавания права, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, просп. Ленина, 27, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, orishmary@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9430-8131>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.13>

UDC 347
LBC 67.3+74.04

Submitted: 15.11.2023
Accepted: 10.12.2023

**THE HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS
OF THE LEVEL SYSTEM OF HIGHER EDUCATION
IN THE CONTEXT OF THE WITHDRAWAL OF THE RUSSIAN FEDERATION
FROM THE BOLOGNA PROCESS**

Ksenia V. Shubenkova

Volzhsky Branch of the Volgograd State University, Volzhsky, Russian Federation

Karine E. Ignatova

Volzhsky Branch of the Volgograd State University, Volzhsky, Russian Federation

Introduction. Significant changes in approaches to the implementation of the educational process and the establishment of new principles of educational policy are associated with the withdrawal of the Russian Federation from the Bologna process. **Purpose.** To systematize the result obtained and, based on it, formulate proposals for the transition to a new national system in higher education that will take into account the foreign and domestic political challenges facing the state. **Methods.** The methodological framework for the research is based on the general scientific methods of historical and systemic analysis and the comparative law method. **Results.** The historical and legal analysis of the development of the higher education system in Russia has allowed for the identification of the positive and negative aspects of the long-term practice of applying European standards in the field of education. **Conclusion.** The termination of the implementation of the Bologna education system within the territory of the Russian Federation will act as a new impetus for the modernization of the structure of higher education, capable of ensuring rapid economic growth and strengthening public relations in general.

Key words: education, education system, higher education, Bologna process, national education system, national educational policy.

Citation. Shubenkova K.V., Ignatova K.E. The Historical and Legal Analysis of the Level System of Higher Education in the Context of the Withdrawal of the Russian Federation from the Bologna Process. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 103-107. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.13>

УДК 347
ББК 67.3+74.04

Дата поступления статьи: 15.11.2023
Дата принятия статьи: 10.12.2023

**ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
УРОВНЕВОЙ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
В УСЛОВИЯХ ВЫХОДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИЗ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА**

Ксения Владимировна Шубенкова

Волжский филиал Волгоградского государственного университета, г. Волжский, Российская Федерация

Каринэ Эдуардовна Игнатова

Волжский филиал Волгоградского государственного университета, г. Волжский, Российская Федерация

Введение: значительные изменения в подходах к осуществлению образовательного процесса и установлению новых принципов образовательной политики связаны с выходом Российской Федерации из Болон-

ского процесса. **Цель:** систематизировать полученный результат и на его основе сформулировать предложения к переходу к новой национальной системе в сфере высшего образования, которая будет учитывать внешнеполитические и внутривнутриполитические вызовы, стоящие перед государством. **Методы:** методологическую основу исследования составили общенаучные методы – исторический и системный анализ, сравнительно-правовой метод. **Результаты:** проведенный историко-правовой анализ развития системы высшего образования в России позволил определить положительные и отрицательные аспекты многолетней практики применения европейских стандартов в сфере образования. **Вывод:** прекращение реализации на территории Российской Федерации Болонской системы образования выступит новым импульсом для модернизации структуры высшего образования, способной обеспечить стремительный рост экономики и укрепление общественных отношений в целом.

Ключевые слова: образование, система образования, высшее образование, Болонский процесс, национальная система в сфере образования, национальная образовательная политика.

Цитирование. Шубенкова К. В., Игнатова К. Э. Историко-правовой анализ уровневой системы высшего образования в условиях выхода Российской Федерации из Болонского процесса // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 103–107. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.13>

Введение

Зарождение новой отечественной системы высшего образования в конце XX – начале XXI в. связано с формированием интенсивных интеграционных процессов в европейские сообщества. С середины прошлого столетия в условиях нахождения под «железным занавесом» СССР самостоятельно совершенствовал собственную систему образования. Созданная советская образовательная модель обеспечивала гармоничное и динамичное развитие всей образовательной системы, а после распада Союза стала классическим прообразом на всем постсоветском пространстве. Данная система опиралась на традиционные духовные и нравственные ценности, передаваемые из поколения в поколение. Система образования в СССР была достаточно идеологизированной – это позволило разработать и реализовать эффективную национальную образовательную политику, получившую мировое признание.

Значительные изменения в подходах к осуществлению образовательного процесса и установление новых принципов образовательной политики связаны с развитием демократического российского государства и переходом к рыночной экономике. Одобренная Правительством Российской Федерации в декабре 2001 г. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г. запустила механизм интеграции российской системы образования в уже объединенную

европейскую систему. В 2002 г. Министерством образования РФ началось исследование европейского опыта для сближения образовательных систем в высших школах, а в 2003 г. отечественное государство официально стало участником Болонской системы образования, присоединившись к Болонской декларации. С данного периода началась активный процесс трансформации отечественной образовательной системы, который привел к принятию новых образовательных стандартов, устанавливающих обязательный минимум содержания подготовки по различным направлениям и уровням образования. В конце 2012 г. принимается новый Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и процесс реформирования переходит в активную фазу, где преобразованиям подвергается и аспирантура – третья ступень высшего образования.

Почти двадцать лет Российская Федерация адаптировалась к нехарактерной для себя системе образования, возлагая надежды на интеграцию в европейскую систему, которая фактически так и не произошла. В апреле 2022 г. Болонская группа объявила решение прекратить представительство России во всех структурах Болонского процесса. Стоит отметить, что в течение всего периода нахождения Российской Федерации в Болонской системе образования вопрос участия в ней всегда являлся дискуссионным, особенно учитывая, что образование – фундамент для развития и совершенствования всей системы общественных отношений.

Положительные и отрицательные аспекты выхода из Болонского процесса

В сложившейся ситуации следует обозначить плюсы и минусы выхода Российской Федерации из Болонского процесса и перехода на внутригосударственную систему, разработанную на основе национальных потребностей общества. На сегодняшний момент многоуровневая система высшего образования, даже при условии обновления ее конфигурации, не в полной мере удовлетворяет запросы динамично изменяющихся социально-экономических отношений и разнонаправленные образовательные потребности граждан [3].

Мы согласны с позицией ректора МГУ им. М.В. Ломоносова В.А. Садовниченко, который на протяжении всего процесса реформирования отстаивал мнение, что введение многоуровневого образования в России – ошибка: «...Российское образование не экономическая, а культурная ценность, а культура без остатка на деньги не делится...». Кроме того, он отмечал, что копирование других систем просто потому, что они в мире есть, является в большей степени политизацией [4]. В этот период времени российская система в сфере образования начинает терять отличительные национально-культурные черты.

Стоит отметить, что полного интеграционного перехода за прошедшие десятилетия так и не произошло. Например, остался нерешенным вопрос реализуемости системы зачетных единиц. Данная система предполагала внутреннюю мобильность студентов с упором на индивидуальные потребности и самостоятельный выбор траектории обучения. К сожалению, многие высшие учебные заведения не имели должных финансовых ресурсов для ее реализации в полном объеме. Кроме того, как отмечала И.В. Андропова, сформировать академические группы с учетом индивидуальных потребностей студентов, желающих освоить ту или иную дисциплину исходя из критериев системы зачетных единиц, было невозможно из-за существующих нормативных рекомендаций о минимальных по численности человек учебных групп [1].

Внедренная Болонская система образования оказала негативное влияние и на качество получаемого высшего образования. Такое рез-

кое снижение связано с переходом к самостоятельному обучению студентов и увеличению их индивидуальной нагрузки на освоение базовых и вариативных дисциплин, предусмотренных учебным планом. Сокращение аудиторных часов привело к появлению новых вызовов, таких как: неквалифицированные выпускники на рынке труда, имеющие фрагментарные знания, а также отсутствие должных навыков и умений, применяемых в профессиональной деятельности. Высшее учебное заведение при подготовке кадров обязано учитывать потребности российского общества, а не международного сообщества, определяя в качестве основополагающей цели формирование у студента личностных качеств, направленных в первую очередь на укрепление главенствующей роли отечественного государства, закладывая патриотические основы в сознание молодого поколения, поскольку воспитательные и образовательные процессы неразрывно связаны.

Отрицательным аспектом является и значительная бюрократизация образовательного процесса, которая заключается в увеличении документооборота, связанного с оказанием образовательных услуг. Профессорско-преподавательский состав высшей школы ежегодно разрабатывает и актуализирует учебно-методические пособия, рабочие программы, фонды оценочных средств дисциплин, предусмотренных основной образовательной программой направления подготовки, одновременно подготавливая и отчетную документацию в срок, установленный внутренними локальными актами. При этом сокращается значительное количество времени, которое могло быть направлено на научную деятельность, участие в мероприятиях различных уровней, подготовку по их итогам научных статей или тезисов научных докладов. Мы приходим к однозначному выводу о том, что реформирование образовательного процесса, сопряженного с уменьшением научно-инновационного потенциала преподавателей вузов, недопустимо.

Основные принципы государственной политики в сфере образования

Государственная политика и правовое регулирование отношений в сфере образова-

ния основываются на принципах, закрепленных в ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» и устанавливающих в качестве таковых: признание приоритетности образования, обеспечение права каждого человека на образование и недопустимость дискриминации в сфере образования, гуманистический характер образования, единство обучения и воспитания образовательного пространства на территории государства с учетом этнокультурных особенностей и традиций народов России, создание благоприятных условий для интеграции российской системы образования с системами образования других государств на равноправной и взаимовыгодной основе и др. Перечисленные выше принципы, подчеркивают значимость повышения образовательного уровня многонационального населения страны и заинтересованность в этом самого государства. Определяя основные принципы и направления государственной политики в сфере образования, законодатель, в первую очередь, должен руководствоваться внутривнутриполитическими интересами государства, не допуская отмирание традиционных устоев в данной сфере и сохраняя при этом свои уникальные особенности. В этой связи мы предлагаем разработать на федеральном уровне государственную национальную доктрину в сфере образования, устанавливающую стратегию и основные направления образовательной политики в Российской Федерации, которая должна учитывать внутренние и внешние вызовы, выступающие в качестве угроз для устойчивого развития российского общества, и опираться на традиционные духовно-нравственные ценности. На данный момент основной массив нормативных правовых актов в сфере образования составляют приказы профильных министерств и ведомств, что демонстрирует недостаточность в определении важности рассматриваемой сферы.

Вывод

Выход российского государства из Болонского процесса запустил начало нового этапа в формировании собственной системы в сфере образования, где доминирующую позицию должна занимать реализация национальных инте-

ресов. В частности, данный вопрос касается определения нового вектора в работе высших школ, разработке мер повышения конкурентоспособности российских высших учебных заведений, подготавливающих высококвалифицированные кадры для достижения приоритетных государственных задач.

Качество полученного образования демонстрирует уровень развития и стабильности самого государства. Для реализации поставленной задачи предлагается сохранить многоуровневый подход в системе высшего образования, определив следующие уровни и сроки освоения общеобразовательных программ: бакалавриат – срок обучения не более 4 лет для очной формы и не более 5 лет для очно-заочной и заочной форм обучения; специалитет – срок обучения не более 5 лет для очной формы и не более 6 лет для очно-заочной и заочной форм обучения; магистратура – срок обучения не более 2 лет для очной формы обучения и не более 2 лет и 6 месяцев для заочной формы обучения, предусмотрев возможность сокращения срока обучения до 1 года в зависимости от профиля предыдущего уровня образования, а также аспирантура – срок обучения не более 3 лет для очной формы обучения и не более 5 лет для заочной формы обучения.

На данный момент перед отечественным государством стоит задача определить направленность государственной политики в области образования, установив ее как особую линию стратегического планирования жизнедеятельности государства, которая проявляется через взаимодействие органов государственной власти и местного самоуправления, а также общественных институтов в вопросах функционирования и развития системы образования в целом или ее отдельных подсистем [2]. Прекращение реализации на территории Российской Федерации Болонской системы образования должно выступить новым импульсом для модернизации структуры высшего образования, способной обеспечить стремительный рост экономики и укрепление общественных отношений в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андропова, И. В. Болонский процесс как фактор политики реформирования системы высше-

го образования в современной России / И. В. Андропова, Н. В. Лаптева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2020. – Т. 20, № 4. – С. 464–469. – DOI: 10.18500/1818-9601-2020-20-4-464-469

2. Булаев, Н. И. Государственное управление развитием системы отечественного образования : дис. ... д-ра пед. наук / Николай Иванович Булаев. – СПб., 2007. – 390 с.

3. Константинова, Л. В. Переосмысление подходов к уровневой системе высшего образования в России в условиях выхода из Болонского процесса / Л. В. Константинова, А. М. Петров, Д. А. Штыхно // Высшее образование в России. – 2023. – Т. 32, № 2. – С. 9–24. – DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-2-9-24

4. Ректор МГУ: «Мы заменили фундаментальное образование “компетенциями”». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://ruskline.ru/opp/2018/iyul/11/rektor_mgu_my_zamenili_fundamentalnoe_obrazovanie_kompetencyami/. – Загл. с экрана.

vysshego obrazovaniya v sovremennoj Rossii [The Bologna Process as a Factor in the Policy of Reforming the Higher Education System in Modern Russia]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya* [Proceedings of the Saratov University. A New Series. Series: Sociology. Political Science], 2020, vol. 20, no. 4, pp. 464–469. DOI: 10.18500/1818-9601-2020-20-4-464-469

2. Bulaev N.I. *Gosudarstvennoe upravlenie razvitiem sistemy otechestvennogo obrazovaniya: dis. ... d-ra ped. nauk* [State Management of the Development of the National Education System. Cand. ped. sci. abs. diss.]. Saint Peterburg, 2007. 390 p.

3. Konstantinova L.V., Petrov A.M., Shtyhno D.A. Pereosmyslenie podhodov k urovnevoj sisteme vysshego obrazovaniya v Rossii v usloviyah vyhoda iz Bolonskogo processa [Rethinking Approaches to the Level System of Higher Education in Russia in the Conditions of Withdrawal from the Bologna Process]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2023, vol. 32, no. 2, pp. 9–24. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-2-9-24

4. *Rektor MGU: «My zamenili fundamentalnoe obrazovanie “kompetencyami”»* [Rector of Moscow State University: “We Have Replaced Fundamental Education with ‘Competencies’”]. URL: https://ruskline.ru/opp/2018/iyul/11/rektor_mgu_my_zamenili_fundamentalnoe_obrazovanie_kompetencyami/

REFERENCES

1. Andronova I.V., Lapteva N.V. Bolonskij process kak faktor politiki reformirovaniya sistemy

Information About the Authors

Ksenia V. Shubenkova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Jurisprudence, Volzhsky Branch of the Volgograd State University, 40 let Pobedy St, 11, 404133 Volzhsky, Russian Federation, shubenkova34@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2985-298X>

Karine E. Ignatova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Senior Lecturer, Department of Jurisprudence, Volzhsky Branch of the Volgograd State University, 40 let Pobedy St, 11, 404133 Volzhsky, Russian Federation, ignatova_ke@vgi.volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2953-3444>

Информация об авторах

Ксения Владимировна Шубенкова, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, ул. 40 лет Победы, 11, 404133 г. Волжский, Российская Федерация, shubenkova34@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2985-298X>

Каринэ Эдуардовна Игнатова, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры юриспруденции, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, ул. 40 лет Победы, 11, 404133 г. Волжский, Российская Федерация, ignatova_ke@vgi.volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2953-3444>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.14>

UDC 343.535
LBC 65.291.931

Submitted: 02.12.2023
Accepted: 26.12.2023

THE PRINCIPLE OF INDEPENDENT LIABILITY OF A LEGAL ENTITY IN CASE OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY): GENERAL RULES AND EXCEPTIONS

Anton Yu. Sychev

Moscow Regional Branch of the Union of Arbitration Managers “Avangard”, Dolgoprudny, Russian Federation

Introduction. The paper discusses the controversial issues of implementing the principle of independent civil liability for a legal entity, which contributes to maintaining the stability of civil turnover and protecting the rights of creditors in the bankruptcy case of a legal entity. The main positions of the researchers in the context of the problem under consideration, as well as the provisions of the key normative legal acts, are investigated. Special attention is paid to the problem of the absolutization of the principle of independent civil liability of a legal entity in a bankruptcy case. The concept of “piercing corporate veil” in the context of the principles of insolvency (bankruptcy) of legal entities in connection with the problems of holding entities is analyzed. **Methods.** The study used such general scientific methods of scientific cognition as analysis, synthesis, induction, deduction, etc., as well as specific scientific legal methods, namely, formal legal, the method of legal interpretation, etc. **Results.** Based on the analysis of the legislation, doctrinal sources, and law enforcement practice, the point of view on the refutable nature of the presumption of attribution of persons specified in the law to persons controlling the debtor is substantiated. The exceptions to the general rules applied in practice in the implementation of the principle of independent liability of a legal entity in insolvency (bankruptcy) are revealed. The specifics of the implementation of special principles in the bankruptcy case of a legal entity are substantiated. **Conclusions.** Based on the results of the study, the role of both general legal principles and special principles of insolvency (bankruptcy) is determined when law enforcement agencies identify the relationship between legal entities, including at the pre-bankruptcy stage and during the implementation of other bankruptcy procedures.

Key words: insolvency (bankruptcy), liability of a legal entity, creditor, debtor, “corporate veil”, principles of property liability, holding company.

Citation. Sychev A. Yu. The Principle of Independent Liability of a Legal Entity in Case of Insolvency (Bankruptcy): General Rules and Exceptions. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 108-115. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.14>

УДК 343.535
ББК 65.291.931

Дата поступления статьи: 02.12.2023
Дата принятия статьи: 26.12.2023

ПРИНЦИП САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА ПРИ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ): ОБЩИЕ ПРАВИЛА И ИСКЛЮЧЕНИЯ

Антон Юрьевич Сычев

Московский областной филиал САУ «Авангард», г. Долгопрудный, Российская Федерация

Введение: в статье рассмотрены дискуссионные вопросы реализации принципа самостоятельной гражданско-правовой ответственности юридического лица, способствующего поддержанию стабильности гражданского оборота и защите прав кредиторов в деле о банкротстве юридического лица. Исследованы основные позиции исследователей в контексте рассматриваемой проблематики, а также положения ключевых нормативно-правовых актов. Особое внимание уделено проблеме абсолютизации принципа самостоятельной гражданско-правовой ответственности юридического лица в деле о банкротстве. Проанализирована концепция «снятия корпоративной вуали» в контексте принципов несостоятельности (банкротства) юридических лиц во взаимосвязи с проблематикой холдинговых структур. **Методы:** в исследовании были использова-

ны такие общенаучные методы научного познания, как анализ, синтез, индукция, дедукция и пр., а также частнонаучные юридические методы, а именно формально-юридический, метод юридического толкования и др. **Результаты:** на основе анализа законодательства, доктринальных источников и правоприменительной практики обоснована точка зрения об опровержимом характере презумпции отнесения лиц, указанных в законе, к лицам, контролирующим должника. Выявлены применяемые на практике исключения из общих правил при реализации принципа самостоятельной ответственности юридического лица при несостоятельности (банкротстве). Обоснована специфика реализации специальных принципов в деле о банкротстве юридического лица. **Выводы:** по итогам проведенного исследования определена роль как общеправовых принципов, так и специальных принципов несостоятельности (банкротства) при выявлении правоприменительными органами взаимосвязи юридических лиц, в том числе на предбанкротном этапе и в период реализации иных процедур банкротства.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), ответственность юридического лица, кредитор, должник, «корпоративная вуаль», принципы имущественной ответственности, холдинг.

Цитирование. Сычев А. Ю. Принцип самостоятельной ответственности юридического лица при несостоятельности (банкротстве): общие правила и исключения // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 108–115. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.14>

Введение

Принцип самостоятельной гражданско-правовой ответственности юридического лица является одним из ключевых принципов, направленных на поддержание стабильности гражданского оборота в контексте удовлетворения интересов кредиторов. В то же время анализ практики, а также объем подаваемых кредиторами жалоб и обращений кредиторов, свидетельствует о том, что содержание рассматриваемого принципа подвергается изменению, в связи с чем сделать однозначный вывод о его универсальности уже может быть затруднительно.

Так, ранее в юридической доктрине и зарубежной правоприменительной практике существует хрестоматийное правило, которое фактически сводится к абсолютизации самостоятельной ответственности юридического лица по своим обязательствам с одновременной ограниченной ответственностью его участников [8, с. 103–106]. В то же время абсолютизация принципа с практической точки зрения, очевидно, приводила бы к нарушению интересов кредиторов, ведь при недостаточности имущества юридического лица привлечь кого-либо, кроме как юридическое лицо, к ответственности по обязательствам невозможно (например, кредитор в таком случае не сможет привлечь к ответственности контролирующих лиц должника-юридического лица) [13, с. 93; 15, с. 22].

Отечественное законодательство свидетельствует о том, что концепция абсолютиза-

ции не была воспринята (п. 4 ст. 399 ГК РФ). Такой подход с точки зрения соблюдения интересов кредиторов в процедуре банкротства [9, с. 125] заслуживает одобрения. При этом стоит согласиться с исследователями, которые обращают внимание на проблему абсолютизации рассматриваемого принципа недобросовестными должниками, особенно в условиях явной недостаточности имущества и невозможности всем кредиторам в подобных условиях рассчитывать на полное удовлетворение заявленных требований из конкурсной массы [17, с. 32; 24, с. 13].

В данном контексте также следует отметить, что возможность привлечения к субсидиарной ответственности руководителя должника или иных лиц в деле о банкротстве прямо предусмотрена гл. III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве). Однако закрепленный в законе механизм является исключительным с точки зрения восстановления нарушенных прав кредиторов и не может применяться произвольно [16].

Практические вопросы ограниченной ответственности юридического лица в деле о банкротстве

Негативные последствия нарушения принципа, который с определенной долей условности можно назвать принципом «ограниченной» самостоятельности юридического

лица, могут приобретать в правоприменительной практике самый разнообразный характер. Наиболее распространенным противоправным деянием является умаление прав кредиторов путем вывода имущества из конкурсной массы. В то же время невозможность взыскания с юридического лица в процессе банкротства обуславливает привлечение к ответственности лиц, контролирурующих должника [5, с. 12].

В их числе:

- лица, обязанные к ведению (или, что шире – организации ведения) бухгалтерского учета, хранения документов такого учета (финансовой отчетности);

- лица, имеющие статус единоличного исполнительного органа должника (контролирующим должника лицом) при соблюдении ряда условий (наличие факта привлечения к юридической ответственности, размер задолженности, «очередность» кредиторов и т. п.);

- лицо, имеющее статус единоличного исполнительного органа юридического лица, либо не сохранившее (исказившее) информацию, которую обязано было хранить в силу требований закона;

- лицо, имеющее статус единоличного исполнительного органа юридического лица, либо лица с возложением обязанности внесения необходимых сведений в Единый федеральный реестр сведений о фактах деятельности юридических лиц;

- контролирующее лицо, если им (в его пользу, по его указанию) одобрены одна или более сделок должника, что обусловило существенный вред кредиторам.

Законом о банкротстве установлена презумпция наличия статуса лица, контролирующего должника (руководитель должника, управляющая организация должника, ликвидатор должника и т. п.) и права самостоятельно (с заинтересованными лицами) распоряжаться 50 и более процентами голосующих акций акционерного общества (более чем половиной доли уставного капитала общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью и т. п.);

- лицо, которое воспользовалось противоправными деяниями (действиями или бездействиями) лиц, обозначенных в п. 1 ст. 53 ГК РФ.

Более того, суд может признать и иных субъектов лицами, контролирующими долж-

ника (кроме тех, которые владеют менее чем 10 % уставного капитала юридического лица и получают обычный доход, обусловленный таким владением).

Итак, мы имеем опровержимую презумпцию: лицо, участвующее в органах юридического лица, имеет статус контролирующего его лица. Кроме того, руководитель должника может привлекаться к субсидиарной ответственности при игнорировании обязанности подать в суд заявление должника о собственном банкротстве.

При уже начатых анализируемых процедурах должнику вред может быть причинен конкурсным управляющим, иными лицами (совместно или самостоятельно); причем для суда не имеет юридического значения тот факт, что эти лица, например, не могли контролировать юридическое лицо до начала процедур несостоятельности (банкротства) [14].

Возможно, здесь имеет место и специальный принцип особой (внеделиктной) ответственности юридического лица. Стоит согласиться с мнением о том, что деликтная ответственность в анализируемых отношениях не применима и «является излишней»; права кредиторов обеспечивает институт субсидиарной ответственности [3, с. 36].

Очевидно, что в анализируемых процедурах все же имеет исключение из общего правила, то есть общей концепции, которую Е.А. Суханов удачно охарактеризовал как некий «корпоративный щит», как «форму ограничения или исключения имущественной ответственности его учредителей (участников)» [20, с. 10].

Однако этой концепции корреспондирует концепция «снятия корпоративного покрова» (чаще – «корпоративной вуали») [4, с. 3; 10, с. 43] и т. д.

Следует в целом признать справедливость утверждения о том, что процедура «снятия корпоративного покрова» никогда не рассматривалась ни ведущими учеными-правоведами, ни судьями в качестве нормы» [12, с. 13]. Скорее, речь идет о правовом принципе, который не носит универсального характера. Это подтверждают высказывания исследователей о том, что «концепция снятия корпоративной вуали соответствует требованиям справедливости» [6, с. 2] и «доктрину

снятия корпоративной вуали имеет смысл рассматривать в общем контексте борьбы со злоупотреблениями в корпоративных отношениях» [2, с. 125].

Проблемы применения концепции «снятия корпоративной вуали» в холдинговых структурах

Концепция «снятия корпоративной вуали» в контексте принципов несостоятельности (банкротства) юридических лиц связана с очень актуальной проблематикой холдинговых (аффилированных и т. д.) структур.

Некоторые авторы исследуют концепцию «снятия корпоративной вуали» в так называемом «широком смысле» применительно к холдинговым структурам для расширения перечня лиц, обусловивших несостоятельность юридического лица [23, с. 8].

Не вдаваясь подробно в тематику холдинговых структур, отметим два принципиальных, на наш взгляд, момента. Во-первых, закрепить понятие «холдинг», «концерн» и т. п. в законодательстве пытались давно. Законодатель, закрепляя в корпоративном законодательстве термин «иные связи», по сути, подтверждал невозможность выявить их и обеспечить правовое регулирование; соответственно, от этой терминологии, как, впрочем, и самой идеи «урегулировать холдинги» отказались (за отдельными исключениями типа банковских холдингов [21]). Однако соответствующие попытки продолжают иметь место, о чем свидетельствует принятый в 2023 г. закон, содержащий категорию «экономически значимой организации» [22].

Во-вторых, именно в таких группах (условно назовем их холдинговые структуры) происходит наибольшее количество противоправных деяний и фактов нарушений прав как кредиторов, так и должников в процессе использования процедур несостоятельности (банкротства).

В целом отсутствие «универсальной» дефиниции холдинг (концерн и т. п.) не препятствует правоприменительным органам выявлять взаимосвязь юридических лиц, в том числе на «предбанкротном» этапе и в период реализации анализируемых процедур. Разрешать эту задачу во многом помогает исполь-

зование как общеправовых принципов, так и специальных принципов несостоятельности (банкротства) [23, с. 10; 1, с. 103].

Целесообразность выделения и использования в процедурах несостоятельности (банкротства) принципа ограниченной самостоятельности юридического лица прямо или косвенно подтверждают многие ученые, когда, например, констатируют, невозможность абсолютизации этой самостоятельности, а также ориентир на эту установку в случаях преобладающего участия «головной» структуры в уставном капитале дочернего общества [13, с. 104].

Заслуживают внимания и иные специальные принципы, например принцип вины. Законодательно закреплено, что в случае несостоятельности (банкротства) дочернего общества по вине основного хозяйственного общества (товарищества) последнее несет субсидиарную ответственность по его долгам.

Впрочем, далеко не все исследователи разделяют эту позицию, отмечая, что принцип вины в процессе привлечения к субсидиарной ответственности далеко не всегда может быть обоснованно применен (сложно доказать причинно-следственную связь между виновными действиями основного общества и появлением признаков несостоятельности у дочернего и т. п.) [11, с. 10].

В холдинговых структурах (еще раз подчеркнем условность такого наименования) применение, например, принципа вины приобретает особое значение. В частности, де факто в такой структуре может иметь место несколько единоличных исполнительных органов. Относительно их ответственности в правоприменительной практике сформировались позиции, по смыслу которых, во-первых, директора солидарно несут субсидиарную ответственность в случае закрепления этого в учредительных документах, и во-вторых, не подлежит распределению обязанность по подаче заявления о банкротстве (это всегда общая компетенция директоров, ею не может быть наделен только один директор) [16].

В то же время анализ законодательства свидетельствует о том, что даже с учетом наличия как общих, так и специальных принципов, которых необходимо придерживаться в рамках процедуры банкротства, вопросы о реализации такой процедуры в отношении членов

предпринимательской группы или ее самой урегулированы недостаточно, что порождает дискуссии в доктрине о правосубъектности и конкурентоспособности предпринимательской группы в делах о банкротстве» [7, с. 29].

В этом плане исследователи акцентируют внимание на вопросе о наличии у холдинга (предпринимательской группы и т. п.) так называемой «частичной правосубъектности» при реализации процедур несостоятельности (банкротства) [18, с. 114]. Впрочем, такой подход, очевидно, имеет небесспорный характер [19, с. 41].

В заключение отметим, что некоторые авторы выделяют и другие взаимосвязанные принципы несостоятельности (банкротства) применительно к анализируемым группам юридических лиц (холдинги, предпринимательские группы и т. п.):

- приоритета реабилитационных процедур;
- презумпции единства имущества и имущественных прав холдинга (предпринимательской группы);
- презумпции единства обязательств;
- недопустимости совместной несостоятельности (банкротства) физического лица и анализируемой группы и др. [7, с. 34].

Выводы

Итак, спорные аспекты абсолютизации принципа самостоятельной ответственности юридического лица, в том числе при реализации процедур несостоятельности (банкротства) представляются нам достаточно очевидными. Понимание юридического лица как абсолютно самостоятельного субъекта с исключительно ограниченной ответственностью может нарушить права кредиторов (например, лишит возможности возложить на контролирующих лиц ответственность по его обязательствам). Такая концепция «абсолютизации», соответственно, не была воспринята российским законодателем. Не вдаваясь подробно в тематику холдинговых структур, мы отметили в статье два принципиальных, на наш взгляд, момента. Во-первых, закрепить понятие «холдинг», «концерн» и т. п. в законодательстве пытались давно, но от идеи, «урегулировать холдинги» отказались (за отдельными исключениями типа банковских холдингов).

Однако соответствующие попытки продолжают иметь место, о чем свидетельствует принятый в 2023 г. закон, содержащий категорию «экономически значимой организации». Во-вторых, именно в таких группах (условно назовем их холдинговые структуры) происходит наибольшее количество противоправных деяний и фактов умаления прав как кредиторов, так и должников в процессе использования процедур несостоятельности (банкротства).

В целом отсутствие «универсальной» дефиниции понятий холдинг, концерн и т. п. не препятствует правоприменительным органам выявлять взаимосвязь юридических лиц, в том числе на «предбанкротном» этапе и в период реализации анализируемых процедур. Разрешать эту задачу во многом помогает использование как общеправовых принципов, так и специальных принципов несостоятельности (банкротства).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артемова, А. Н. Фиктивная сущность юридического лица как основание для применения доктрины «снятия корпоративной вуали» / А. Н. Артемова // Российский юридический журнал. – 2018. – № 1. – С. 101–107.
2. Будылин, С. Л. Срывая покровы. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России / С. Л. Будылин, Ю. Л. Иванец // Вестник ВАС РФ. – 2013. – № 7. – С. 80–125.
3. Гутников, О. В. Основания разработки категории корпоративной ответственности в гражданском праве / О. В. Гутников // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 4. – С. 4–30.
4. Гутников, О. В. Ответственность перед кредиторами в корпоративных отношениях: тенденции и перспективы развития правовых норм / О. В. Гутников // Журнал российского права. – 2014. – № 7. – С. 3–4.
5. Законодательство о банкротстве: преемственность и новации : монография / П. Р. Абдуллаева [и др.] ; отв. ред. С. А. Карелина, И. В. Фролов. – М. : Юстицинформ, 2023. – 348 с.
6. Золотарева, А. Б. Отечественный законодатель срывает корпоративную вуаль / А. Б. Золотарева // Право и экономика. – 2015. – № 2. – С. 29–34.
7. Иванова, Д. О. О принципе конкурентоспособности предпринимательской группы применительно к доктрине банкротного права / Д. О. Иванова // Предпринимательское право. – 2023. – № 2. – С. 27–35.

8. Кибенко, Е. Р. Корпоративное право Великобритании. Законодательство. Прецеденты. Комментарии / Е. Р. Кибенко. – Киев : Юстиниан, 2003. – 363 с.

9. Казаченок, С. Ю. Правовые вопросы погашения требований конкурсных кредиторов в контексте реформирования Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» / С. Ю. Казаченок // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 122–128. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.17>

10. Колонтаевская, И. Ф. Проблемы взаимодействия корпоративного права России и зарубежных стран. Доктрина «снятия корпоративной вуали» / И. Ф. Колонтаевская // *Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2, Юридические науки*. – 2014. – № 3. – С. 43–48.

11. Лихтер, П. Л. Проникающая (объединяющая) ответственность в свете коллизий принципов гражданского права / П. Л. Лихтер // *Российская юстиция*. – 2019. – № 6. – С. 8–10.

12. Ломакин, Д. В. Концепция снятия корпоративного покрова: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ / Д. В. Ломакин // *Вестник ВАС РФ*. – 2012. – № 9. – С. 6–33.

13. Ломакин, Д. В. Принцип самостоятельной ответственности юридического лица: правило и исключения / Д. В. Ломакин // *Вестник гражданского права*. – 2020. – № 1. – С. 93–110.

14. Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2022 г., утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2023 // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. – 2023. – № 6.

15. Пархоменко, А. Д. Субсидиарная ответственность как механизм противодействия злоупотреблению конструкцией юридического лица / А. Д. Пархоменко // *Российский судья*. – 2022. – № 5. – С. 21–24.

16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. – 2018. – № 3.

17. Сапрыкин, А. А. К вопросу о конкурсной способности предпринимательской группы / А. А. Сапрыкин // *Вестник арбитражной практики*. – 2022. – № 5. – С. 28–40.

18. Сеньшин, А. Е. Правосубъектность предпринимательских групп в правоотношениях несостоятельности (банкротства) / А. Е. Сеньшин // *Актуальные проблемы российского права*. – 2022. – № 8. – С. 111–117.

19. Славич, М. А. Множественность лиц на стороне должника в делах о несостоятельности (банкротстве) застройщиков / М. А. Славич // *Юрист*. – 2021. – № 5. – С. 37–42.

20. Суханов, Е. А. Сравнительное корпоративное право / Е. А. Суханов. – М. : Статут, 2014. – 454 с.

21. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // *Российская газета*. – 1996. – № 27.

22. Федеральный закон от 04.08.2023 № 470-ФЗ «Об особенностях регулирования корпоративных отношений в хозяйственных обществах, являющихся экономически значимыми организациями» // *Российская газета*. – 2023. – № 175.

23. Филатова, У. Б. Доктрина «снятия корпоративной вуали»: некоторые аспекты применения / У. Б. Филатова, О. В. Горбач // *Гражданское право*. – 2019. – № 1. – С. 7–10.

24. Эрлих, М. Е. конфликт интересов в процессе несостоятельности (банкротства): правовые средства разрешения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Эрлих Маргарита Евгеньевна. – М., 2012. – 23 с.

REFERENCES

1. Artemova A.N. Fiktivnaya sushchnost yuridicheskogo lica kak osnovanie dlya primeneniya doktriny «snyatiya korporativnoj vuali» [Fictitious Essence of a Legal Entity as a Basis for the Application of the Doctrine of “Lifting the Corporate Veil”]. *Rossiiskij yuridicheskij zhurnal* [Russian Law Journal], 2018, no. 1, pp. 101-107.

2. Budylin S.L., Ivanec Y.L. Sryvaya pokrovy. Doktrina snyatiya korporativnoj vuali v zarubezhnyh stranah i v Rossii [Tearing off the Veil. The Doctrine of Removing the Corporate Veil in Foreign Countries and in Russia]. *Vestnik VAS RF*, 2013, no. 7, pp. 80-125.

3. Gutnikov O.V. Osnovaniya razrabotki kategorii korporativnoj otvetstvennosti v grazhdanskom prave [Grounds for the Development of the Category of Corporate Responsibility in Civil Law]. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Pravo. Journal of the Higher School of Economics], 2019, no. 4, pp. 4-30.

4. Gutnikov O.V. Otvetstvennost pered kreditorami v korporativnyh otnosheniyah: tendencii i perspektivy razvitiya pravovyh norm [Liability to Creditors in Corporate Relations: Trends and Prospects for the Development of Legal Norms]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2014, no. 7, pp. 3-4.

5. Abdullaeva P.R., Bandurina N.V., Voronina Yu.M. et al. *Zakonodatelstvo o bankrotstve: preemstvennost i novacii: monografiya* [Legislation on Bankruptcy: Continuity and Innovations. Monograph]. Moscow, Yusticinform Publ., 2023. 348 p.

6. Zolotareva A.B. Otechestvennyj zakonodatel sryvaet korporativnuyu vual [Domestic Legislator Tears off the Corporate Veil]. *Pravo i ekonomika* [Law and Economics], 2015, no. 2, pp. 29-34.

7. Ivanova D.O. O principe konkursosposobnosti predprinimatelskoj grupy primenitelno k doktrine bankrotnogo prava [On the Principle of Competitiveness of an Entrepreneurial Group in Relation to the Doctrine of Bankruptcy Law]. *Predprinimatelskoe pravo* [Entrepreneurial Law], 2023, no. 2, pp. 27-35.

8. Kibenko E.R. *Korporativnoe pravo Velikobritanii. Zakonodatelstvo. Precedenty. Kommentarii* [Corporate Law of Great Britain. Legislation. Precedents. Comments]. Kiev, Yustinian Publ., 2003. 363 p.

9. Kazachenok S.Yu. Pravovye voprosy pogasheniya trebovanij konkursnyh kreditorov v kontekste reformirovaniya Federalnogo zakona «O nesostoyatelnosti (bankrotstve)» [Legal Issues of Repayment of Claims of Bankrupt Creditors in the Context of Reforming the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)”]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2022, vol. 21, no. 1, pp. 122-128. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.17>

10. Kolontaevskaya I.F. Problemy vzaimodejstviya korporativnogo prava Rossii i zarubezhnyh stran. Doktrina «snyatiya korporativnoj vuali» [Problems of Interaction Between Corporate Law of Russia and Foreign Countries. The Doctrine of “Lifting the Corporate Veil”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S.Yu. Vitte. Seriya 2, Yuridicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow University Named After S.Yu. Witte. Series 2: Legal Sciences], 2014, no. 3, pp. 43-48.

11. Lihter P.L. Pronikayushchaya (obyedinyayushchaya) otvetstvennost v svete kollizij principov grazhdanskogo prava [Penetrating (Unifying) Responsibility in the Light of Conflicts of Principles of Civil Law]. *Rossiyskaya yusticiya* [Russian Justice], 2019, no. 6, pp. 8-10.

12. Lomakin D.V. Konceptsiya snyatiya korporativnogo pokrova: realizaciya ee osnovnyh polozhenij v dejstvuyushchem zakonodatelstve i proekte izmenenij Grazhdanskogo kodeksa RF [The Concept of Removing the Corporate Veil: Realization of Its Main Provisions in the Current Legislation and Draft Amendments to the Civil Code of the Russian Federation]. *Vestnik VAS RF*, 2012, no. 9, pp. 6-33.

13. Lomakin D.V. Princip samostoyatelnoj otvetstvennosti yuridicheskogo lica: pravilo i isklyucheniya [The Principle of Independent Responsibility of a Legal Entity: The Rule and Exceptions]. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Vestnik of Civil Law], 2020, no. 1, pp. 93-110.

14. Obzor sudebnoj praktiki razresheniya sporov o nesostoyatelnosti (bankrotstve) za 2022 g., utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 26.04.2023 [Review of Judicial Practice of Resolving Disputes on Insolvency (Bankruptcy) for 2022, Approved by the

Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 26.04.2023]. *Byulleten Verhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2023, no. 6.

15. Parhomenko A.D. Subsidiarnaya otvetstvennost kak mekhanizm protivodejstviya zloupotrebleniyu konstrukciej yuridicheskogo lica [Subsidiary Responsibility as a Mechanism to Counteract the Abuse of the Construction of a Legal Entity]. *Rossiyskij sudya* [Russian Judge], 2022, no. 5, pp. 21-24.

16. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 21.12.2017 № 53 «O nekotoryh voprosah, svyazannyh s privlecheniem kontroliruyushchih dolzhnika lic k otvetstvennosti pri bankrotstve» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 21.12.2017 No. 53 “On Some Issues Related to Bringing the Persons Controlling the Debtor to Liability in Bankruptcy”]. *Byulleten Verhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2018, no. 3.

17. Saprykin A.A. K voprosu o konkursosposobnosti predprinimatelskoj grupy [To the Issue of Competitiveness of an Entrepreneurial Group]. *Vestnik arbitrazhnoj praktiki* [Bulletin of Arbitration Practice], 2022, no. 5, pp. 28-40.

18. Senshin A.E. Pravosubyektnost predprinimatelskih grupp v pravootnosheniyah nesostoyatelnosti (bankrotstva) [Legal Personality of Entrepreneurial Groups in Legal Relations of Insolvency (Bankruptcy)]. *Aktualnye problemy rossijskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2022, no. 8, pp. 111-117.

19. Slavich M.A. Mnozhestvennost lic na storone dolzhnika v delah o nesostoyatelnosti (bankrotstve) zastroyshchikov [Plurality of Persons on the Side of the Debtor in Cases of Insolvency (Bankruptcy) of Developers]. *Jurist*, 2021, no. 5, pp. 37-42.

20. Suhanov E.A. *Sravnitelnoe korporativnoe pravo* [Comparative Corporate Law]. Moscow, Statut Publ., 2014. 454 p.

21. Federalnyj zakon ot 02.12.1990 № 395-1 «O bankah i bankovskoj deyatelnosti» [Federal Law of 02.12.1990 № 395-1 “On Banks and Banking Activity”]. *Rossiyskaya gazeta*, 1996, no. 27.

22. Federalnyj zakon ot 04.08.2023 № 470-FZ «Ob osobennostyah regulirovaniya korporativnyh otnoshenij v hozyajstvennyh obshchestvah, yavlyayushchihsya ekonomicheski znachimymi organizacijami» [Federal Law of 04.08.2023 No. 470-FZ, “On the Peculiarities of Regulation of Corporate Relations in Economic Societies That Are Economically Significant Organizations”]. *Rossiyskaya gazeta*, 2023, no. 175.

23. Filatova U.B., Gorbach O.V. Doktrina «snyatiya korporativnoj vuali»: nekotorye aspekty primeniya [The Doctrine of “Lifting the Corporate

Veil”: Some Aspects of Application]. *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law], 2019, no. 1, pp. 7-10.

24. Erlih M.E. *Konflikt interesov v processe nesostoyatelnosti (bankrotstva): pravovye sredstva*

razresheniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Conflict of Interests in the Process of Insolvency (Bankruptcy): Legal Means of Resolution. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow, 2012. 23 p.

Information About the Author

Anton Yu. Sychev, Head of the Moscow Regional Branch of the Union of Arbitration Managers “Avangard”, Prosp. Likhachevsky, 31a, 141707 Dolgoprudny, Russian Federation, sychev_anton83@list.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2444-5891>

Информация об авторе

Антон Юрьевич Сычев, руководитель, Московский областной филиал САУ «Авангард», просп. Лихачевский, 31а, 141707 г. Долгопрудный, Российская Федерация, sychev_anton83@list.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2444-5891>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.15>

UDC 343
LBC 67

Submitted: 01.02.2022
Accepted: 20.03.2022

THE CONVERSION OF CRYPTOCURRENCIES INTO THE INCOME OF THE RUSSIAN FEDERATION: AN OVERVIEW OF THE FIRST PRACTICE

Luong Chung Kien

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Introduction. The author draws attention to the emerging practice of recognizing cryptocurrency as property and converting it into the income of the Russian Federation. The **purpose** of the study was to identify the features of emerging practice and develop recommendations for further development of law enforcement practice. As part of the study, the author solved a number of tasks, namely, establishing which decisions the preliminary investigation body had allowed to foreclose on cryptocurrency as well as which indirect circumstances had influenced the effectiveness of the preliminary investigation. As part of the study, the author used the **method** of analyzing law enforcement practice. The author came to the **conclusion** that the effectiveness of the work of the preliminary investigation bodies in terms of the subsequent conversion of cryptocurrency into the income of the Russian Federation largely depended on the efficiency of decision-making, the application of professional knowledge about digital currency, and the competent building of a dialogue with the suspect and witnesses.

Key words: cryptocurrency, property, conversion into the income of the Russian Federation, preliminary investigation, bitcoin, digital currency, professional knowledge.

Citation. Luong Chung Kien. The Conversion of Cryptocurrencies into the Income of the Russian Federation: An Overview of the First Practice. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 116-120. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.15>

УДК 343
ББК 67

Дата поступления статьи: 01.02.2022
Дата принятия статьи: 20.03.2022

ОБРАЩЕНИЕ КРИПТОВАЛЮТЫ В ДОХОД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОБЗОР ПЕРВОЙ ПРАКТИКИ

Льонг Чунг Киен

Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: автором обращено внимание на формирующуюся практику признания криптовалюты имуществом и обращение ее в доход Российской Федерации. **Целью** настоящего исследования стало выявление особенностей формирующейся практики и выработка рекомендаций для дальнейшего развития правоприменительной практики. Для ее достижения был выполнен ряд задач, а именно установлено, какие решения органа предварительного расследования позволили обратить взыскание на криптовалюту, также какие косвенные обстоятельства повлияли на эффективность предварительного расследования. В ходе исследования автор использовал **метод** анализа правоприменительной практики. Автор пришел к **выводу**, что эффективность работы органов предварительного расследования в части последующего обращения криптовалюты в доход Российской Федерации во многом зависит от оперативности принятия решений, применения профессиональных знаний о цифровой валюте, грамотного выстраивания диалога с подозреваемым и свидетелями.

Ключевые слова: криптовалюта, имущество, обращение в доход Российской Федерации, предварительное расследование, биткоин, цифровая валюта, профессиональные знания.

Цитирование. Льонг Чунг Киен. Обращение криптовалюты в доход Российской Федерации: обзор первой практики // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 116–120. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.15>

Введение

В 2023 г. начался новый этап по признанию криптовалюты имуществом. Стала формироваться практика по обращению криптовалюты в доход государства при совершении лицом противоправного деяния. Это событие можно назвать поистине историческим, правоприменительная практика в отсутствие исчерпывающего регулирования криптовалютной сферы проталкивает новый путь, создавая задел на годы вперед.

Речь пойдет об одном резонансном деле [5], рассмотрение которого 28.09.2023 завершено в суде апелляционной инстанции [1].

Фабула дела

Руководитель следственного отдела по Тверскому району г. Москвы, М. Тамбиев, используя служебное положение, имел намерение получить взятку с подозреваемых по уголовному делу, находящемуся в производстве его подчиненного. В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий М. Тамбиев был задержан с поличным.

В ходе дальнейшего расследования преступной деятельности М. Тамбиева были проведены следственные действия, в результате чего изъят ноутбук, в котором обнаружены файлы, содержащие SEED-фразы, предназначенные для резервного доступа к криптокошельку. Проведенная экспертиза подтвердила факт принадлежности криптокошелька М. Тамбиеву. Было доказано, что криптовалюта в размере 1032.1 BTC (свыше 1,6 млрд руб.), хранящаяся на указанном криптокошельке, была получена незаконно.

Ввиду того, что М. Тамбиев получил указанные доходы за счет занимаемой им должности, Первый заместитель Генерального прокурора Российской Федерации в интересах Российской Федерации подал гражданский иск в Никулинский районный суд г. Москвы об обращении в доход Российской Федерации цифровой валюты «биткоин».

Решение Никулинского районного суда по делу № 33-39520/2023 (2-3411/23) было вынесено 19.06.2023, и требования представителя Генеральной прокуратуры были удовлетворены. Позднее, 28.09.2023, Московский городской суд оставил данное решение без изменения.

Особенности первой практики

Ключевыми, новаторскими моментами, которые необходимо выделить из данной уникальной практики, являются следующие.

Во-первых, решение об обращении криптовалюты в доход государства было принято в рамках гражданского производства.

Во-вторых, Постановлением Басманного суда г. Москвы от 17.11.2022 на цифровой актив, фигурирующий в деле исследуемого Решения Никулинского суда, криптовалюту, был наложен арест. Соответственно, дело М. Тамбиева стало уникальным в части того, что применение ст. 115 УПК РФ стало возможным в отношении цифровой валюты. Нельзя не признать особенность данного события, так как цифровая платформа, как оператор информационной системы, где хранилось незаконно полученное имущество, не являлась участником и посредником в реализации взыскания.

В-третьих, в отсутствие четких регламентов, процедур и инструкций о порядке ареста криптовалюты следственный орган с разрешения суда путем проведения четких и последовательных операций смог наложить арест на криптовалюту. В данном примере арест был наложен «путем изъятия и перевода на электронный адрес криптокошелька... находящегося на аппаратном кошельке для криптовалют <...>». В тот же день следователем осуществлен перевод криптовалюты на названный адрес, после чего аппаратный кошелек с ключами доступа к криптокошельку помещен в камеру хранения вещественных доказательств СК России» [2]. Данный пример, безусловно войдет в историю и станет показательным для последующей разработки инструкций и регламентов по аресту цифровых активов для органов предварительного расследования.

В-четвертых, возможность обращения взыскания на криптовалюту была реализована благодаря тому, что Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» признал, что криптовалюта является имуществом для целей следующих федеральных законов:

– Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, по-

лученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ;

– Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ;

– Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ;

– Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ.

В деле М. Тамбиева имелось нарушение антикоррупционного законодательства, в связи с этим стало возможным признание средств, содержащихся на криптовалютном счету, криптовалюты, биткоинов (BTC), имуществом.

Нельзя не отметить в данном деле случайное и удачное для органов предварительного расследования стечение обстоятельств, которое позволило в итоге обратить незаконно полученное имущество в доход государства.

Первое – это то, что злоумышленник, будучи государственным служащим, раскрывал информацию о своем имуществе. Данные, содержащие явное несоответствие доходам М. Тамбиева, и послужили поводом для проведения проверки соблюдения антикоррупционного законодательства.

Второе – это то, что файлы, содержащие коды для доступа к криптокошельку, хранились у злоумышленника на личном компьютере. Если бы источником для хранения данных кодов выступал какой-то другой носитель, о котором не было бы известно органам предварительного расследования, то вероятность ареста криптовалюты и дальнейшее ее обращение в доход Российской Федерации были бы невозможны.

Третье – это то, что проведенные следственные действия позволили своевременно и оперативно предотвратить вывод подозреваемым средств с криптокошелька.

Четвертое – это то, что на стадии предварительного расследования следователем было поручено производство судебной компьютерно-технической экспертизы. Привлечение эксперта на данном этапе расследования уголовного дела позволило установить принадлежность криптокошелька М. Тамбиеву, что стало важным обстоятельством в сборе доказательственной базы.

Выводы

Ознакомление с исследуемым Решением Никулинского районного суда г. Москвы

позволило сделать ряд важнейших для будущего развития правоприменительной практики и законотворчества выводов:

1. По-прежнему невероятно сложно установить принадлежность криптокошелька конкретному лицу, ввиду таких характеристик криптовалюты как анонимность и децентрализованность. В одной из статей исследователей отмечено, что «основное отличие криптовалют от денег – способ их возникновения» [4], в связи с этим важно на этапе предварительного расследования привлекать экспертов, обладающих глубокими профессиональными познаниями, которые по ряду технических показателей электронных устройств подозреваемого смогут найти прямое или косвенное подтверждение наличия у него цифровой валюты. Вместе с тем и сами органы предварительного расследования должны обладать определенными навыками, хотя бы базовым пониманием того, что такое криптовалюта, знанием ее правовой природы, законодательных основ оборота.

2. Нельзя не отметить, что проведение следственных действий требует оперативности, так как существует вероятность того, что подозреваемый исключит возможность доступа органов предварительного расследования к информации о существовании у него цифровых активов. В связи с этим важно максимально быстро установить технические устройства, к которым имел постоянный доступ подозреваемый, для установления следов имущества в виде цифровой валюты. Малейшее промедление со стороны следствия позволит злоумышленнику скрыть свои криптоактивы, и дальнейший поиск и обращение на них взыскания станут абсолютно невозможными.

3. По-прежнему эффективным инструментом для достижения максимального результата в деле компенсации ущерба, причиненного незаконной деятельностью злоумышленника, будет являться установление с начальных этапов работы лояльного взаимодействия подозреваемого со следствием. В ходе предварительного расследования дел, по которым требуется возмещение ущерба потерпевшим или взыскание имущества в доход Российской Федерации, особое внимание стоит уделить выяснению того, обладает ли подозреваемый какими-либо познаниями в сфе-

ре оборота криптовалюты, провести работу со свидетелями, родственниками на предмет выяснения наличия знаний и заинтересованности у подозреваемого цифровой валютой, криптовалютой.

Дело М. Тамбиева должно послужить толчком и мотивацией для правоприменительной, судебной системы для развития познаний о криптовалюте, так как эта сфера стремительно развивается [3, с. 411] и масштабы преступной деятельности с использованием криптовалюты с каждым днем в разы увеличиваются, что подтверждается появлением все новых уголовных дел с участием цифровой валюты [6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Определение Московского городского суда от 28.09.2023 по делу № 33-39520/2023. УИД 77RS0018-02-2023-001858-50 // Информация по судебным делам Официального портала судов общей юрисдикции. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/8d1ecc00-4575-11ee-810f-bb1febfff3d>. – Загл. с экрана.

2. Решение Никулинского районного суда города Москвы от 19.06.2023 по делу № 2-3411/23. УИД 77RS0018-02-2023-001858-50 // Информация по судебным делам Официального портала судов общей юрисдикции. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://mos-gorsud.ru/rs/nikulinskij/services/cases/civil/details/45334a60-a93a-11ed-8e8f-e135a71a1613?participant=%D0%A2%D0%B0%D0%BC%D0%B1%D0%B8%D0%B5%D0%B2&ref=svtv.org>. – Загл. с экрана.

3. Коренная, А. А. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений / А. А. Коренная, Н. В. Тыдыкова // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – № 3. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriptovalyuta-kak-predmet-i-sredstvo-soversheniya-prestupleniy>. – Загл. с экрана.

4. Соловьева, Е. От признания до отрицания: как суды решают дела с криптовалютой / Е. Соловьева // Портал Право.РУ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://pravo.ru/story/239374/>. – Загл. с экрана.

5. У бывшего следователя столичного СК конфисковали биткойны на ₽2,2 млрд // РБК. – 2023. – 19 июня. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/19/06/2023/64906a329a79477fa147ba9b>. – Загл. с экрана.

6. ФСБ задержала двух полицейских за хищение биткойнов у задержанного // РБК. – 2023. – 7 сент. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/07/09/2023/64f981d19a7947c21ff47d21>. – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. Opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 28.09.2023 po delu № 33-39520/2023. UID 77RS0018-02-2023-001858-50 [Ruling of the Moscow City Court Dated September 28, 2023 in Case No. 33-39520/2023. UID 77RS0018-02-2023-001858-50]. *Informacija po sudebnym delam Oficialnogo portala sudov obshhej jurisdikcii* [Information on Court Cases of the Official Portal of Courts of General Jurisdiction]. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/8d1ecc00-4575-11ee-810f-bb1febfff3d>

2. Reshenie Nikulinskogo rajonnogo suda goroda Moskvy ot 19.06.2023 po delu № 2-3411/23. UID 77RS0018-02-2023-001858-50 [Decision of the Court of the Nikulinsky District of the City of Moscow Dated June 19, 2023 in Case No. 2-3411/23. UID 77RS0018-02-2023-001858-50]. *Informacija po sudebnym delam Oficialnogo portala sudov obshhej jurisdikcii* [Information on Court Cases of the Official Portal of Courts of General Jurisdiction]. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/nikulinskij/services/cases/civil/details/45334a60-a93a-11ed-8e8f-e135a71a1613?participant=%D0%A2%D0%B0%D0%BC%D0%B1%D0%B8%D0%B5%D0%B2&ref=svtv.org>

3. Korennaja A.A., Tydykova N.V. Kriptoaljuta kak predmet i sredstvo sovershenija prestuplenij [Crypto Currency as an Object and Instrument of Committing Crimes]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal* [Russian Journal of Criminology], 2019, no. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriptovalyuta-kak-predmet-i-sredstvo-soversheniya-prestupleniy>

4. Solovyeva E. Ot priznaniya do otricanija: kak sudy reshajut dela s kriptoaljutoj [From Recognition to Denial: How Courts Decide Cases with Cryptocurrency]. *Portal Pravo.RU*. URL: <https://pravo.ru/story/239374/>

5. U byvshego sledovatelja stolichnogo SK konfiskovali bitkoiny na 2,2 mlrd [Former Investigator of the Moscow Investigative Committee's Bitcoins Worth 2.2 Billion Rubles Confiscated]. *RBC*, 2023, 19 June. URL: <https://www.rbc.ru/society/19/06/2023/64906a329a79477fa147ba9b>

6. FSB zaderzhala dvuh policejskikh za hishhenie bitkoinov u zaderzhannogo [FSB Detains Two Police Officers for Stealing Bitcoins from a Detained Individual]. *RBC*, 2023, 7 September. URL: <https://www.rbc.ru/society/07/09/2023/64f981d19a7947c21ff47d21>

Information About the Author

Luong Chung Kien, Junior Scientific Assistant, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Istoricheskaya St, 130, 400089 Volgograd, Russian Federation, luongtrungkien0107@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0561-666X>

Информация об авторе

Льонг Чунг Киен, адъюнкт адъюнктуры, Волгоградская академия МВД России, ул. Историческая, 130, 400089 г. Волгоград, Российская Федерация, luongtrungkien0107@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0561-666X>

www.volsu.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.16>

UDC 351.764
LBC 67.408

Submitted: 29.08.2023
Accepted: 23.09.2023

PROSTITUTION AND THE PROVISION OF SEXUAL SERVICES: TOPICAL REGULATORY ISSUES IN THE WORLD AND IN RUSSIA

Ivan N. Arkhiptsev

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation

Alexander V. Sarychev

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation

Kirill E. Kuzmin

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation

Introduction. In the modern world, the public understanding of sexual mania, sexual freedom, and erotic preferences is undergoing significant changes caused by the influence of telecommunications systems, the modernization of moral values, and a change in moral guidelines. The tolerance of prostitution and sexual deviations has a negative impact on the normal physical, mental, spiritual, and moral development of citizens, distorts the consciousness of society, and especially affects minors, which can have an extremely negative impact on their further social adaptation in society. These phenomena are one of the most pressing and acute problems of Russian society, since the deformation of the physical and mental development of civil society threatens the health of the nation. A particular danger is the moral corruption of children and adolescents, the formation of premature unhealthy sexual interest in them, the development of a misconception about sexual relationships, and unnatural norms of sexual life. In the paper, the authors examined the specifics of the regulation of prostitution in certain foreign countries and in Russia and proposed some measures to improve the legislation. The **purpose** of the research is to study the legal regulation of prostitution in foreign countries and in Russia, as well as to improve the current Russian legislation. **Methods.** The methodological framework for the study was the comparative legal method. The methods of induction and deduction used contributed to obtaining most of the formulated conclusions. **Results.** Based on the research conducted, some measures are proposed to tighten the current Russian legislation aimed at preventing prostitution. The authors' definitions of the concepts of "prostitution" and "sexual services" are formulated. **Conclusions.** It is proposed to distinguish the concepts of "prostitution" and "sexual services," taking as a basis the fundamental concept of service.

Key words: prostitution, provision of sexual services, legislative changes, administrative prejudice, prevention.

Citation. Arkhiptsev I.N., Sarychev A.V., Kuzmin K.E. Prostitution and the Provision of Sexual Services: Topical Regulatory Issues in the World and in Russia. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 121-127. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.16>

© Архипцев И.Н., Сарычев А.В., Кузьмин К.Е., 2023

**ПРОСТИТУЦИЯ И ОКАЗАНИЕ СЕКСУАЛЬНЫХ УСЛУГ:
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ В МИРЕ И В РОССИИ****Иван Николаевич Архипцев**Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина,
г. Белгород, Российская Федерация**Александр Викторович Сарычев**Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина,
г. Белгород, Российская Федерация**Кирилл Евгеньевич Кузьмин**Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина,
г. Белгород, Российская Федерация

Введение: в современном мире общественное понимание сексуальных увлечений, половой свободы и эротических предпочтений претерпевает значительные изменения, вызванные влиянием телекоммуникационных систем, модернизацией нравственных ценностей и сменой моральных ориентиров. Терпимость к проституции и сексуальным девиациям оказывает негативное воздействие на нормальное физическое, психическое и духовно-нравственное развитие граждан, деформирует сознание общества, и в особенности несовершеннолетних, что может крайне отрицательно повлиять на их дальнейшую социальную адаптацию в обществе. Это становится одной из самых злободневных и острых проблем российского общества, поскольку деформация физического и психического развития гражданского общества угрожает здоровью нации. Особую опасность представляет моральное развращение детей и подростков, формирование у них преждевременного нездорового полового интереса, развитие неправильного представления о половых взаимоотношениях и нормах половой жизни. В статье авторы рассмотрели особенности регулирования проституции в отдельных зарубежных странах и в России, а также предложили меры по совершенствованию законодательства. **Цель исследования** – изучение правового регулирования проституции в зарубежных странах и в России, а также совершенствование действующего российского законодательства. **Методы:** методологическую основу исследования составил сравнительно-правовой метод. Используемые методы индукции, дедукции способствовали получению большинства сформулированных выводов. **Результаты:** на основе проведенного исследования предложены меры по ужесточению действующего российского законодательства, направленные на предупреждение занятия проституцией. Сформулированы авторские дефиниции понятий «проституция» и «сексуальные услуги». **Выводы:** необходимо разграничить термины «проституция» и «сексуальные услуги», взяв за основу фундаментальное понятие услуги.

Ключевые слова: проституция, оказание сексуальных услуг, изменение законодательства, административная преюдиция, предупреждение.

Цитирование. Архипцев И. Н., Сарычев А. В., Кузьмин К. Е. Проституция и оказание сексуальных услуг: актуальные вопросы регулирования в мире и в России // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 121–127. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.16>

Введение

В настоящее время в российском обществе возникает множество споров о правовом регулировании проституции. По законодательству Российской Федерации предусмотрена административная, так и уголовная ответственность за деяния, связанные с проститу-

цией. Это, в частности, регулируется ст. 6.11 КоАП РФ – «Занятие проституцией». В свою очередь, в уголовном законодательстве предусмотрены ст. 240 УК РФ «Вовлечение в занятие проституции» и ст. 241 УК РФ «Организация занятия проституцией». Споры на эту тему возникают по вопросам: Стоит ли ужесточить ответственность за занятие проститу-

цией? Так ли необходима ли ответственность за данное деяние? Ведь в некоторых странах занятие проституцией легализовано. Для того, чтобы разобраться в данной теме и ответить на поставленные вопросы, необходимо дать определение проституции.

Проституция – это деятельность, при которой люди предоставляют сексуальные услуги в обмен на деньги или иные материальные блага. Тема проституции является сложной и вызывает острые дискуссии как в обществе, так и в юридической среде. В разных странах и регионах существуют различные правовые подходы и политика в отношении проституции. В некоторых государствах проституция является незаконной и карается по закону. В других странах проституция может быть легализована или декриминализована, что означает, что она не является преступлением, но может регулироваться определенными правилами и нормами. Важно понимать, что проституция часто связана с рядом социальных, экономических и правовых вопросов, таких как сексуальное насилие, торговля людьми, заразные заболевания, нарушения прав работников сексуальной индустрии и другие проблемы. Поэтому важно проводить дискуссии и принимать меры для защиты и обеспечения безопасности всех людей, занимающихся или затронутых проституцией.

Регулирование проституции за рубежом

Каждое государство имеет свое законодательство и подход к регулированию проституции.

Как мы уже говорили ранее, проституция может быть легализована или декриминализована в различных странах. К таким можно отнести:

1. Германия. Проституция легализована и регулируется законом. Проститутки имеют право на социальное обеспечение и медицинскую страховку.

2. Нидерланды. Проституция является законной и регулируется системой борделей и лицензирования. Работники сексуальной индустрии платят налоги и имеют доступ к медицинским услугам.

3. Новая Зеландия. Проституция декриминализована, что означает, что она не является преступлением. Работники сексуальной

индустрии имеют права и защиту, а также доступ к медицинским услугам.

4. Австралия. В некоторых штатах и на территориях Австралии проституция легализована, например в Новом Южном Уэльсе и Виктории. Здесь работники сексуальной индустрии подпадают под законодательство, которое регулирует их права и условия труда.

5. Швейцария. Проституция не является незаконной, но регулируется на кантонском уровне. Некоторые кантоны разрешают работу в борделях, где проституция контролируется и регулируется.

6. Невада, США. Проституция законна только в некоторых округах Невады, где она регулируется и контролируется в специальных борделях [3].

Это лишь несколько примеров стран, где проституция является законной или декриминализована. Важно отметить, что в каждом государстве могут существовать свои специфика и правила, регулирующие работу в сексуальной индустрии, которые различаются даже в разных регионах.

В целях качественного исследования данного вопроса приведем в пример страну с категорическим запретом на проституцию – Иран. Отметим, что Иран не единственная страна, в которой занятия проституцией строго караются, в большинстве исламских стран это также под жестким запретом. Проституция в Иране является преступлением и незаконной деятельностью согласно исламскому праву и законодательству страны. Иран придерживается консервативных и религиозных норм, и проституция рассматривается как нарушение морали и социальных ценностей. Стоит отметить, что в Иране также существует жесткое законодательство в отношении незаконного сексуального поведения и моральных проступков. Нарушение этих правил в соответствии с исламским правом может также привести к следующим наказаниям и ограничениям свободы:

1. Тюремное заключение. За проституцию могут назначаться сроки лишения свободы. Длительность тюремного заключения различается в зависимости от конкретных обстоятельств дела.

2. Штрафы. За проституцию могут назначаться штрафы, которые варьируются в

зависимости от тяжести преступления и других сопутствующих обстоятельств.

3. Корпоральное наказание. В редких случаях применяются физические наказания, включая побои, публичные показания и другие формы корпорального наказания. Однако стоит отметить, что такие наказания могут вызывать международное осуждение и регулярно подвергаться критике [4].

Вопрос о наказании за проституцию

Как правило, в дискуссиях по вопросу наказания за занятие проституцией приводятся различные аргументы. Приведем в пример некоторые из них:

1. Защита общества. Противники проституции могут утверждать, что она способствует и расширению сферы таких видов незаконной деятельности, как торговля людьми, насилие и эксплуатация.

2. Социальные нормы и мораль. Некоторые люди могут считать проституцию нежелательной с точки зрения морали и социальных норм, ввиду чего эта деятельность должна быть запрещена и подвергнута наказанию.

Аргументы против наказания за занятие проституцией включают:

1. Права человека. Защитники прав человека могут утверждать, что взрослые люди должны иметь право на свободу выбора своих действий и решений, включая занятие проституцией, если они это выбирают добровольно.

2. Безопасность и поддержка. Легализация или декриминализация проституции может обеспечить работникам сексуальной индустрии доступ к услугам здравоохранения, правовой защите и социальной поддержке, что может способствовать их безопасности и благополучию.

В итоге вопрос о наказании за занятие проституцией является сложным и требует внимательного анализа различных факторов, таких как социальные условия, права человека и моральные нормы.

Продолжая разбирать данную тематику, ответим на вопросы, поставленные в начале работы. Стоит ли ужесточить наказание за указанное деяние? В соответствии со ст. 6.11 КоАП РФ, которая предусматривает наказание от одной тысячи пятисот рублей до двух

тысяч рублей, это наказание является достаточно мягким и фактически мало способствует пресечению подобных действий. На наш взгляд, для того, чтобы уменьшить количество преступлений в данной сфере необходимо ввести уголовную ответственность за непосредственное занятие проституцией лицом, в частности за неоднократное совершение данного правонарушения (административная преюдиция). Но здесь же встает другой вопрос, а так ли необходима уголовная ответственность за это деяние? Одним из главных аргументов против занятия проституцией является то, что это не соответствует моральным нормам. Но если разобраться в данной теме с морально-нравственных позиций, то стоит сказать, что в современном мире очень распространены татуировки и пирсинг на лице, и даже татуировки глазных яблок, что в свою очередь является девиантным поведением или несоответствием общепринятым моральным нормам, но за это не предусмотрено никакой ответственности. А проституция, проще говоря, – это торговля телом, так стоит ли ограничивать возможность распоряжения своим телом? На этот вопрос каждый ответит по-своему, но одно можно сказать совершенно точно: ответственность за занятие проституцией нуждается в коренном пересмотре.

Несовершенство действующего российского законодательства, а именно: что следует понимать под проституцией и оказанием сексуальных услуг и меры по оптимизации правового регулирования данных понятий

Другим немаловажным аспектом, который, по нашему мнению, существенно влияет на эффективность противодействия таким деяниям, является неурегулированность действующего российского законодательства по вопросу, что следует понимать под проституцией и оказанием сексуальных услуг.

На сегодняшний день в отечественном законодательстве отсутствует определение термина «проституция». Обращение к научно-исследовательской литературе предлагает следующие его формулировки: «проституция –

возмездная на договорной основе, систематическая и внебрачная деятельность лица любого пола по оказанию сексуальной услуги другому лицу для удовлетворения его половой потребности независимо от профессионализма, эмоционального отношения к нему или его половой принадлежности, формы вознаграждения, способа и момента его передачи» [1, с. 15], «это систематическое вступление во внебрачные сексуальные отношения за вознаграждение» [10, с. 14], Д.И. Ласс понимал под проституцией «предложение своего тела для полового сношения в целях заработка» [2, с. 33], а А.П. Рабюто придерживается мнения, что проституция есть «вынужденное или добровольное вступление лица в половое сношение без всякого выбора, без симпатии или хотя бы чувственной страсти» [6, с. 95–98]. Однако однозначного, наиболее полного определения на данный момент выработать не удалось. В связи с чем нельзя не согласиться с А.М. Нурмухаметовой, которая указывает, что «одной из проблем, возникающих при исследовании проституции, является нечеткость трактовки понятия проституции в юридическом контексте как правонарушающего поведения, имеющего важное детерминационное криминогенное значение» [5, с. 173]. Стоит отметить тот факт, что отечественный законодатель закрепил содержание такого понятия, как «сексуальные услуги», под которыми в соответствии с примечанием к ст. 240 УК РФ понимается «половое сношение, мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера, условием совершения которых является денежное или любое другое вознаграждение... либо обещание вознаграждения...» [8]. На основании этого можно сделать вывод, что понятия «проституция» и «сексуальные услуги» носят тождественный характер, так как обладают рядом схожих признаков:

- 1) реализуют публичную торговлю сексуальностью и телом;
- 2) равнодушны в чувственном отношении к своим клиентам и заказчикам;
- 3) распространяются на неограниченный круг лиц.

Однако понятие проституции подразумевается как более емкое, являющееся разновидностью сексуальных услуг. Более того, в современной литературе термины «проституция»,

«коммерческий секс», «сексуальная эксплуатация» и «коммерческая сексуальная деятельность» используются как синонимы, что значительно усложняет процесс криминологической идентификации данных деяний и правовой регламентации отдельных преступлений.

Предполагается, что разграничить понятия «проституция» и «сексуальные услуги» можно, взяв за основу фундаментальное понятие услуги. Так, под термином «услуга» принято понимать действия, приносящие пользу, помощь кому-либо; бытовые удобства, предоставляемые на возмездной или безвозмездной основе [9].

Отечественный законодатель сформировал следующее понимание возмездного оказания услуг: «Ст. 779 ГК РФ Договор возмездного оказания услуг».

По договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги» [7].

То есть услуга – блага, предоставляемые в форме конкретной деятельности, характеризующиеся чаще всего неосвязаемостью, непостоянством качества и неотделимостью от исполнителя, нематериальностью осуществляемого действия или деятельности. Следовательно, при использовании сексуальных способностей человека, при непосредственном реальном предоставлении человеческого тела в использование и получении определенного физического удовлетворения от полового контакта говорить о неосвязаемости и нематериальности, присущей выполнению услуги, не представляется возможным, так как проститутка и заказчик находятся в прямом телесном взаимодействии (касания, половое сношение), в то время как при сексе по телефону, эротических танцах, вебкаминге, просмотре эротических фотографий или порнофильмов интимного действительного контакта между исполнителем и заказчиком не происходит тактильных взаимоотношений, что говорит о неосвязаемости указанных сексуальных действий. Отсюда следует, что вид деятельности, направленный на удовлетворение потребностей сексуального характера, представляющий собой услуги, связанные с ис-

пользованием сексуальности человека (эротические танцы, секс по телефону, нюдсы, вебкаминг и др.) считать проституцией неверно, так как подобного рода деяния отличаются своей неосязаемостью и нематериальностью предоставления (отсутствие непосредственного телесного контакта и возможности осуществления реального полового акта).

Заключение

На основании проведенного анализа понятий «проституция» и «сексуальные услуги» видится целесообразным изложить авторское понимание термина «проституция», под которой следует понимать систематическое половое сношение, выражаемое в реальном половом контакте и/или тактильных взаимодействиях, осуществляемое лицом за определенное вознаграждение. Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на тот факт, что в современных условиях жизнедеятельности человека спектр сексуальных услуг, совершаемых на материально выгодной основе, гораздо шире и разнообразнее, чем указано в примечании к ст. 240¹ УК РФ (половое сношение, мужеложство, лесбиянство), а формулировка «иные действия сексуального характера» не дает конкретного представления о типологии данных деяний. В связи с этим считаем необходимым изложить содержание определения «сексуальные услуги» в следующем виде: это деяния сексуального характера, осуществляемые на возмездной основе, совершаемые путем предоставления интимных услуг различной формы выражения, не подразумевающие совершения непосредственного полового акта. В то же время непосредственное половое сношение с несовершеннолетним, мужеложство и лесбиянство следует отнести к категории именно сексуальных (половых) преступлений.

Подводя итог сказанному, стоит отметить тот факт, что данная тема является достаточно актуальной и на сегодняшний день. И как уже говорилось ранее, она нуждается в серьезном пересмотре. На наш взгляд, необходимо ввести уголовную ответственность за занятие проституцией, что будет способствовать снижению преступлений в этой сфере, а также внести ясность, что следует понимать под проституцией и сексуальными услугами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алихаджиева, И. С. Проституция как социальное явление: уголовно-правовые и криминологические последствия : дис. ... д-ра юрид. наук / Алихаджиева Инна Саламовна. – М., 2021. – 526 с.
2. Ласс, Д. И. По пути к ликвидации проституции / Д. И. Ласс. – М. : НКСО, 1931. – 32 с.
3. Миллеров, Е. В. Аксиологические аспекты правовой охраны нравственного развития несовершеннолетних в России / Е. В. Миллеров, Е. В. Безручко // *Философия права*. – 2019. – № 1 (88). – С. 123–129.
4. Миллерова, Е. А. К вопросу об эффективности редакции статьи 240.1 Уголовного кодекса РФ «Получение сексуальных услуг несовершеннолетнего» // *Проблемы права*. – 2014. – № 3 (46). – С. 148–150.
5. Нурмухаметова, А. М. Уголовная ответственность за преступления, связанные с проституцией, и их предупреждение : дис. ... канд. юрид. наук / Нурмухаметова Альбина Мансуровна. – Н. Новгород, 2012. – 252 с.
6. Рабюто, А. П. Проституция и ее жертвы / А. П. Рабюто. – М., 1873. – 219 с.
7. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) № 14-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 24 июля 2023 года : [принят Государственной Думой 22 декабря 1995 года] // *Собрание законодательства РФ*. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
8. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 4 августа 2023 года : [принят Государственной Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года] // *Собрание законодательства РФ*. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
9. Толковый словарь Ожегова онлайн. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=33359>. – Загл. с экрана.
10. Улицкий, С. Я. Ответственность за вовлечение в занятие проституцией / С. Я. Улицкий // *Законность*. – 2005. – № 3. – С. 14–16.

REFERENCES

1. Alikhadzhieva I.S. *Prostitutsiia kak sotsialnoe iavlenie: ugovovno-pravovye i krimonologicheskie posledstviia: dis. ... d-ra jurid. nauk* [Prostitution as a Social Phenomenon: Criminal-Legal and Criminological Consequences. Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2021. 526 p.
2. Lass D.I. *Po puti k likvidatsii prostitutsii* [On the Way to the Elimination of Prostitution]. Moscow, NKSO, 1931. 33 p.

3. Millerov E.V., Bezruchko E.V. Aksiologicheskie aspekty pravovoi okhrany npravstvennogo razvitiia nesovershennoletnikh v Rossii [Axiological Aspects of Legal Protection of the Moral Development of Minors in Russia]. *Filosofia prava* [Philosophy of Law], 2019, no. 1 (88), pp. 123-129.

4. Millerova E.A. K voprosu ob effektivnosti redaktsii stati 240.1 Ugolovnogo kodeksa RF «Poluchenie seksualnykh uslug nesovershennoletnego» [On the Issue of the Effectiveness of the Wording of Article 240.1 of the Criminal Code of the Russian Federation “Obtaining Sexual Services of a Minor”]. *Problemy prava* [Legal Issues], 2014, no. 3 (46), pp. 148-150.

5. Nurmukhametova A.M. *Ugolovnaia otvetstvennost za prestupleniia, sviazannye s prostitutsiei, i ikh preduprezhdenie: dis. ... kand. iurid. nauk* [Criminal Liability for Crimes Related to Prostitution and Their Prevention Cand. jurid. sci. diss.]. Nizhniy Novgorod, 2012, p. 173.

6. Rabiuto A.P. *Prostitutsiia i ee zhertvy* [Prostitution and Its Victims]. Moscow, 1873, pp. 95-98.

7. Rossiiskaia Federatsiia. Zakony. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast vtoraiia) № 14-FZ: tekst s izmeneniiami i dopolneniiami na 24 iuliia 2023 goda: (priniat Gosudarstvennoi Dumoi 22 dekabria

1995 goda) [Russian Federation. Laws. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) No. 14-FZ: Text with Amendments and Additions as of July 24, 2023: Adopted by the State Duma on December 22, 1995]. *Sobranie zakonodatelstva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1996, no. 5, art. 410.

8. Rossiiskaia Federatsiia. Zakony. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii № 63-FZ: tekst s izmeneniiami i dopolneniiami na 29 dekabria 2022 goda: (priniat Gosudarstvennoi Dumoi 24 maia 1996 goda: odobren Sovetom Federatsii 5 iunია 1996 goda) [Russian Federation. Laws. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ: Text with Amendments and Additions as of August 4, 2023: Adopted by the State Duma on May 24, 1996: Approved by the Federation Council on June 5, 1996]. *Sobranie zakonodatelstva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1996, no. 25, art. 2954.

9. *Tolkovyi slovar Ozhegova online* [Ozhegov’s Explanatory Dictionary Online]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=33359>

10. Ulitskii S.Ia. Otvetstvennost za вовлечение v zaniatie prostitutsiei [Responsibility for Involvement in Prostitution]. *Zakonmost* [Legality], 2005, no. 3, p. 14.

Information About the Authors

Ivan N. Arkhiptsev, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Gorkogo St, 71, 308024 Belgorod, Russian Federation, ArhiptsevIN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2307-2712>

Alexander V. Sarychev, Deputy Head of the Course, Faculty of Law Enforcement, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Gorkogo St, 71, 308024 Belgorod, Russian Federation, w0773@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-3191>

Kirill E. Kuzmin, Cadet, Faculty of Transport Safety, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Gorkogo St, 71, 308024 Belgorod, Russian Federation, kirill_kuzmin03@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-2524-6170>

Информация об авторах

Иван Николаевич Архипцев, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308024 г. Белгород, Российская Федерация, ArhiptsevIN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2307-2712>

Александр Викторович Сарычев, заместитель начальника курса факультета правоохранительной деятельности, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308024 г. Белгород, Российская Федерация, w0773@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-3191>

Кирилл Евгеньевич Кузьмин, курсант факультета обеспечения безопасности на транспорте, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308024 г. Белгород, Российская Федерация, kirill_kuzmin03@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-2524-6170>

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.17>

UDC 343.16
LBC 67.410.2

Submitted: 15.11.2023
Accepted: 17.12.2023

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE PROCEDURE OF THE SUBMISSION FOR IDENTIFICATION

Svyatoslav Yu. Biryukov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Vladimir M. Shinkaruk

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction. Among all the tools for obtaining evidence to establish the circumstances to be proved in a criminal case, the submission for identification and the interrogation preceding it are among the most common and effective investigative actions in their potential. However, the submission for identification is also characterized by its “one-time” conduct; it cannot be carried out additionally or repeatedly, such as an interrogation or an investigative examination. This determines a special significance in its organization and conduct, where it is essential for the person carrying out the preliminary investigation not only to take into account all possible nuances of procedural and “technical” nature in its preparation but also to understand those features of psychological processes that take place in the mind of the identifier in order to correctly analyze the course, content, and results of the above-mentioned investigative action. The result of the submission for identification depends on the person’s ability to perceive the events of interest to the investigation, capture their mental image in combination with identifying individually defined details in his memory, and then be able to identify this image with the objects presented to him and conclude that there is or is not an identity between them and the mental image previously imprinted in his memory. At the same time, the psychology of this investigative action is in a certain dependence on the individual characteristics of persons’ identities: the physical “quality” of their organs of perception, activities, interests, and psychological state. This, in turn, affects the “quality” of perception, memorization, and effectiveness of the investigative action, which can be improved if the subject of the investigation uses appropriate tactical techniques. And the choice of the latter largely depends on the understanding of the persons making the investigation and the specifics of the psychological processes taking place in the mind of the eyewitnesses, which ultimately form their testimony about the object or event of interest. In this regard, the **purpose** of the paper is to consider some features of the psyche of the identifiers, which have a significant impact on the formation of their testimony, their quality. **Methods.** The methodological framework for the study is a set of methods of scientific cognition, including such main ones as the methods of information processing and logical analysis, synthesis, induction, deduction, and generalization. **Results.** The features of mental processes described in the work aim to form the testimony of the identifier. This allows for a more complete presentation of the mechanisms of perception and memorization in order to properly organize and conduct the submission for identification with maximum efficiency. **Conclusions.** As a result, the features of mental processes aimed at forming the testimony of the identifier, as well as the factors affecting the quality of the latter, are revealed.

Key words: submission for identification, investigative action, interrogation, testimony, psyche, psychology of identification.

Citation. Biryukov S.Yu., Shinkaruk V.M. Psychological Aspects of the Procedure of the Submission for Identification. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 128-137. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.17>

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ

Святослав Юрьевич Бирюков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Владимир Маркович Шинкарук

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: среди всего инструментария установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, предъявление для опознания и предшествующий ему допрос по своему потенциалу являются одними из наиболее распространенных и эффективных следственных действий. Однако предъявление для опознания характеризуется еще и своей «одноразовостью» проведения, его невозможно произвести дополнительно или повторно, как, например, допрос или следственный осмотр. Указанное предопределяет особую значимость в его организации и проведении, где лицу, осуществляющему предварительное расследование, важно не только учесть все возможные нюансы процессуального и «технического» характера при его подготовке, но и понимать те особенности психологических процессов, которые протекают в сознании опознающего с тем, чтобы правильно проанализировать ход, содержание и результаты вышеназванного следственного действия. Результат предъявления для опознания зависит от возможности лица воспринять интересующие следствие события, запечатлеть их мысленный образ в совокупности с отдельными индивидуально определенными признаками в своей памяти, а затем суметь отождествить данный образ с представленными ему объектами и сделать вывод о наличии либо отсутствии тождества между ними и ранее запечатленным в его памяти мысленным образом. Вместе с тем психология данного следственного действия находится в определенной зависимости от индивидуальных особенностей личности лица: физическим «качеством» его органов восприятия, деятельностью, интересами, психологическим состоянием. Сказанное, в свою очередь, влияет на «качество» восприятия, запоминания и эффективность проводимого следственного действия, которое можно повысить при условии применения субъектом расследования целесообразных тактических приемов. А выбор последних во многом зависит от понимания лицом, производящим расследование, специфики протекающих в сознании очевидца психологических процессов, которые в итоге и формируют его показания об интересующем объекте либо событии. В связи с этим авторами поставлена **цель** рассмотреть некоторые особенности психики опознающего, оказывающие существенное внимание на формирование его показаний, их качество. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают методы обработки информации и логического анализа, синтеза, индукции, дедукции и обобщения. **Результаты:** описанные в работе особенности психических процессов, направленных на формирование показаний опознающего, дают возможность более полно представить механизм восприятия и запоминания с тем, чтобы правильно организовывать и проводить предъявление для опознания с максимальной эффективностью. **Выводы:** в результате исследования раскрыты особенности психических процессов, направленных на формирование показаний опознающего, а также факторы, влияющие на качество последних.

Ключевые слова: предъявление для опознания, следственные действия, допрос, показания, психика, психология опознания.

Цитирование. Бирюков С. Ю., Шинкарук В. М. Психологические аспекты производства предъявления для опознания // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 128–137. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.17>

Введение

Известно, что установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, в ходе предварительного расследования осуществля-

ется посредством производства тех или иных следственных (процессуальных) действий. Специфика же производства указанных действий позволяет с определенной долей условности дифференцировать их на две большие

группы: следственные действия, которые возможно повторить в связи с допущенными субъектом расследования просчетами и нарушениями в ходе их проведения и следственные действия, повторить которые невозможно. К первой группе можно отнести такие следственные действия, как допрос, обыск, назначение судебной экспертизы и др. Ко второй – предъявление для опознания.

Действительно, в случае, если в ходе допроса лица следователь не в полной мере выяснил всю необходимую информацию или произвел указанное следственное действие с нарушением требований уголовно-процессуального законодательства, то такой допрос можно повторить, провести повторный допрос лица либо дополнительный. Однако такое невозможно осуществить в отношении предъявления для опознания лица, трупа или предмета, так как данные действия применительно к указанному следственному действию прямо запрещены законом.

Следовательно, понимание правовых последствий брака при производстве предъявления для опознания должно опосредовать более тщательную подготовку субъекта расследования к нему. Отчасти этим и определяется нахождение предъявления для опознания в центре внимания ученых и практиков. В юридической литературе проблемным вопросам предъявления для опознания уделено большое внимание [6; 8]; в ней даны различные рекомендации, касающиеся производства данного действия, с точки зрения тактики и юридической психологии. Вместе с тем представляется, что проблема организации и производства предъявления для опознания в полном объеме до настоящего времени не решена.

Психологические аспекты производства предъявления для опознания

Предъявление для опознания – крайне сложное и специфичное следственное действие, производство которого связано с глубокими переживаниями опознающего, в сознании которого в этот момент происходят сложные, многоаспектные психические процессы.

Информация о воспринятых определенных обстоятельствах расследуемого события,

которая излагается опознающим в процессе производства рассматриваемого следственного действия, проходит сложные, зачастую неосознанные им, этапы трансформации. В результате чего данная информация по своему содержанию и качеству в большинстве своем не совпадает полностью с теми сведениями, которые были запечатлены лицом в момент их восприятия [4]. И в этой связи подготовка, знания и опыт субъекта расследования является тем фактором который влияет на достоверность и качество получаемой им криминалистически значимой информации, а также эффективность ее дальнейшего использования в ходе установления всех обстоятельств, подлежащих доказыванию [7, с. 105].

Применительно к предъявлению для опознания конечной целью последнего является установление факта тождества либо отсутствия представленного объекта с ранее воспринятым, что в свою очередь влечет к получению дополнительного доказательства виновности или невиновности конкретного лица. В связи с этим процесс опознания и его результативность напрямую связаны с определенной психической деятельностью опознающего, характеризующейся способностью последнего выделять из группы множества сходных объектов те конкретные признаки, которые бы позволили ему с уверенностью выбрать из вышеназванной группы объектов именно ранее им наблюдаемый.

Однако в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, лицо, которое впоследствии будет участвовать в качестве опознающего, должно быть предварительно допрошено по воспринимаемым им обстоятельствам, индивидуальным признакам воспринятого объекта, а также условиям такой перцепции.

Организация предъявления для опознания включает в себя достаточно большой перечень необходимых мероприятий, среди которых центральное место занимает психологическая подготовка опознающего к проведению рассматриваемого нами следственного действия. В противном случае такого рода неподготовленность лица может привести к самым плачевным результатам.

Здесь субъекту расследования необходимо понимать, что участие в качестве «цен-

тральной фигуры) любого следственного действия для лица – сильный стресс. Это для следователя производство любого следственного действия – рутина, он проводит их ежедневно по несколько раз в день, привык к этому. Чего нельзя сказать о лицах, «вовлеченных» в уголовное судопроизводство. Именно поэтому психологическая «настройка» лица важна, тем более в контексте специфичности рассматриваемого нами следственного действия.

На этапе психологической подготовки субъекту расследования важно установить наличие каких-либо факторов, которые выступают в качестве источника беспокойства, волнения опознающего, чем может являться и сам факт дачи им показаний против конкретного лица. В случае наличия таких факторов необходимо продумать способы их нейтрализации, которые должны быть эффективны не только по своей сути или с точки зрения следователя, но и с точки зрения опознающего лица. Надо понимать, что в противном случае данные факторы остались неустраненными [10, с. 3]. Для этого следователь должен проанализировать имеющуюся следственную ситуацию и разработать алгоритм действий по проведению предъявления для опознания, в том числе продумать возможность его производства в условиях, когда визуальное наблюдение опознаваемым опознающего невозможно, а также целесообразность зашифровки установочных данных последнего.

Понятно, что до предъявления для опознания, субъект расследования неоднократно контактирует с потенциальным опознающим при проведении иных процессуальных действий и это дает ему возможность изучить психологические его особенности, что, в свою очередь, будет способствовать определению наиболее эффективных тактических и психологических приемов применяемых при производстве следственных действий с указанным лицом: допросе, предшествующем предъявлению для опознания, самому предъявлению для опознания и анализа полученных в ходе них результатов.

Само предъявление для опознания с точки зрения психологии характеризуется следующими основополагающими аспектами: это происходящий в сознании лица слож-

ный психический процесс узнавания, при котором в качестве идентифицирующего объекта выступает мысленный образ, который в случае отсутствия (утери) каких-либо признаков, дополняется недостоверными характеристиками; результатом опознания выступает констатация тождества или отсутствия наблюдаемого объекта с имеющимся мысленным образом.

Следовательно, опознание выступает в качестве заключительного этапа в цепи различных психических процессов, которая в отдельных случаях имеет существенные временные рамки и которую можно назвать процессом формирования показаний [7, с. 105]. А знание и понимание данных этапов субъектом расследования в значительной степени будет опосредовать и грамотную подготовку опознающего.

Итак, для целей опознания необходимо, чтобы в памяти человека произошли психические процессы восприятия, запоминания и воспроизведения, которые различаются по времени и содержанию.

Вместе с тем необходимо оговориться, что названные этапы не отражают всего многообразия психологических факторов, влияющих на достоверность показаний. В психологии доказано, что информация, которую лицо использует в тот или иной момент имеет то содержательное наполнение, которое необходимо для достижения конкретной стоящей перед ним сиюминутной цели. Он воспринимает информацию осознанно и бессознательно, что опосредует необходимость принимать во внимание индивидуально-психологические особенности лица [2, с. 91].

Очевидно, что факт восприятия общественно-опасного деяния существенно влияет на психологическое состояние и эмоциональную сферу очевидца, в том числе пострадавшего. А «качество» восприятия соответствующей информации опосредуется отношением лица к наблюдаемому событию или явлению, его заинтересованностью в нем, психическим состоянием и другими факторами.

Необходимо учитывать и то, с какой социальной установкой формировалась личность опознающего, как он относится к увиденному, как воспринимаются им сотрудники правоохранительных органов с которыми он вынуж-

ден взаимодействовать и как он относится к правоохранительным органам в целом. Ведь в момент понимания им перспективы своего участия в качестве опознающего лицо еще раз анализирует увиденное, сопоставляет и оценивает все его обстоятельства, а также возможные негативные последствия для себя, как участника уголовного процесса занимающего позицию стороны обвинения.

С учетом изложенного представляется правильной предложенная в юридической литературе система этапов формирования показаний очевидца:

- получение, накопление и обработка информации;
- запечатление, сохранение и переработка информации;
- воспроизведение, словесное оформление и передача информации;
- прием, переработка и процессуальное закрепление информации [9, с. 52].

Конечно, у данной системы есть и свои оппоненты, которые предлагают свои стадии формирования показаний [5].

Однако, не вступая в полемику по данному вопросу, отметим лишь, что в каждой из имеющих точек зрения имеется свое обоснование и они имеют право на существование.

Вместе с тем представляется целесообразным имеющаяся в криминалистической литературе система этапов «психологии узнавания»:

- восприятие лицом события или явления;
- запоминание лицом мысленного образа воспринятого события или явления;
- вспоминание мысленного образа лицом и передача в ходе допроса содержащейся в нем информации, в том числе об индивидуализирующих его признаках;
- вспоминание мысленного образа лицом и сопоставление его с предложенными объектами;
- установление тождества или различия признаков мысленного образа и признаков предложенных объектов;
- оценка полученного результата, его мысленное формирование и вербализация [12, с. 101].

Выше отмечалось, что формирование показаний опознающего от показаний допра-

шиваемого отличается наличием этапа отождествления, во время которой протекают процессы выделения индивидуальных признаков у представленного объекта и их сличение с аналогичными признаками, содержащимися в мысленном образе в памяти опознающего, а также в формировании итогов процесса отождествления.

Особенностью такого отождествления является его мысленная форма, которая не позволяет ее контролировать; она скрыта от всех. Однако проверить достоверность вывода о наличии тождества или его отсутствия в результате предъявления для опознания возможно, и в этой связи существенным становится верное определение формы восприятия. В психологии принято различать синтетическую и аналитическую формы. Первая связана с восприятием объекта в целом, без выделения каких-либо признаков; вторая же предполагает как раз выделение в ходе восприятия особенностей, признаков наблюдаемых объектов или явлений.

Конечно, на «качество» восприятия объекта или явления важное влияние оказывают так называемые условия восприятия, дифференцируемые в науке на субъективные и объективные [1, с. 222].

К первым относятся все те факторы, которые характеризуют психофизиологическое состояние личности очевидца. Например, страх, возмущение, утомление, болезненное состояние и т. д. Здесь представляется целесообразным акцентировать внимание на том, что восприятие чего-либо лицом опосредует у него мыслительные процессы, направленные на уяснение и осмысливание увиденного.

Потребность понять что-либо заставляет человека думать, мыслить. Активизация мыслительных процессов по пониманию увиденного, выступает предпосылкой и в то же время следствием активизации иных процессов познания: ощущений, восприятий, воображения и пр. [3]. И здесь главенствующая роль отводится вниманию как основополагающему условию любой деятельности человека, обеспечивающей ее эффективность.

Внимание, его сосредоточенность, как известно, напрямую связаны с волей человека, а избирательность восприятия опосредуется направленностью психики на тот или иной

объект, что в свою очередь детерминирует «качество» восприятия, его точность. В связи с этим в психологии в зависимости от волевой составляющей выделяют непроизвольное, произвольное и послепроизвольное внимание [11, с. 251].

Понятно, что в контексте целей и задач уголовного судопроизводства непроизвольное внимание характеризуется не требующей волевых усилий, а следовательно низкой активностью восприятия, что в конечном итоге приводит к скромному объему имеющейся криминалистически значимой информации, которая не может быть увеличена даже за счет высокой так называемой добросовестности лица.

Вместе с тем нельзя полностью отрицать полезность непроизвольного запоминания, так как оно способно обеспечить следствие относительно качественной информацией об интересующих его событиях или фактах. В психологии отмечено, что в качестве одного из условий хорошего непроизвольного запоминания выступает активная работа мышления, обеспечивающего понимание важности и сути воспринимаемого. Лучше запоминается то, что вызывает вопросы, заставляет недоумевать; то, что выходит за рамки обыденного. У лиц, не осознающих значения происходящего, восприятие носит пассивный характер, что в конечном счете дает незначительный уровень полноты и точности запечатления [3, с. 85].

Дело в том, что при непроизвольном внимании уникальность, эмоциональная окраска раздражителей, их связь с интересами и потребностями лица невелика и приводит к тому, что воспринимаемая информация о предметах и явлениях завладевает его вниманием лишь на некоторое непродолжительное время, после чего стирается из памяти.

Однако же в случае, когда уникальность и эмоциональная окраска раздражителей велики (а к таким раздражителям в полной мере можно отнести противоправные деяния), напрямую или опосредованно затрагиваются интересы лица, непроизвольное внимание, вследствие его волевых усилий, трансформируется целенаправленное, существенно улучшая процесс восприятия, чем и предопределяется полнота и высо-

кая достоверность создаваемого мысленного образа.

Здесь представляется целесообразным отметить воздействие эмоционального фона на восприятие окружающей действительности. Общеизвестно, что эмоции, и в первую очередь негативные, оказывают негативное влияние на качество восприятия. Так, лицу испытывающему стресс, например в связи с наблюдаемым событием, очень сложно сосредоточить свое внимание на чем-либо. У такого человека как процессы восприятия, так и мыслительная деятельность «приглушены», находятся в подавленном состоянии. Страх, возмущение, отчаяние, гнев, восторг существенно сокращают объем и качество восприятия [7, с. 110].

Указанное обстоятельство крайне важно для субъекта расследования в ходе подготовки к получению показаний и последующей их оценки. Зачастую это находит свое выражение в подмене объективной информации об обстоятельствах расследуемого события существующими в сознании лица стереотипами применительно к той или иной жизненной ситуации, в том числе и расследуемой. Так, например, по фактам насильственных преступлений, связанных с непосредственным причинением вреда здоровью либо угрозой такого причинения, пострадавший характеризует преступника как «страшного», «злого», «жестокоего» и т. п.; внимание пострадавшего в такой момент направлено на одно – прекращение совершения в отношении него «активных» противоправных действий – и ни на чем более. Потерпевший в результате разбойного нападения, совершенного группой лиц, зачастую не в состоянии даже точно назвать количество нападавших, не говоря уже об описании их внешности (в таких случаях лица, как правило, описываются односложно: «одеты во все черное»). Максимум, на что он способен, – это описать внешность того, кто напал на него первым, например, после непродолжительного диалога.

Восприятие же происходящего сторонним наблюдателем (очевидцем) в силу меньшего влияния на его психику эмоций (хотя они также присутствуют и оказывают на лицо свое негативное воздействие), как правило, более полноценно и создаваемый в его со-

знании мысленный образ происходящего более качественный.

Кроме того, на качество восприятия тех или иных фактов либо явлений существенным образом влияет физическое состояние лица. Очевидно, что в случае нахождения последнего в состоянии опьянения и пр. способность адекватной оценки запечатленного резко падает в силу притупления как самого восприятия, так и мыслительной деятельности последнего.

В ходе выяснения у потенциального опознающего условий восприятия интересующих следствие событий, таких, например, как дистанция, с которой наблюдалось то или иное явление, условия освещенности и др., целесообразно отдельно выяснять и физическое состояние органов чувств такого лица: зрения, слуха и т. п., так как данная информация критически важна при оценке результатов как допроса лица, так и предъявления для опознания, проведенного с его участием.

Здесь представляется важным акцентировать внимание на том обстоятельстве, что оценка внешних условий восприятия важна, но не является очевидной вроде «хуже освещение – хуже восприятие». Все люди по своим возможностям, в том числе и психо-физическим, уникальны. Например, кто-то очень хорошо, в отличие от подавляющего большинства, видит в темноте, четко различает внешние признаки наблюдаемых объектов и т. п. Поэтому важно придать такому источнику соответствующую степень доверия для чего важно допросить его не только о наблюдаемых обстоятельствах, непосредственно интересующих следствие, но и фактах, имевших место до, во время или после них. Например, в случае наблюдения подозреваемого пожилой женщиной, находившейся во дворе дома, где произошло преступление, представляется верным допросить ее о внешности не только преступника, но и лиц, которых женщина наблюдала до этого события, находясь на своем месте. Такие показания в совокупности с показаниями других лиц, подтверждающих правильность описания и третьих лиц, придадут достоверности показаниям данной женщины.

Конечно, свою лепту в качество восприятия вносит и связь лица, воспринимающего определенное событие с его профессиональ-

ной или иной деятельностью. Психологами доказана связь между так называемой практической деятельностью лица и качеством его восприятия определенных событий или фактов, а также и показаний, касающихся указанных событий [11, с. 203]. В рассматриваемом нами явлении можем наблюдать так называемую апперцепцию, то есть выработку у лица склонности к непроизвольному акцентированию внимания при наблюдении определенных событий и фактов на тех объектах, с видами или группами которых связана его практическая деятельность. Так, в ходе допроса стоматологов о приметах интересующих следствие лиц, первые, среди прочего, указывали внешние признаки строения зубного аппарата подозреваемых (например, диастема), что очевидно связано с их профессиональной деятельностью.

Лицу, производящему расследование при получении и оценке показаний участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения и защиты, важно знать особенности зрительного восприятия объектов в пространстве и во времени. Общеизвестно, что на оценку пространственных характеристик наблюдаемых объектов влияет их точка восприятия: более удаленные объекты кажутся меньше и ближе расположенными. Однако не всем субъектам расследования известна специфика восприятия, вызванная цветом объекта восприятия или отдельными природными условиями, в которых оно проходило. Так, темные объекты, расположенные на больших дистанциях, кажутся покрытыми дымкой, а светлые объекты воспринимаются с розовым оттенком; в горной местности дистанция до наблюдаемого объекта кажется меньше из-за большей прозрачности воздуха.

Качество восприятия лицом временных промежутков также подвержено определенным факторам субъективного и объективного свойства. В психологии отмечено, что существует взаимосвязь между оценкой длительности временных периодов лицом, находящимся под воздействием положительных или отрицательных эмоций. В случае нахождения человека под воздействием эмоций отрицательного свойства (горе, тревога, тоска, страх, отчаяние и т. п.) он подсознательно старается как можно быстрее выйти из под влияния

такого рода травмирующих факторов и в таких ситуациях временные интервалы человеком сильно преувеличиваются, иногда в несколько раз [11, с. 93]. Поэтому в следственной практике частыми бывают случаи, когда непродолжительный, даже одномоментный временной отрезок, в течение которого лицо получает отрицательные эмоции, оценивается им, как правило, неадекватно [1, с. 232].

Понятно, что знание и учет таких особенностей восприятия человеком информации о наблюдаемых им событиях и фактах в ходе производства предъявления для опознания и предшествовавшего ему допроса необходим. В противном случае это может привести к потере доказательством своей юридической силы, значения.

Для правильной подготовки предъявления для опознания основополагающее значение имеет понимание субъектом расследования базовых факторов психологического свойства, которые напрямую влияют на процессы восприятия, переработки и сохранения информации. В теории психологии память дифференцируют в зависимости от органов восприятия человека: зрительная, слуховая и двигательная [11, с. 119]. Однако здесь мы должны оговориться, что в жизни такие виды памяти в чистом виде практически не встречаются. Скорее они имеют место в смешанном виде, где тем не менее один вид превалирует над другими в силу различных причин субъективного свойства.

Для человека характерен избирательный тип памяти: запоминается то, что важно, интересно, необычно. То, что сопровождается сильными, глубокими переживаниями. Вместе с тем необходимо учитывать, что объем сохранившейся информации в памяти человека, качество и детализация мысленного образа воспринятого события или факта в течение времени не просто ухудшается; оценка воспринятого, если она была изначально ярко негативная, со временем трансформируется к нейтральной, эмоциональная острота снижается.

Немаловажным в следственной деятельности является понимание процессов, которыми характеризуется стадия воспроизведения, словесного оформления и передачи информации, то есть момент дачи лицом показаний в отношении воспринятых ранее им со-

бытий или фактов. Процесс допроса с точки зрения психологии представляется в виде процесса актуализации мысленного образа посредством перевода его из «долговременной» в «оперативную» память. Теория психологии понимает воспроизведение в двух аспектах: узнавание или воспоминание. Субъект расследования, устанавливая все обстоятельства преступления, оказывает воздействие на лицо с целью побудить его к воспроизведению информации, хранящейся у него в памяти.

Перевод имеющейся информации в словесную форму является очень важной составной частью допроса, но не менее важным в правильном восприятии передаваемой информации является восприятие и эмоциональной ее стороны, которая проявляется в мимике, жестикуляции, в поведении лица в целом.

Субъект расследования, принимающий во внимание лишь текстовую составляющую передаваемой информации, в подавляющем большинстве случаев не в полной мере верно поймет собеседника и не сможет достоверно понять и воспроизвести в протоколе передаваемую им информацию, что в свою очередь, отразится на качестве расследования. Ошибочное понимание субъектом расследования допрашиваемого или опознающего лица, которое передает ему информацию, является специфичным индикатором его профессионализма и личностных качеств.

Заключение

Подводя итог сказанному, убеждены, что для правильной подготовки предъявления для опознания основополагающее значение имеет понимание субъектом расследования базовых факторов психологического свойства, которые напрямую влияют на процессы восприятия, переработки и сохранения информации, а также учет условий объективного и субъективного свойства, в которых происходил процесс восприятия интересующих следствие событий.

Это дает возможность лицу, производящему расследование, более эффективно производить предшествующий предъявлению для опознания допрос лица и, как следствие, правильно организовать и провести само опознание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонян, Ю. М. Психология преступления и наказания : монография / Ю. М. Антонян, М. И. Енисеев, В. Е. Эминов. – М. : РГ-Пресс, 2018. – 400 с.
2. Антонян, М. Ю. Психология преступников и расследование преступлений / М. Ю. Антонян, М. И. Еникеев, В. Е. Эминов. – М. : Юристъ, 1996. – 336 с.
3. Алексеев, А. М. Психологические особенности показаний очевидцев / А. М. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1972. – 104 с.
4. Будников, В. Л. Показания в уголовном судопроизводстве : монография / В. Л. Будников. – М. : Юрлитинформ, 2009. – 144 с.
5. Дулов, А. В. Судебная психология : учеб. пособие / А. В. Дулов. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Вышэйш. шк., 1975. – 464 с.
6. Егереv, И. М. Тактико-психологические основы предъявления для опознания лиц по признакам внешности : дис. ... канд. юрид. наук / Егереv Иван Михайлович. – Иркутск, 2006. – 194 с.
7. Замылин, Е. И. Специфика формирования показаний опознающего (психология и наиболее устойчивые проявления психики) / Е. И. Замылин, И. В. Шевчук // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2023. – № 3 (66). – С. 103–112.
8. Иванова, Л. Ф. Психолого-тактические аспекты предъявления для опознания в уголовном судопроизводстве России : дис. ... канд. юрид. наук / Иванова Лилия Фанисовна. – Челябинск, 2007. – 218 с.
9. Ратинов, А. Р. Судебная психология для следователей / А. Р. Ратинов. – М. : Юрлитинформ, 2001. – 352 с.
10. Трифонова, К. А. Организация и производство предъявления для опознания : учеб. пособие / К. А. Трифонова, С. Ю. Бирюков, Д. Г. Скориков. – Волгоград : ВА МВД России, 2023 – 68 с.
11. Чуфаровский, Ю. В. Юридическая психология : учебник / Ю. В. Чуфаровский. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2016. – 472 с.
12. Эминов, В. Е. Следственные действия – основа раскрытия преступлений: психолого-криминалистический анализ : практ. пособие / В. Е. Эминов, Е. П. Ищенко. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2015. – 208 с.

REFERENCES

2. Antonyan M. Yu., Enikeev M.I., Eminov V.E. *Psihologiya prestupnikov i rassledovanie prestuplenij* [Psychology of Criminals and Investigation of Crimes]. Moscow, Yurist Publ., 1996. 336 p.
3. Alekseev A.M. *Psihologicheskie osobennosti pokazanij ochevidcev* [Psychological Features of Eyewitness Testimony]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1972. 104 p.
4. Budnikov V.L. *Pokazaniya v ugolovnom sudoproizvodstve: monografiya* [Testimony in Criminal Proceedings. Monograph]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2009. 144 p.
5. Dulov A.V. *Sudebnaya psihologiya: ucheb. posobie* [Forensic Psychology. Textbook]. Minsk, Vyshejsh. shk. Publ., 1975. 464 p.
6. Egerev I.M. *Taktiko-psihologicheskie osnovy predyavleniya dlya opoznaniya lic po priznakam vneshnosti: dis. ... kand. yurid. nauk* [Tactical-Psychological Bases of the Identification of Persons on the Signs of Appearance. Cand. jurid. sci. diss.]. Irkutsk, 2006. 194 p.
7. Zamylin E.I., Shevchuk I.V. *Specifika formirovaniya pokazanij opoznayushchego (psihologiya i naibolee ustojchivye proyavleniya psihiki)* [Specifics of the Formation of Identification Testimony (Psychology and the Most Stable Manifestations of Psyche)]. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2023, no. 3 (66), pp. 103-112.
8. Ivanova L.F. *Psihologo-takticheskie aspekty predyavleniya dlya opoznaniya v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Psychological and Tactical Aspects of the Identification in the Criminal Russian Criminal Proceedings. Cand. jurid. sci. diss.]. Chelyabinsk, 2007. 218 p.
9. Ratinov A.R. *Sudebnaya psihologiya dlya sledovatelej* [Forensic Psychology for Investigators]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2001. 352 p.
10. Trifonova K.A., Biryukov S.Yu., Skorikov D.G. *Organizaciya i proizvodstvo predyavleniya dlya opoznaniya: ucheb. posobie* [Organization and Production of Identification. Textbook]. Volgograd, VA MVD Rossii, 2023. 68 p.
11. Chufarovskij Yu.V. *Yuridicheskaya psihologiya: uchebnik* [Legal Psychology: Textbook]. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 472 p.
12. Eminov V.E., Ishchenko E.P. *Sledstvennye dejstviya – osnova raskrytiya prestuplenij: psihologo-kriminalisticheskij analiz: prakt. posobie* [Investigative Actions – The Basis of Crime Detection: Psychological and Forensic Analysis: Practical Manual]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2015. 208 p.

Information About the Authors

Svyatoslav Yu. Biryukov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Procedural Law and Criminalistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, bir.slav@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7277-1926>

Vladimir M. Shinkaruk, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, shinkaruk@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5215-6299>

Информация об авторах

Святослав Юрьевич Бирюков, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры процессуального права и криминалистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, bir.slav@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7277-1926>

Владимир Маркович Шинкарук, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, shinkaruk@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5215-6299>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.18>

UDC 343.102
LBC 67.410.212

Submitted: 22.09.2023
Accepted: 22.10.2023

THE FORMATION OF MODERN APPROACHES TO DETERMINING THE ESSENCE AND CONTENT OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION STAGE

Nikolay F. Kolosov

Volgograd Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Natalia A. Solovyova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction. In numerous works of modern scientists dealing with the forms of preliminary investigation, despite the sufficient elaboration and interest in the topic under consideration, there is no uniform interpretation of the signs of this stage, which significantly complicates the law enforcement activities of law enforcement officers and may jeopardize the observance of the procedural rights and freedoms of the suspect (accused) and the victim. The **purpose** of the study was to develop conceptual proposals for improving the criminal procedure legislation in terms of regulating the preliminary investigation in the system of stages of the criminal process. To achieve this goal, modern approaches are considered, ranging from defining a preliminary investigation as a stage of preliminary proceedings to recognizing its exclusivity. **Research objectives.** To characterize the current positions of scientists, processualists, and practitioners regarding the definition of the essence and content of the preliminary investigation as a stage of the criminal process and its forms as content filling, and to identify promising areas for improving the domestic legislation, including taking into account the experience of the development of the criminal procedure legislation of the post-Soviet states. **Methods.** The methodological framework for the study consists of the general scientific methods (dialectical, systemic, structural-functional, logical, etc.) and the specific scientific methods (formal legal, comparative law, etc.). **Results.** The combined position on the essence of the preliminary investigation seems to be the most accurate and correct with regard to the general principles of judicial proceedings. The **conclusion** is made about the special position of the preliminary investigation as the main “source” of evidentiary information for further consideration of the case in court on its merits.

Key words: criminal proceedings, preliminary investigation, prejudicial inquiry, inquiry, collection of evidence, admissible evidence.

Citation. Kolosov N.F., Solovyova N.A. The Formation of Modern Approaches to Determining the Essence and Content of the Preliminary Investigation Stage. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 138-143. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.18>

УДК 343.102
ББК 67.410.212

Дата поступления статьи: 22.09.2023
Дата принятия статьи: 22.10.2023

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИЯ СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Николай Федорович Колосов

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград, Российская Федерация

Наталья Алексеевна Соловьева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в многочисленных трудах современных ученых, посвященных формам предварительного расследования, несмотря на достаточную разработанность и интерес к рассматриваемой теме, отсутствует единое толкование признаков указанной стадии, что существенно затрудняет правоприменительную деятельность сотрудников правоохранительных органов и может поставить под угрозу соблюдение процессуальных прав и свобод подозреваемого (обвиняемого) и потерпевшего. **Цель исследования:** разработать концептуальные предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в части регламентации предварительного расследования в системе стадий уголовного процесса. Для достижения этой цели рассматриваются современные подходы, разнящиеся от определения предварительного расследования как стадии предварительного разбирательства до признания его исключительности. **Задачи исследования:** охарактеризовать современные позиции ученых-процессуалистов и практических работников по поводу определения сущности и содержания предварительного расследования как стадии уголовного процесса и его форм как наполнения содержания, определить перспективные направления совершенствования отечественного законодательства, в том числе с учетом опыта развития уголовно-процессуального законодательства государств постсоветского пространства. **Методы:** методологическую основу исследования составляют общенаучные методы (диалектический, системный, структурно-функциональный, логический и др.) и частно-научные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой и др.). **Результаты:** комбинированная позиция о сущности предварительного расследования представляется наиболее точной и корректной с точки зрения общих принципов судопроизводства. Сделан вывод об особом положении предварительного расследования, в качестве основного «источника» доказательственной информации для дальнейшего рассмотрения дела в суде по существу.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предварительное расследование, предварительное следствие, дознание, соби́рание доказательств, допустимые доказательства.

Цитирование. Колосов Н. Ф., Соловьева Н. А. Формирование современных подходов к определению сущности и содержания стадии предварительного расследования // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 138–143. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.18>

Введение

Рассматривая особенности форм предварительного расследования в современном уголовном судопроизводстве, необходимо отметить отсутствие легальной дефиниции «предварительное расследование» как специфической, важной стадии уголовного процесса. Отсутствие единого толкования признаков предварительного расследования может существенно затруднить правоприменительную деятельность сотрудников правоохранительных органов, поставить под угрозу соблюдение процессуальных прав и свобод подозреваемого (обвиняемого) и потерпевшего.

Согласимся в данной связи с П.В. Фадеевым, отмечающим, что реформирование уголовного процесса сообразно актуальным вызовам и проблемам и не представляется возможным без правильного, единообразного понимания сущности основных категорий уголовно-процессуального права. От правильного определения в наиболее концентрированном виде, путем указания существенных признаков, содержания и основных свойств понятия, во многом зависит законность уголовного преследования [11, с. 105]. В свою очередь,

М.С. Строгович указывал на методологическую, познавательную функцию установления главных категорий уголовного судопроизводства, поскольку посредством понятий «структурируются и систематизируются наиболее важные признаки правовых категорий, влияющие на их практическое применение в деятельности следствия, прокуратуры и суда» [9, с. 75]. Сложность унифицированного определения предварительного расследования затрудняется отсутствием соответствующей нормы в ст. 5 УПК РФ. Соответственно, необходимо обратиться к основным результатам имеющихся научных исследований, на основе которых будет возможно в итоге установить содержание понятия «предварительное расследование в уголовном судопроизводстве».

Современные подходы к определению сущности предварительного расследования: достоинства и недостатки

Так, В.А. Василенко выделяет в своей статье три основных доктринальных подхода к сущности предварительного расследования в уголовном судопроизводстве: 1) расследо-

вание – это исключительно стадия уголовного процесса; 2) предварительное расследование заключается в деятельности уполномоченных на уголовное преследование органов и их должностных лиц; 3) предварительное расследование – одновременно и стадия процесса и деятельность уполномоченных законом должностных лиц [2].

Так, согласно первому подходу, предварительное расследование связано преимущественно с беспрепятственным осуществлением хода уголовного судопроизводства – то есть является его стадией. К примеру, В.И. Безрядин указывает, что предварительное расследование – это второй этап досудебного производства по уголовному делу (следующий непосредственно за возбуждением дела в отношении конкретного лица), направленный на создание условий для подготовки дела к разбирательству в суде (если необходимые доказательства будут собраны), либо для принятия обоснованного дела о прекращении дела (при отсутствии достаточных сведений о причастности лица, событии преступления и т. д.) [1, с. 11].

Стоит отметить, что в процессуальном законодательстве некоторых постсоветских государств предварительное расследование официально закреплено в качестве стадии разбирательства по делу. В качестве примера можно привести ст. 3 УПК Армении, где предварительное следствие и дознание объединены в единую сводную категорию «досудебное расследование». Такого рода расследование представляет собой стадию судопроизводства по уголовным делам, начало которой связано с внесением сведений о преступлении в специальный реестр досудебных расследований, а прекращение – с направлением дела в суд (или его прекращением); аналогичное содержание досудебного расследования предусмотрено и УПК Республики Казахстан.

По данному поводу Л.В. Сатдинов отмечает, «предварительное расследование» может рассматриваться как имеющий самостоятельную цель процесс, протекающий в границах досудебного производства, осуществляемый специально уполномоченными должностными лицами путем совершения процессуальных и непроцессуальных действий и принятия процессуальных решений [8, с. 72].

Отметим, что уголовно-процессуальные кодексы некоторых стран, даже включая в круг легальных дефиниций «предварительное расследование», не раскрывают его сущность. Так, в п. 26 ст. 6 УПК Беларуси предварительное расследование определяется только через перечисление его форм: производство предварительного следствия, дознания.

Мнение о расследовании как стадии уголовного процесса, действительно, обосновано (как минимум в силу того, что она начинается и заканчивается с изданием определенных процессуальных документов), однако без установления особенностей содержания невозможно отличить одну стадию судопроизводства от другой.

Вторая доктринальная позиция увязывает предварительное расследование исключительно с процессуальной деятельностью следователя (дознателя), направленную на собирание и первичную оценку доказательств в целях установления истины по делу. К примеру, Н.А. Жукова и О.Д. Диденко определяют предварительное расследование как «особый вид процессуальной деятельности органов предварительного следствия (или дознания), нацеленный на доказывание обстоятельств, имеющих значение для быстрого установления события преступления, изобличения виновного лица (лиц), привлекаемых в качестве обвиняемого, принятия мер по возмещению причиненного преступлением вреда, а также установления причин и факторов, способствовавших совершению преступлений» [3, с. 56]. На наш взгляд, данное понятие весьма расплывчато, так как включает в себя направленность расследования на достижение всех целей уголовного судопроизводства (по смыслу ст. 6 УПК РФ), что не позволяет обозначить особое положение расследования в числе всех иных стадий уголовного процесса.

Более конкретно с точки зрения целей предварительного расследования определяет данный вид расследования через категорию «деятельность» А.С. Кобликов. По мнению ученого, расследование на досудебных стадиях производства по делу – это выполнение должностными лицами правоохранительных органов своих функций, в пределах установленных законом; предварительное расследование направлено на изобличение лиц, винов-

ных в совершении преступных деяний, установление всех необходимых доказательств, необходимых для обоснованности обвинения, направления дела в суд [4, с. 124]. Вместе с тем представляется, что определение А.С. Кобликова нацелено только на обвинительную функцию, тогда как прекращение уголовного дела, которым тоже может завершиться предварительное расследование, не указано исследователем в качестве одной из целей. Обвинительный уклон не способствует соблюдению принципа охраны прав и свобод гражданина в уголовном судопроизводстве, который включает в себя в том числе и защиту от необоснованного уголовного преследования (ст. 11 УПК РФ). Следует подчеркнуть, что работа А.С. Кобликова, содержащая данное определение, была написана еще до принятия действующего Кодекса, тогда как в УПК РСФСР, действовавшем до 2001 г., принцип охраны прав и свобод личности отдельно не закреплялся.

Н.С. Манова соотносит предварительное расследование с процессом доказывания «до передачи уголовного дела в суд или его прекращения дела». Собираение, проверка и оценка доказательств связана, по мнению ученой, не только с достижением целей по конкретному уголовному делу, но и с обеспечением задач уголовного производства, образующих его назначение [5, с. 159]. Стоит согласиться с данным определением, так как доказательства по делу одновременно должны и указывать на причастность (непричастность) обвиняемого к событию преступления, но и быть полученными с соблюдением правил допустимости, установленных УПК РФ. Оценка доказательств, их дальнейшее признание прокурором, судом осуществляется только на условиях проверки соответствия критериями относимости, достаточности, достоверности и допустимости в комплексе.

Третья точка зрения по поводу сущности предварительного расследования «синтезирует» положение расследования в ряду этапов уголовного процесса с его «деятельностным» содержанием. Так, И.А. Пикалов обосновывает особое положение предварительного расследования как самостоятельной стадии уголовного процесса, совокупность следственных действий по собиранию, фиксации и

оценке доказательственной информации. Предварительное расследование преследует достижение двух «содержательных» целей (выявление истинной, насколько это возможно картины преступного деяния; установление виновных лиц), а также одной собственно процессуальной цели (создание условий для фактически обоснованного дальнейшего рассмотрения уголовного дела в суде) [7, с. 32]. Разделение целей на «содержательные» и «процессуальные», по мнению И.А. Пикалова, связано с тем, что отсутствие события преступления или виновных лиц (отсутствия вины привлеченных в качестве обвиняемых лиц) не повлечет за собой передачи дела в суд – производство по делу должно быть прекращено [7, с. 33]. Схожее определение предварительного расследования обосновывает В.И. Качалов, отдельно указывая на «строгое соблюдение прав и законных интересов личности» при осуществлении своих полномочий органами предварительного следствия (дознания, сокращенного дознания) на досудебных стадиях производства по делу [10, с. 476].

Как представляется, именно третья «комбинированная» позиция о сущности предварительного расследования представляется наиболее точной и корректной с точки зрения общих принципов судопроизводства, провозглашаемых в гл. 2 УПК РФ. Предварительное расследование заключается, как никакая иная стадия производства по делу, в осуществлении следственных действий, взаимоотношениях должностных лиц правоохранительных органов с широким кругом граждан и организаций, что предопределяет необходимость соблюдения принципов равенства всех перед законом, гуманистических начал. Целью следственных действий является формирование доказательств, соответствующих всем критериям, предусмотренным УПК РФ, для рассмотрения дела в суде. Суд, как самостоятельный субъект доказывания, также может производить собственные следственные действия, однако, преимущественно такие действия будут иметь своей целью дополнительную проверку доказательственной информации, полученной на стадии предварительного расследования. При этом стоит согласиться с авторами, указывающими на доказательственную значимость досудебной стадии в

любом виде судопроизводства, не только в уголовном процессе [6, с. 9].

Выводы

Таким образом, под предварительным расследованием предлагается понимать самостоятельную стадию уголовного судопроизводства, в ходе которой органы и их должностные лица, уполномоченные осуществлять уголовное преследование, устанавливают предусмотренные ст. 73 УПК РФ обстоятельства путем собирания, закрепления и оценки доказательств, с целью дальнейшей передачи дела в суд (или прекращения производства по делу). В зависимости от объективных условий, закрепленных в УПК РФ, предусматриваются различные формы предварительного расследования. Целями расследования является также защита от необоснованного преследования (привлечения к ответственности) невиновных лиц, установление истины по делу. Дискуссионным остается вопрос о необходимости закрепления легальной дефиниции предварительного расследования в ст. 5 УПК РФ; как представляется, чтобы избежать излишнего, «казуистичного» подхода к формированию комплекса дефиниций в области уголовного судопроизводства, законодательное определение предварительного расследования должно включать в себя «промежуточное» место данной стадии между возбуждением дела и его передачей в суд (прекращением уголовного дела).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безрядкин, В. И. Проблемы доказывания в ходе предварительного расследования / В. И. Безрядкин // XVII Царскосельские чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2013 г.). – СПб : Изд-во Ленинград. гос. ун-та им. А.С. Пушкина, 2013. – С. 9–12.
2. Василенко, В. А. Понятие предварительного расследования и его значение в уголовном процессе России / В. А. Василенко // Общество: политика, экономика, право. – 2019. – № 1. – С. 62–65.
3. Жукова, Н. А. Формы предварительного расследования в уголовном судопроизводстве России / Н. А. Жукова, О. Д. Диденко // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2015. – № 1. – С. 54–58.

4. Кобликов, А. С. Уголовный процесс / А. С. Кобликов. – М. : Юрист, 1999. – 348 с.
5. Манова, Н. С. Уголовный процесс: курс лекций / Н. С. Манова, Ю. В. Францифоров. – М. : Статут, 2020. – 244 с.
6. Мохов, А. Ю. Судопроизводство в Российской Федерации: понятие и виды / А. Ю. Мохов, Ю. О. Казаченко // Правовая позиция. – 2022. – № 1. – С. 6–10.
7. Пикалов, И. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учеб. пособие / И. А. Пикалов. – М. : Юрайт, 2019. – 438 с.
8. Сатдинов, Л. В. К вопросу о сущности предварительного расследования / Л. В. Сатдинов // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2020. – № 2. – С. 71–74.
9. Строгович, М. С. Курс уголовного судопроизводства. Том первый / М. С. Строгович. – М. : Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1969. – 468 с.
10. Уголовно-процессуальное право : учебник / под ред. В. М. Лебедева. – М. : Юрайт-издат, 2021. – 1060 с.
11. Фадеев, П. В. Проблемы формирования понятий уголовно-процессуального права и их влияние на правоприменительную практику / П. В. Фадеев // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 6. – С. 104–108.

REFERENCES

1. Bezryadkin V.I. Problemy dokazyvaniya v hode predvaritelnogo rassledovaniya [Problems of Evidence During the Preliminary Investigation]. *XVII Carskoselskie chteniya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2013 g.)* [The 17th Tsarskoye Selo Readings. Proceedings of the Intern. Scientific-Practical Conference (St. Petersburg, April 23–24, 2013)]. Saint Petersburg, Izd-vo Leningrad. gos. un-ta im. A. S. Pushkina, 2013, pp. 9-12.
2. Vasilenko V.A. Ponyatie predvaritelnogo rassledovaniya i ego znachenie v ugovnom processe Rossii [The Concept of Preliminary Investigation and Its Significance in the Criminal Process of Russia]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law], 2019, no. 1, pp. 62-65.
3. Zhukova N.A., Didenko O.D. Formy predvaritelnogo rassledovaniya v ugovnom sudoproizvodstve Rossii [Forms of Preliminary Investigation in Criminal Proceedings in Russia]. *Problemy pravoohranitelnoj deyatel'nosti* [Problems of Law Enforcement], 2015, no. 1, pp. 54-58.
4. Koblikov A.S. *Ugolovnyj process: uchebnik* [Criminal Process. Textbook]. Moscow, Lawyer Publ., 1999. 348 p.

5. Manova N.S., Franciforov Yu.V. *Ugolovnyj process: kurs lekcij* [Criminal Process. Lectures Course]. Moscow, Statute Publ., 2020. 244 p.

6. Mohov A.Yu. *Sudoproizvodstvo v Rossijskoj Federacii: ponyatie i vidy* [Legal Proceedings in Russian Federation: Concept and Types]. *Pravovaya poziciya* [Legal Position], 2022, no. 1, pp. 6-10.

7. Pikalov I.A. *Ugolovno-processualnoe pravo Rossijskoj Federacii: ucheb. posobie* [Criminal Procedure Law of Russian Federation. Textbook]. Moscow, Yurite Publ., 2019. 438 p.

8. Satdinov L.V. *K voprosu o sushchnosti predvaritelnogo rassledovaniya* [To the Question of the Essence of the Preliminary Investigation]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin

of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, no. 2, pp. 71-74.

9. Strogovich M.S. *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva. Tom pervyj* [Course of Criminal Proceedings. Volume One]. Moscow, Gos. izd-vo jurid. lit-ry, 1969. 468 p.

10. Lebedev V. M., ed. *Ugolovno-processualnoe pravo: uchebnik* [Criminal Procedure Law. Textbook]. Moscow, Yuryat-izdat Publ., 2021. 1060 p.

11. Fadeev P.V. *Problemy formirovaniya ponyatij ugolovno-processualnogo prava i ih vliyanie na pravoprimenitelnyu praktiku* [Problems of Formation of Concepts of Criminal Procedure Law and Their Influence on Law Enforcement Practice]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2017, no. 6, pp. 104-108.

Information About the Authors

Nikolay F. Kolosov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Volgograd Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, krimkol@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5657-8560>

Natalia A. Solovyova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Head of Department of Procedural Law and Criminalistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, solovieva_na@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9698-0845>

Информация об авторах

Николай Федорович Колосов, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, krimkol@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5657-8560>

Наталья Алексеевна Соловьева, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой процессуального права и криминалистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, solovieva_na@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9698-0845>

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.19>

UDC 341.01
LBC 67.91

Submitted: 20.10.2023
Accepted: 20.11.2023

THE CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF THE PHILOSOPHY OF INTERNATIONAL LAW

Emil A. Karakulyan

National Research State University of Nizhny Novgorod named after N.I. Lobachevsky,
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Introduction. The multidimensionality and plurality of doctrinal sources of the science of international law require a philosophical understanding of the main issues of international law. This is also due to the transitive nature of the current international system. **Purpose.** To define the conceptual framework for the subject field of the philosophy of international law. **Methods.** The research uses the general scientific methods of historicism, systematics, and analysis, as well as the comparative law method. **Results.** It is argued that the historical and conceptual (thematic) frameworks for the philosophy of international law can act as separate directions for meta-research. **Conclusions.** One of the central categories of the subject field of the philosophy of international law is the concept of international law awareness. The subject field of the philosophy of international law is formed taking into account the historical and conceptual limitations of the idea of universality in the structure of international law studies, as well as their metatheoretical orientation.

Key words: metatheory, metalaw, philosophy and science of international law, international community, human rights, teleology, civilization, eurocentrism.

Citation. Karakulyan E.A. The Conceptual Foundations of the Philosophy of International Law. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 144-150. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.19>

УДК 341.01
ББК 67.91

Дата поступления статьи: 20.10.2023
Дата принятия статьи: 20.11.2023

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Эмиль Альбертович Каракулян

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Введение: необходимость в философском осмыслении основных вопросов международного права проистекает из многоаспектности и множественности доктринальных источников науки международного права, а также из условий транзитивного характера современного состояния международной системы. **Цель:** определить концептуальные рамки предметного поля философии международного права. **Методы:** в исследовании использованы общенаучные методы историзма, системности, анализа, а также сравнительно-пра-

вой метод. **Результаты:** утверждается тезис о том, что историко-концептуальные (тематические) рамки философии международного права могут выступать в качестве отдельных направлений для метаправовых исследований. **Выводы:** одной из центральных категорий предметного поля философии международного права является понятие международного правосознания; предметное поле философии международного права формируется с учетом исторической и концептуальной ограниченности идеи универсальности в структуре международно-правовых исследований, а также их метатеоретической направленности.

Ключевые слова: метатеория, метаправо, философия и наука международного права, международное сообщество, права человека, телеология, цивилизация, евроцентризм.

Цитирование. Каракулян Э. А. Концептуальные основания философии международного права // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 144–150. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.19>

Введение

Многоаспектность и множественность доктринальных источников международного права (далее – МП) и его науки (далее – НМП), вопросы междисциплинарных отношений и взаимодействий в данной сфере нуждаются в оформлении соответствующих способов терминологического обрамления, категоризации и обобщений. В связи с этим и возникают такие методологические и метатеоретические ориентиры формирования НМП и решения сложных вопросов, как «философия МП» (далее – ФМП), «интегральный метод», «метатеория права» и др., выступающие в свою очередь способами и формами не только расширения масштабов анализа и синтеза историко- и теоретико-правового материала, но и основаниями для поиска и определения высших или предельных (метафизических) оснований и дефиниций.

К вопросу о предметно-методологических основаниях ФМП

Классика МП зарождалась и формировалась преимущественно в поле теологии и философии (философии права), современность – независимо от определений ее временных границ – в пространстве, главным образом, общей теории права в различных ее модификациях. Однако, вопреки тому мнению, что в Новое и Новейшее время понимание МП строилось, шаг за шагом, преимущественно в рамках позитивизма, не нуждающегося в обращении к философским основаниям, мы видим, что в специальной литературе (особенно в XX – начала XXI в.) вопросы, оставшиеся за рамками позитивизма, то есть, основные (смысловые) вопросы МП и международной жизни, продол-

жают находиться в центре международно-правовых и политических исследований в формах прямого и непрямого философствования, историко-правового теоретизирования, постановки методологических вопросов, – всего того, что позволяет выйти на возможно более высокий уровень и широкий охват обобщений. Подчеркнем: основные вопросы ФМП внутренне присущи истории международно-правовых учений (далее – МПУ) и НМП.

Чаще всего подобные (смысло-ориентируемые, телеологически организованные) направления исследований относят к жанрам политической философии, историко-теоретических и правовых исследований. Как бы то ни было, их развитие свидетельствует об известной ограниченности сугубо позитивистского подхода и о насущной потребности в философско-стратегическом осмыслении истории, теории и права международного сообщества (далее – МС). В специальном выражении промежуток между философией и позитивизмом (в сфере МП) может быть заполнен вопросами методологии. Более того, самые разные аспекты основных международно-правовых концепций, по сути, являются признаками явного или неявного стремления сформировать некую «методологию методологий», применимую к сфере международной жизни и нормативно-принципиально (юридический позитивизм) или идеально-ценностно (правовая метафизика) ориентируемую.

В зависимости от предпочтений и способностей к высшим уровням оценок в отношении культивируемых политических стратегий, МП часто рассматривается (преимущественно в западно-ориентируемой литературе) сквозь призму целого ряда тематических (историко-концептуальных) направлений теоретизирования и философствования, таких как

теология [6, с. 492–511; 10], евроцентризм [9, с. 329–336], цивилизационная сущность [5; 8], телеология МП [7, с. 3–34], то есть в рамках различных исследовательских стратегий, стремящихся по-своему формировать «верхние этажи» возможных обобщений. В то же время, данные направления становятся предметом критики или апологии, если не «размытым» фокусом безысходной амбивалентности международно-правовых суждений [8, с. 51]. Как бы то ни было, предметом философии МП становится та или иная форма международного, универсально ориентируемого, правосознания, а также соответствующие способы его концептуализации.

Историко-концептуальные контуры общей философии МП

Любой способ организации и критики историко-концептуальных форм МП и его науки, например евроцентризма, – в силу предельного состояния предмета критики – обращается соответственно апологией или критикой той рациональности, в рамках которой и формируется предметное видение. По нашему мнению, это означает, что различные способы и формы международно-правовой рациональности (исторической или актуальной) нуждаются в иных способах схватывания и выражения описываемой предметности, так как, схематически говоря, критика указывает на то, чего не должно быть, апология – на то, что нового быть не может. Возникает вопрос о том, каким образом может быть найден «третий путь».

Наряду с необходимостью расширения поля междисциплинарности в качестве одного из приемов интеллектуального «удержания» предмета, необходим и соответствующий ей уровень концептуализации правовых «вещей» и правовых «идей», где объем видения пропорционален подробности анализа его (объема) внутренней структуры. За организацию и степень стройности последней должна отвечать соответствующая методология, в отсутствии которой никакая концепция не может быть мерилем связности того, что можно отнести к отголоскам средневекового спора о «реальности» и «номинальности» категорий (универсалий). Можно утверждать, что сред-

невековый спор между так называемыми реалистами и номиналистами, по сути, не исчезающий и в сфере современной НМП, сегодня приобретает специфическое звучание. И та и другая сторона в данном споре по-своему отвечает на вопрос о соотношении «идеи» и «вещи». Однако насколько декларация о «реальности» международно-правовых понятий говорит об историчности их европейского происхождения, настолько обнажается и их условность для самокритичного европейского или критицистски альтернативного сознания. В этом смысле именно исторический концептуализм (в качестве альтернативы обеим крайностям уходящего в средневековые споры), может быть своего рода мерилем исторической ментальной и реальной эволюции, предметом которой становится, главным образом, структура международного правосознания, или различные способы его концептуального схватывания. В конечном счете предметом всякой правовой концепции и является определенный (со стороны действия различных факторов и обстоятельств) тип правосознания, возникающий в условиях протекания конкретно-исторических, «объективных мыслительных форм» [2, с. 86], а также конститутивных и системообразующих (для соответствующей системы права) процессов, их взаимодействия и суммы.

Если взять определенный тип правосознания в его исторической и концептуальной форме, то есть в максимально широком объеме его исторического и доктринального значения, то единицей измерения будет некий комплекс рациональных и нерациональных знаний (в форме того, что можно назвать «историческим концептумом», «феноменами исторически понимаемого-переживаемого», в рамках чего и осуществляется движение к рационализированному в той или иной степени формам отражения «духа» и содержания эпохи; на уровне правовой системы это отражается, в частности, в наличии определенной конфигурации позитивных и обычных источников права). Предлагаемый термин «исторический conceptum», охватывающий в данном случае правовые явления и идеи определенного исторического периода, отражает идею некоего мериле исторического производства и воспроизводства рассматриваемого вида

сознания (правосознания) и соответствующего ему бытия (право-бытия). Историко-концептуальная «разница» между «эпохами права» может показать меру нового (динамичного) и неизменного (статичного) в самосознании (правосознании) эпохи. Это означает, кроме прочего, что, если признается существование исторических форм международного правосознания, то это должно опираться на представления о действительности их исторического и актуального существования, то есть «право-бытия», которое можно без особых усилий – при условии допущения неизменных атрибутов исторического процесса (неких «констант прогресса») – увязать с категорией «метафизической формы легитимности» (легитимации) исторического существования и действия, осознание которой (легитимности) возвышается над любой системой институтов и институций, воплощаясь в причинных и целевых аспектах идентичности ее проводника или адепта. Метафизика международно-правового сознания как имплицитная часть международно-правового дискурса (исторически по происхождению и часто по содержанию – западного типа) проявляется, например, в таких концепт-категориях, как «европейская цивилизация», «прогресс», «права человека», которые на протяжении долгого времени и в определенной (западной) традиции играют роль неподвижных констант и «неотъемлемых» атрибутов истории МП. Иными словами, историческое доминирование метафизики МП западного типа сообщало всему миру о том, что такие категории, как «цивилизационность», «права человека», «прогресс» и т. п. могут быть исключительно западными по содержанию.

Как отмечал О. Эйхельман в 1885 г., перефразируя Ф.Ф. Мартенса (для которого, впрочем, «Современное международное право цивилизованных народов» было – вполне в духе эпохи – европейским «изобретением»), «основным законом развития всей истории международного права служит закон прогрессивного развития международных отношений. *Через это мы в состоянии понять всю историю как одно целое.* Непосредственным выражением этого закона является *начало уважения человеческой личности, которое проходит через “всю” историческую жизнь народов.*

Степень его признания есть мера развития международных отношений и права в известное время» [4, с. 8]. Разумеется, что именно и каким образом понимать под «прогрессивностью» и «мерой развития» – отдельный вопрос. Забегая вперед, можно сказать, что первое мы связываем с идеей поступательности и всесторонности, второе – с исторической формой международного правосознания.

Таким образом, в данном (исторически евро-западном) направлении науки МП утверждается тезис о прогрессивности как о неизменном свойстве истории МП, выражающемся в постепенном совершенствовании представлений о правах человека (причем, неизменно западного типа), которые становятся историко-концептуальным мерилom «движения вперед» и в то же время условий познания этого развития. При этом, действительно, идея неизменного «мерила», или способа измерения степени развития, присутствует в НМП, однако вопрос насколько верно ассоциировать его именно с идеей универсальности, прогресса или с идеей прав человека остается открытым (в рамках данных рассуждений), так как не всегда и не для всех одинаково ясно, что предшествует чему в анализе эволюции международно-правового сознания: универсализм или история МП. Очевидно, что идея универсальности (свойственная НМП) приобретает политико-правовое или тем более нормативное оформление лишь на определенном этапе развития МП, хотя ученые-международники и склонны порой рассматривать последнее через призму уже сформировавшейся идеи универсальности. По этому поводу можно отметить следующее.

С одной стороны, утверждается, что «универсализм, издавна (еще от стоиков и Цицерона) считавший разделение человечества на государства вторичным и отдавший приоритет интересам и правам человека, всегда был склонен апеллировать к моральным нормам и вечным нравственным идеалам как основе и побудительному мотиву международной политики, призванной способствовать... становлению единого сообщества, гармонично сочетающего универсальные ценности человечества с ценностями, правами и свободами индивида» [3, с. 109]. Иными словами, в этом видении универсальная идея присутству-

ет, скорее, как «вечный», «побудительный мотив», нежели логическое следствие и результат естественно-исторического развития.

С другой стороны, относительность и ограниченность универсализации подчеркивается, например, тем соображением, что «...ситуация с универсальными правами человека напоминает известный парадокс Рассела о множествах. Любые универсальные права человека не являются универсальными. Потому что они либо не признают права не признавать универсальные права, либо исключают из своей сферы того, кто их не признает» [1, с. 150–151]. Нечто подобное можно отнести в принципе и к международному сообществу как продукту универсализации: может ли оно, состоящее из множества лиц, ставить и себя в этот ряд в качестве лица? Очевидно, что в случае положительного ответа придется как минимум использовать оговорку «*suī generis*» – ради использования одноименного понятия, но на другом уровне или в иных обстоятельствах.

Кроме того, «интернационализм, особенно с XV–XVI вв... исходит из того, что интересы индивидов неизбежно опосредуются государствами. Поэтому он видит иной путь к достижению всеобщности – через развитие МП, создание и совершенствование международных институтов» (от себя добавим – необязательно универсальных по своей природе). В этом смысле, интернационализм («выходит за рамки либеральной традиции», стремясь «обосновать “коммунитарные” основы этического порядка в мире» [3, с. 110]. И в данном случае не столь важно, что данный тип интернационализма и призыв к сообществу формируется в условиях «упадка империи» (Британии) с целью противостояния «крайностям имперского господства» (США), через поиск диалога, пусть даже и ценой надгосударственности. Важно подчеркнуть другое: МП в этом видении понимается как продукт интернационализма, а универсалистские его аспекты могут складываться лишь *a posteriori* или в рамках другой (классически либеральной) политической традиции. Последнее находит свое выражение, в частности, в пресловутой концепции «мира, основанного на правилах», возникшей в рамках западо-центрического сознания по одним признакам в противовес интернационализму классическо-

го времени (под знаком «*internation law*» во всеобщем измерении), по другим признакам – выходящей за рамки последнего, выводя на первый план некие «правила», актуальные, однако, для совершенно определенного, то есть ограниченного, западного сообщества (*community*), но не всеобщего (по своим источникам и средствам) международного сообщества.

Выводы

Предметное поле ФМП формируется не только как реакция на транзитивность или кризисность международной системы, но прежде всего как отражение многоаспектности, множественности и междисциплинарности доктринальных источников МП и его науки, причем основные вопросы ФМП имплицитны истории МПУ и НМП. Основными тематиками теоретического или философского осмысления международно-правовой сферы в западной традиции становятся такие направления, как теология, евроцентризм, цивилизация, телеология МП. Являясь, по сути, выражением историко-концептуальных черт международно-правового сознания, данные стратегии в своем развитии тяготеют к метатеоретическому (метафизическому) описанию. В своем метафизическом измерении данные исследования не могут подняться над доминирующими формами рациональности, то есть не делая последнюю предметом осмысления.

Между тем методология философско-правового исследования требует определенного сочетания мысли о предмете ФМП, коим является историческая форма международного правосознания, и одновременно «мысли об этой мысли», коим является постановка вопроса о возможности и характере метатеоретических категорий при описании исторически-конкретного состояния международно-правовой системы и международной жизни в целом. В свете данных требований вырисовывается понимание исторической и концептуальной ограниченности идеи универсальности в структуре международно-правовых исследований, а также их метатеоретической направленности, вне рамок которой невозможно ответственное и сбалансированное развитие и наполнение предметного поля ФМП.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Драгунский, Д. О текущем моменте и «архаике будущего» / Д. Драгунский // *Космополис*. – 2002. – № 1. – С. 150–151.
2. Маркс, К. Сочинения. В 30 т. Т. 23 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Изд-во полит. лит., 1960. – 907 с.
3. Цыганков, А. П. Социология международных отношений: Анализ российских и западных теорий : учеб. пособие для студентов вузов / А. П. Цыганков, П. А. Цыганков. – М. : Аспект Пресс, 2006. – 236 с.
4. Эйхельман, О. О. К вопросу об истории международного права и истории его литературы / О. О. Эйхельмана. – Киев : Унив. тип. (И.И. Завадского), 1885. – 67 с.
5. Gerrit, W. Gong, *The Standard of Civilization in International Society* / W. Gerrit. – Oxford : Clarendon Press, 1984. – 267 p.
6. Koskenniemi, M. *International Law as Political Theology: How to Read Nomos der Erde?* / M. Koskenniemi // *Constellations*. – 2004. – № 11. – P. 492–511.
7. Koskenniemi, M. *Law, Teleology and International Relations: An Essay in Counterdisciplinarity* / M. Koskenniemi // *International Relations*. – 2012. – Vol. 26 (1). – P. 3–34. – DOI:10.1177/0047117811433080
8. Koskenniemi, M. *The Gentle Civilizer of Nations: The Rise and Fall of International Law 1870–1960 (Hersch Lauterpacht Memorial Lectures)* / M. Koskenniemi. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – DOI: 10.1017/CBO9780511494222
9. Martineau, A.-C. *Overcoming Eurocentrism? Global History and the Oxford Handbook of the History of International Law* / A.-C. Martineau // *European Journal of International Law*. – 2014. – Vol. 25 (1). – P. 329–336. – DOI: 10.1093/ejil/chu017
10. Meier, H. *The Lesson of Carl Schmitt: Four Chapters on the Distinction Between Political Theology and Political Philosophy* / H. Meier. – Chicago : The University of Chicago Press, 1998. – 179 p.

REFERENCES

1. Dragunskij D. O tekushchem momente i «arhaike budushchego» [About the Current Moment and the “Archaic Future”]. *Kosmopolis*, 2002, no. 1, pp. 150-151.
2. Marks K., Engels F. *Sochineniya. V 30 t. T. 23* [Essays. In 30 Vols. Vol. 23]. Moscow, Izd-vo polit. lit., 1960. 907 p.
3. Cygankov A.P., Cygankov P.A. *Sociologiya mezhdunarodnyh otnoshenij: Analiz rossijskih i zapadnyh teorij: ucheb. posobie dlya studentov vuzov* [Sociology of International Relations: Analysis of Russian and Western Theories. Textbook for University Students]. Moscow, Aspekt Press, 2006. 236 p.
4. Ejhelman O.O. *K voprosu ob istorii mezhdunarodnogo prava i istorii ego literatury* [On the Question of the History of International Law and the History of Its Literature]. Kiev, Univ. tip. (I.I. Zavadskogo), 1885. 67 p.
5. Gerrit W. Gong, *The Standard of Civilization in International Society*. Oxford, Clarendon Press, 1984. 267 p.
6. Koskenniemi M. *International Law as Political Theology: How to Read Nomos der Erde? Constellations*, 2004, no. 11, pp. 492-511.
7. Koskenniemi M. *Law, Teleology and International Relations: An Essay in Counterdisciplinarity. International Relations*, 2012, vol. 26 (1), pp. 3-34. DOI: 10.1177/0047117811433080
8. Koskenniemi M. *The Gentle Civilizer of Nations: The Rise and Fall of International Law 1870–1960 (Hersch Lauterpacht Memorial Lectures)*. Cambridge, Cambridge University Press, 2001. DOI: 10.1017/CBO9780511494222
9. Martineau A.-C. *Overcoming Eurocentrism? Global History and the Oxford Handbook of the History of International Law. European Journal of International Law*, 2014, vol. 25 (1), pp. 329-336. DOI: 10.1093/ejil/chu017
10. Meier H. *The Lesson of Carl Schmitt: Four Chapters on the Distinction Between Political Theology and Political Philosophy*. Chicago, The University of Chicago Press, 1998. 179 p.

Information About the Author

Emil A. Karakulyan, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of European and International Law, National Research State University of Nizhny Novgorod named after N.I. Lobachevsky, Ashkhabadskaya St, 4, 603115 Nizhny Novgorod, Russian Federation, isoforma@yahoo.fr, karakulyan@jur.unn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0761-6601>

Информация об авторе

Эмиль Альбертович Каракулян, кандидат юридических наук, доцент кафедры европейского и международного права, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, ул. Ашхабадская, 4, 603115 г. Нижний Новгород, Российская Федерация, isoforma@yahoo.fr, karakulyan@jur.unn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0761-6601>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.20>

UDC 342.7
LBC 67.400.32

Submitted: 21.10.2023
Accepted: 20.11.2023

THE THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS

Dmitry G. Vasilevich

MITSO International University, Minsk, Belarus

Introduction. The doctrine of human rights and freedoms attracts a wide range of scientists. Under present-day conditions, a number of well-established and seemingly traditional approaches to their definition and legal regulation are being rethought. Both external factors, such as interstate relations, and internal factors, like constitutional amendments, can influence these processes. **Methods.** The methodological framework for the study is a set of methods of scientific cognition, including such main ones as the methods of consistency, analysis, and comparative law. **Results.** The paper analyzes the doctrinal sources dealing with the dynamics of rights and freedoms, as well as the constitutional and other norms of the legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus. **Conclusions.** It is proposed that, taking into account the existing classification of rights and freedoms, depending on the sphere of their manifestation, their scientific component should be developed, namely, the scientific definition of personal, political, economic, social, and cultural rights, in view of their specifics. Attention is focused on new groups of rights – informational and somatic ones. Information technologies are an important means of realizing the full range of human and civil rights and freedoms. The author's scientific definition of somatic rights is given in the paper. The proposals are made to improve the acts of constitutional and family legislation.

Key words: rights and freedoms, sources of rights, constitutional rights, citizen, state.

Citation. Vasilevich D.G. The Theoretical and Applied Aspects of the Development of Human and Civil Rights and Freedoms. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 151-158. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.20>

УДК 342.7
ББК 67.400.32

Дата поступления статьи: 21.10.2023
Дата принятия статьи: 20.11.2023

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Дмитрий Григорьевич Василевич

Международный университет «МИТСО», г. Минск, Беларусь

Введение: учение о правах и свободах человека привлекает широкий круг ученых. В современных условиях происходит переосмысление ряда устоявшихся и, казалось бы, традиционных подходов к их определению и правовой регламентации. Значительное влияние на эти процессы оказывают внешние (турбулентность межгосударственных отношений) и внутренние (внесение изменений и дополнений в конституции) факторы. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают методы системности, анализа и сравнительно-правовой. **Результаты:** в статье анализируются доктринальные источники, посвященные динамике прав и свобод, а также конституционные и иные нормы законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь. **Выводы:** высказано предложение о необходимости с учетом имеющейся классификации прав и свобод в зависимости от сферы их проявления развивать научную их составляющую, а именно научное определение личных, политических, экономических, социальных и культурных прав с учетом их специфики. Акцентировано внимание на новых группах прав – информационных и соматических правах. Информационные технологии являются важным средством реализации всего спектра прав и свобод человека и гражда-

нина. В статье дано авторское научное определение соматических прав. Внесены предложения по совершенствованию актов конституционного и семейного законодательства.

Ключевые слова: права и свободы, источники прав, конституционные права, гражданин, государство.

Цитирование. Василевич Д. Г. Теоретико-прикладные аспекты развития прав и свобод человека и гражданина // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 151–158. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.20>

Введение

В конституциях Российской Федерации и Республики Беларусь права и свободы человека, гарантии их осуществления провозглашены высшей ценностью и целью общества и государства. Состояние прав и свобод человека является своего рода мерилем развития государства и общества, которое отражает уровень возможностей пользоваться имущественными и духовными благами, реализовывать свои способности в различных сферах общественной жизни, самосовершенствоваться, показывает характер отношений между индивидуумом, обществом и государством.

В литературе подчеркивается, что и после обретения республиками бывшего СССР государственного суверенитета гражданам все равно приходилось принимать меры для отстаивания всех прав, включая и неотъемлемые права. Еще десять лет назад, то есть до нынешней турбулентности в межгосударственных отношениях, которая влияет и на внутреннюю составляющую процесса защиты прав и свобод, указывалось на обострение проблемы с их защитой по причине возникающих экстремальных ситуаций, перманентной нестабильности [4, с. 7].

Научные определения прав и свобод

Учеными даются различные определения прав человека. Иногда их определяют лаконично, как возможность пользоваться определенными благами. В других случаях предлагаются более широкие определения. Например, А.А. Ковалев определяет права как «общую и равную для всех меру свободы (возможного поведения), необходимую для удовлетворения потребностей его существования, развития, самореализации, которая в тех или иных конкретно-исторических условиях определяется взаимным признанием свободы

субъектами правового общения и не зависит от ее официальной фиксации государством, хотя и нуждается в государственном признании и гарантировании» [4, с. 42]. Таким образом, правовед акцентирует внимание на том, что указанная мера свободы предполагает не просто пользование благами, но и саморазвитие на этой основе человека, его самореализацию. Подобная оценка прав является нетипичной, но весьма продуктивной в силу того, что индивидуум, живя в обществе, не может быть свободен от обязательств перед ним. Обычно в связи с этим вспоминали о недопустимости совершения преступлений и иных правонарушений. Вместе с тем предложенное А.А. Ковалевым определение, как представляется, основано на идеях естественного права.

Как подтверждается на современном этапе развития, права человека являются отражением сложившихся в обществе мировоззренческих ценностей, но реализовать их можно, если имеется их нормативное закрепление. Автор статьи придерживается позитивистского взгляда на содержание прав человека. Можно, конечно, подчеркивать истоки прав человека, их природу, например неотъемлемых прав, но воспользоваться ими человек сможет тогда, когда в Конституции или ином акте законодательства, принятым в соответствии с Конституцией, будет определено их содержание.

Известный российский ученый Е.А. Лукашева определяла права человека как **нормативно** структурированные свойства и особенности бытия личности, отражающем ее взаимоотношения с иными субъектами правовых отношений [6, с. 3]. Ф.Н. Рудинский также подчеркивал два аспекта: права человека естественно возникают и они устанавливаются конституциями государств, гарантируются государством, при этом индивид ответственно обладает жизненно важными благами [9, с. 23], что сближает его определение с позицией А.А. Ковалева.

К вопросу о классификации прав и свобод

Полагаем, что с учетом имеющейся классификации прав и свобод в зависимости от сферы их проявления следует развивать научную их составляющую, а именно научное определение личных, политических, экономических, социальных и культурных прав с учетом их специфики. В настоящее время в доктрине акцентируется внимание на новых группах прав – информационных и соматических правах. Информационные технологии являются важным средством реализации всего спектра прав и свобод человека и гражданина. Что касается соматических прав, то автором предложено следующее их определение: под соматическими правами и свободами следует понимать совокупность прав и свобод по распоряжению человеком своим телом в соответствии с Конституцией и международными договорами, на объем и содержание которых оказывают влияние мировоззренческие установки, а также достижения биомедицины, генетики, трансплантологии и других наук, занимающихся исследованиями в области человеческого организма [1, с. 47]. Здесь нами особо подчеркивается влияние не только конституционных норм, но мировоззренческих установок, базисных ценностей общества. Например, в результате конституционных изменений, которые произошли в Российской Федерации и Республике Беларусь в 2020 и 2022 гг. соответственно, основные законы наших стран дополнены указанием на то, что брак – это союз мужчины и женщины, тем самым исключаются однополые браки (см. ст. 72 Конституции РФ и ст. 32 Конституции Беларуси). Солидарны с высказанным мнением, что общество, возводящее в разряд нормы противоестественные отношения, лишает себя будущего. Сохранение человека возможно при условии руководства истинными общечеловеческими ценностями. Надлежаще обеспечиваемое право на образование является гарантией, препятствующей проникновению противоестественных норм [10, с. 208]. В сфере соматических прав еще много нерешенных или потенциально перспективных решений, например, в связи с внедрением нейроинтерфейсов, регламентации отношений

по поводу трансплантации органов и тканей человека, искусственного прерывания беременности и мерах по их сокращению, суррогатному материнству. Например, в Семейном кодексе Российской Федерации следовало бы закрепить норму о приоритете суррогатной матери на усыновление рожденного ею ребенка, оставшегося по каким-то причинам без попечения своих родителей.

Следует учитывать черты, присущие правам человека. Это равенство социальных возможностей; они подлежат защите со стороны государства; их предназначением является удовлетворение потребностей и притязаний людей [5, с. 40].

В зависимости от целей нормативной регламентации права можно классифицировать на абсолютные и ограничиваемые, то есть государство решает вопрос об объеме прав. Общепризнанной, включая доктринальные источники и конституции Российской Федерации и Республики Беларусь, является обязанность субъектов власти при ограничении прав и свобод учитывать объективную необходимость тех или иных ограничений; соблюдать международные обязательства в сфере прав и свобод; исключать дискриминацию; цели ограничения должны быть правомерными; соблюдать форму и соразмерность ограничения достигаемым целям.

Продуктивной для современных реалий, особенно в условиях процесса глобализации, острой конкуренции в экономической сфере между государствами, идеологическим (ценностным) противостоянием, является идея социальной ответственности граждан, организаций и иных субъектов правовых отношений. В качестве позитивного факта отметим закрепление по итогам республиканского референдума в феврале 2022 г. в ст. 21 Конституции Республики Беларусь положения о том, что каждый должен проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства. Можем предположить, что таким образом в Конституции закреплены правовые импульсы для активизации человеческого потенциала, выработки стимулов для более активной деятельности граждан и иных субъектов правовых отношений на благо всего общества. Для социально ответственных лиц характерны от-

ветственность за благополучие своей семьи, Отечества, проявление солидарности поколений и другие лучшие качества, которые важны для динамичного развития страны и являются чертами гражданского общества. В результате конституционного закрепления социальной ответственности каждого этот принцип из этического превращается в важнейший правовой принцип человеческого общежития.

Права и свободы как отражение национальных ценностей

Права и свободы человека уже давно находятся в центре борьбы за умы людей. В условиях ранее существовавших двух политических систем – социалистической и капиталистической – этот вопрос имел явно идеологическую окраску. Были взаимные обвинения о нарушениях прав человека, о двойных стандартах при оценках состояния прав и свобод, о различном отношении к той или иной группе прав. В советских условиях значительное внимание уделялось обеспечению социально-экономических прав, в том числе образованию (о советской системе образования, как одной из лучших в мире, сейчас вспоминают все), всеобщей занятости (последняя биржа труда в СССР была ликвидирована в 1930 г.), охране здоровья, социальному обеспечению и др. Со стороны западного мира акцент делался на личных правах и лишь под влиянием граждан, профсоюзов, других институтов гражданского общества там активизировалось внимание к занятости, ликвидации безработицы, медицинскому обслуживанию и др.

После распада советской системы и так называемого социалистического лагеря многие ученые и практики стали романтизировать состояние прав и свобод в странах Запада, полагая, что здесь присутствует устойчивое к ним отношение как общечеловеческим ценностям. Ориентиром в странах молодой демократии становились европейские «стандарты» в области прав и свобод, постоянно звучали призывы к заимствованию зарубежного опыта. Нельзя отрицать, что его изучение и следование по ряду направлений было ошибкой, как, впрочем, и для западных стран было пользой применение советского опыта в сфере обеспечения социально-экономических и

социально-культурных прав, что часто стабилизировало общественную обстановку в западных странах.

Сейчас можно видеть, что в западных странах подаются уже иные примеры отношения к свободе слова, охране права собственности, равенству всех независимо от национальной принадлежности. Эти ранее проповедуемые ценности уже не являются абсолютными категориями. В этой связи важно, освещая проблематику прав и свобод, объективно подходить к данному вопросу, показывая также, что права и свободы в западных странах часто являются инструментом политической борьбы.

Поэтому огромное значение приобретает образование человека, право на которое закреплено в Конституции Российской Федерации, ряде подконституционных актов, а также международных договорах, участницей которых является Российская Федерация, умение молодых людей размышлять, делать обоснованные выводы, отвергать вредную и искаженную информацию, критически относиться к тому, что излагается в Интернете. Важность образования обусловлена тем, что оно объединяет две сферы – социальную и культурную [13, с. 1845].

С учетом современных реалий необходимы коррективы позиции, согласно которой, как считает В.В. Спасская, свободу образования следует рассматривать как «свободу выбора педагогических методов, выбора учебников» [11, с. 77].

Такого рода позиция исключает возможность влияния государства на педагогический процесс, на воспитание граждан в духе уважения к собственной стране, чувства патриотизма, уважения к собственной истории. Опасные тенденции, которые проявились в современной истории, прежде всего умаление или даже отрицание роли советского народа в победе над фашизмом, освобождении европейских стран от гитлеровских войск, побудили внести изменения в российскую Конституцию с тем, чтобы противодействовать им.

Приемлема та образовательная философская идея, в соответствии с которой главной целью (на наш взгляд, одной из главных. – Д. В.) является формирование ценностного мировоззрения [13, с. 1844].

Н.В. Витруком в свое время было высказано сомнение относительно ценности идеи «живой Конституции, когда действующий Основной Закон наполняется новым содержанием» [2, с. 4]. Здесь важно обеспечивать точную и единообразную интерпретацию конституционных норм, ведь со временем действия может быть новое «прочтение» (понимание) текста. Но особенно надо быть осторожным, когда новые подходы в раскрытии смысла конституционной нормы о правах и свободах являются существенными, судьбоносными для общества, меняют вектор развития цивилизации. Недостаточно просто указать на то, что государство является правовым демократическим социальным. Конституция, хотя и соединяет национальные и универсальные принципы и ценности, все же нуждается в нормах, которые бы конкретизировали конституционные права, свободы и обязанности, оптимизировали баланс частных и публичных интересов [8, с. 18].

Судебная защита прав и свобод

Признание приоритета прав и свобод человека, ценности его личности предполагает целенаправленную деятельность государства по обеспечению и защите прав и свобод. Одним из важнейших направлений является судебная защита прав и свобод. Как справедливо заметил Р. Иеринг, всякое право добыто в результате столкновений; каждое право предполагает готовность его отстаивать [3, с. 5].

Справедливо мнение, что права и свободы человека при отсутствии их защиты даже в случае фиксации их в Конституции останутся декларациями [14, с. 24].

Цивилизованным способом отстаивать право в современных условиях стало правосудие, пришедшее на смену насильственного способа разрешения конфликтов (споров) [7, с. 14]. Именно правосудие в силу природы и предназначения судебной власти обеспечивает в максимальной степени справедливость. Называется триада обязательств государства перед гражданами, предполагающих активные действия государственных органов: уважать, обеспечивать и защищать права и свободы [12, с. 227].

Для российской правоприменительной практики характерна активная деятельность Конституционного Суда, который в результате тщательного анализа поступающих к нему обращений о проверке конституционности актов принимает свои акты, которые расширяют наше понимание конституционных принципов и норм, создают основу и определяют вектор для совершенствования законодательства и правоприменения. Они способствуют развитию правового статуса граждан, так как благодаря рассмотренным делам весь спектр личных, политических, социально-экономических прав получает новое и современное содержание. В этом отношении менее динамично работает Конституционный Суд Республики Беларусь. Прежде всего, по причине слабой активности субъектов, наделенных правом внесения предложений о рассмотрении вопросов о конституционности актов законодательства. Полагаем, что ситуация должна измениться в связи с расширением полномочий Конституционного Суда по итогам народного голосования, проведенного в 2022 году.

Важно подчеркнуть, что благодаря новым изменениям Конституции в ней зафиксировано право судов на непосредственный запрос в Конституционный Суд. Здесь обратим внимание на взаимосвязь двух статей Конституции – ст. 112 и ст. 116 (1). Надо признать, что ранее часть вторая ст. 112 Конституции в большей степени, на наш взгляд, ориентировала суды общей юрисдикции на вынесение своих постановлений сразу на основе конституционной нормы и лишь затем суд обращался в Конституционный Суд, по сути, за подтверждением правильности своей позиции. В соответствии с новой редакцией указанной статьи суд при возникновении сомнения в конституционности подлежащего применению в деле нормативного акта обращается в Конституционный Суд до вынесения судебного постановления. Каких-то жестких предписаний, включая критерии, при наличии которых следует суду обращаться в Конституционный Суд, нет. Законодатель ограничился тем, что сослался на наличие или отсутствие сомнений у суда относительно конституционности акта законодательства.

На наш взгляд, положения части второй ст. 112 Конституции Республики Беларусь по-

лучают дополнительное закрепление в части пятой ст. 116 (1), где указано, что запросы судов осуществляются относительно проверки конституционности тех нормативных правовых актов, которые подлежат применению в конкретном деле. Обратим внимание, что запросы суда могут быть относительно всех нормативных правовых актов (от республиканского до местного уровня), главное, чтобы его следовало использовать при рассмотрении конкретного дела. К сожалению, в отличие от указанных полномочий суда в этой же части ст. 116 (1) Конституции Беларуси указано, что индивидуальная конституционная жалоба может быть реализована гражданами по их жалобам на нарушения их конституционных прав и свобод законом, подлежащим применению в конкретном деле, при условии, что исчерпаны иные средства судебной защиты. Таким образом, судебные постановления могут препятствовать развитию института конституционной жалобы, если суды будут ссылаться при принятии своих постановлений на подзаконные акты. Исходя из наших традиций, можно сделать вывод, что довольно часто подзаконные акты более полно регулируют общественные отношения, чем законы, в силу лаконичности последних. Подтверждает этот вывод и такой формальный факт, как количество законов, актов Правительства, ведомственных актов и др.

Согласно ст. 125 Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд в порядке, установленном федеральным конституционным законом, разрешает вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию в случае, если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации. Анализ принимаемых некоторыми международными органами решений показывает, что часто они носят в отношении Российской Федерации и Республики

Беларусь не правовой, а политический характер. По этой причине, а также в целях обеспечения конституционной идентичности закрепление в Конституции РФ указанного полномочия Конституционного Суда РФ является обоснованным. Тем более, что такая практика характерна и для некоторых европейских государств. К сожалению, в Конституции Республики Беларусь такой нормы нет. Следуя опыту Российской Федерации, других стран, автором данной статьи предлагалось предусмотреть в Основном Законе Беларуси право Конституционного Суда проверять возможность исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, налагающего обязанности на Республику Беларусь, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка нашей республики [1, с. 142]. Не исключаем закрепление подобной нормы в Кодексе о судостроительстве и статусе судей и Законе Республики Беларусь о конституционном судопроизводстве, ведь конституции Российской Федерации и Республики Беларусь не содержат закрытый перечень полномочий конституционных судов (см. соответственно ст. 125 и 116), они могут быть расширены на уровне закона. Однако необходимо учитывать соотношение по юридической силе законов и международных договоров, которые должны исполняться. Обратим внимание на нестандартный подход, который зафиксирован в Законе Республики Беларусь от 03.01.2023 «Об изъятии имущества». В нем предусмотрено новое основание для изъятия объектов права собственности – недружественные действия в отношении Республики Беларусь, ее юридических и (или) физических лиц. Закон определяет, что инициатором такого решения является Совет Министров, дело рассматривается в экономическом суде города Минска (ст. 3 Закона). Тем самым государство стремится защитить социальные и экономические права своих граждан и субъектов хозяйственной деятельности.

Законодатель специально подчеркнул приоритет решения национального органа: решение международного суда, международного арбитражного суда или суда иностранного государства, совершающего недружественные действия, об обеспечении иска не может

приостановить производство по делу и исключить процедуру регистрации перехода права собственности или учета отдельных видов недвижимого имущества. Таким образом, указанные меры выполняют важную защитную функцию национальных интересов.

Заключение

В доктринальном аспекте не оценим вклад ученых в развитие современной концепции правового статуса человека и гражданина, одним из краеугольных камней которой является утверждение постулата о том, что человек и государство являются равноправными партнерами, несут взаимную ответственность. Относительно традиционно понимаемого комплекса прав – личных, политических, экономических, социальных, культурных – уже сложились соответствующие стандарты. Сейчас есть потребность переосмысления устоявшихся ценностей, включая соотношение права и морали, иных социальных регуляторов, их ценностного единства и взаимовлияния, необходима оценка многого из того, что преподносилось со стороны западных стран как объективная необходимость, как отражение «цивилизованности» государства. Происходит формирование новых моделей права и нравственности, в основе этого процесса – переосмысление существующих проблем человеческого бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Василевич, Д. Г. Конституционные основы реализации соматических прав: теория и практика : монография / Д. Г. Василевич. – Минск : Право и экономика, 2021. – 256 с.
2. Витрук, Н. В. Перспективы развития современной отечественной науки конституционного права / Н. В. Витрук // Государственная власть и местное самоуправление. – 2010. – № 11. – С. 3–5.
3. Иеринг, Р. Борьба за право / Р. Иеринг. – М. : Феникс, 1991. – 64 с.
4. Ковалев, А. А. Международная защита прав человека : учеб. пособие / А. А. Ковалев. – М. : Статут, 2013. – 591 с.
5. Права человека. История, теория и практика : учеб. пособие / Б. Л. Назаров [и др.]; отв. ред. Б. Л. Назаров. – М. : Руслит, 1995. – 303 с.

6. Права человека : учебник / Т. А. Васильева [и др.]; под общ. ред. Е. А. Лукашевой. – М. : НОРМА, 2010. – 573 с.

7. Правосудие в современном мире: монография / В. М. Лебедев [и др.]; под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : Норма, 2018. – 784 с.

8. Принципы публичного права : монография / под ред. Е. В. Титовой, Т. П. Пошивалова. – М. : Проспект, 2023. – 288 с.

9. Рудинский, Ф. М. Наука прав человека и проблемы конституционного права / Ф. М. Рудинский. – М. : Издатель Рудинский Ф.М., 2006. – 302 с.

10. Семенова, Н. С. Право на образование в решении Европейского Суда по правам человека по делу «Лаутси и другие против Италии» / Н. С. Семенова // Вестник РУДН, серия «Юридические науки». – 2011. – № 4. – С. 202–209.

11. Спаская, В. В. Право на образование как источник образовательных отношений / В. В. Спаская // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2006. – № 6. – С. 77–94.

12. Строкова, Д. А. Принцип уважения и защиты прав человека в международном праве / Д. А. Строкова. – Молодой ученый. – 2020. – № 3. – С. 227–229.

13. Тарасова, Н. А. Право на образование в системе конституционных прав граждан Российской Федерации / Н. А. Тарасова // Право и политика. – 2010. – № 10. – С. 1842–1846.

14. Хазов, Е. Н. Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина в России. Теоретические основы и проблемы реализации : монография / Е. Н. Хазов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2010. – 343 с.

REFERENCES

1. Vasilevich D.G. *Konstitucionnyye osnovy realizacii somaticheskikh prav: teoria i praktika: monografiya* [Constitutional Bases of Somatic Rights Realization: Theory and Practice. Monograph]. Minsk, Pravo i ekonomika Publ., 2021. 256 p.
2. Vitruk N.V. *Perspektivy razvitiya sovremennoy otechestvennoy nauki konstitucionnogo prava* [Prospects for the Development of Modern Domestic Science of Constitutional Law]. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie* [State Power and Local Self-Government], 2010, no. 11, pp. 3-5.
3. Iering R. *Borba za pravo* [Struggle for Law]. Moscow, Feniks Publ., 1991. 64 p.
4. Kovalev A.A. *Mezhdunarodnaya zachita prav cheloveka: uchebnik* [International Protection of Human Rights. Textbook]. Moscow, Statut Publ., 2013. 591 p.

5. Nazarov B.L. et al. *Prava cheloveka. Istoria, teoria i praktika: ucheb. posobie* [Human Rights. History, Theory and Practice. Textbook]. Moscow, Ruslit Publ., 1995. 303 p.

6. Vasilyeva T.A. et al. *Prava cheloveka: uchebnyk* [Human Rights. Textbook]. Moscow, NORMA Publ., 2010. 573 p.

7. Lebedev V.M., Khabrieva T.Y., Avtonomov A.S. et al. *Pravosudie v sovremennom mire: monografiya* [Justice in the Modern World. Monograph]. Moscow, Norma Publ., 2018. 784 p.

8. Titova E.V., Poshivalova T.P., eds. *Principy publichnogo prava: monografiya* [Principles of Public Law. Monograph]. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 288 p.

9. Rudinsky F.M. *Nauka prav cheloveka i problem konstitucionnogo prava* [Science of Human Rights and Problems of Constitutional Law]. Moscow, Rudinsky F.M. Publisher, 2006. 302 p.

10. Semenova N.S. Pravo na obrazovanie v reshenii Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka «Lautsi i drugie protiv Italii» [The Right to Education in the Decision of the European Court of Human Rights in the Case of “Lautsi and Others vs Italy”]. *Vestnik*

RUDN, seria «Yuridicheskie nauki» [Vestnik RUDN, Series “Legal Sciences”], 2011, no. 4, pp. 202-209.

11. Spasskaya V.V. Pravo na obrazovanie kak istochnik obrazovatelnykh odnosheniy [The Right to Education as a Source of Educational Relations]. *Izvestia vysshikh uchebnykh zavedeniy. Jurisprudence*, 2006, no. 6, pp. 77-94.

12. Strokova D.A. Princip uvazhenia i zachity prav cheloveka v mezhdunarodnom prave [Principle of Respect and Protection of Human Rights in International Law]. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 2020, no. 3, pp. 227-229.

13. Tarasova N.A. Pravo na obrazovanie v sisteme konstitucionnykh prav grazhdan Rossiyskoy Federacii [The Right to Education in the System of Constitutional Rights of Citizens of the Russian Federation]. *Zakon i politika* [Law and Politics], 2010, no. 10, pp. 1842-1846.

14. Khazov E.N. *Konstitucionnye garantii prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossii. Teoreticheskie osnovy i problemy realizacii: monografiya* [Constitutional Guarantees of the Rights and Freedoms of Man and Citizen in Russia. Theoretical Foundations and Problems of Realization. Monograph]. Moscow, UNITY-DANA Publ., Zakon i pravo Publ., 2010. 343 p.

Information About the Author

Dmitry G. Vasilevich, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of International Law, MITSO International University, Kazintsya St, 21, Bld. 3, 220099 Minsk, Belarus, arofevralz@gmail.com, Dmitry8157@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3131-5462>

Информация об авторе

Дмитрий Григорьевич Василевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Международный университет «МИТСО», ул. Казинца, 21, корп. 3, 220099 г. Минск, Беларусь, arofevralz@gmail.com, Dmitry8157@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3131-5462>

Миссия журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» – поддержка научных исследований в области юриспруденции, создание международной дискуссионной площадки для обсуждения исторических закономерностей и актуальных проблем современного права как теоретического, так и прикладного характера; публикация основных результатов, полученных в ходе написания диссертационных работ на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук, а также научных исследований, издаваемых при финансовой поддержке научных фондов. Миссия журнала реализуется посредством формирования высокопрофессиональной и этичной редакционной политики, позволяющей выпускать издание высокого качества, в котором поддерживаются лучшие практики высшей школы, традиции академической культуры и публикуются творческие оригинальные научные статьи, хроники научной жизни, критические и библиографические обзоры российских и зарубежных исследователей.

Журнал «Legal Concept = Правовая парадигма» включает следующие рубрики: Главная тема номера; Теория и практика государственно-правового развития; Вопросы частноправового регулирования: история и современность; Правовые проблемы охраны окружающей среды и использования природных ресурсов; Процессуальное право: вопросы теории и правоприменения; Противодействие преступности и дифференциация уголовной ответственности; Международное право и сравнительное правоведение; Критика и библиография; Хроника научной жизни.

Совокупность рубрик журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» соответствует группе научных специальностей 5.1. Право Номенклатуры специальностей научных работников.

The mission of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal is to support research in the field of law; to provide an international platform for discussing historical patterns and urgent issues of modern law, both theoretical and applied ones; to publish the main results obtained in the course of writing theses for the degree of Candidate and Doctor of Sciences (Jurisprudence), as well as studies funded by scientific foundations. The mission of the journal is implemented through forming a highly professional and ethical editorial policy, which allows to create a high-quality publication, which supports the best practices of higher education, traditions of academic culture and publishes creative original scientific articles, chronicles of scientific life, criticism and bibliographic reviews of Russian and foreign researchers.

Legal Concept = Pravovaya paradigma journal includes the following sections: Mainstream Issue; Theory and Practice of State and Legal Development; Private Law Regulation Issues: History and Contemporaneity; Legal Issues of Environmental Protection and Use of Natural Resources; Adjective Law: Theoretical and Law Enforcement Issues; Crime Prevention and Differentiation of Criminal Responsibility; International Law and Comparative Jurisprudence; Criticism and Bibliography; Chronicle of Scientific Life.

The sections of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal correspond to the group of scientific specialties 5.1. Law according to the Nomenclature of specialties of academic researchers.

Уважаемые читатели!

Подписка на I полугодие 2024 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 29279.

Стоимость подписки на I полугодие 2024 года 1738 руб. 10 коп.

Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

Dear readers!

Subscription for the 1st half of 2024 is carried out through “The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1. The subscription index is 29279.

The cost of subscription for the 1st half of 2024 is 1738.10 rubles.

Distribution of the journal is carried out through the address system.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить или исправить статью.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik5@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik5@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Legal Concept = Правовая парадигма».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: <https://j.volsu.com> (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The Editorial Staff of the Journal publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant, must have novelty and include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik5@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik5@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Legal Concept = Pravovaya paradigma* printed periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles please refer to the Journal's website <https://j.volsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

ISSN 2587-8115

9 772587 811003